

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ №1(5)
ПОЛЕ
2012
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
КОНГРЕССА РУССКИХ ОБЩИН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К 75-летию Валентина Распутина

<i>Елена Шатохина.</i> Нести свой крест, молиться за Россию.....	3
<i>В. Распутин.</i> О подлинном патриотизме	10

Радуга

<i>Александра Юнко:</i> «У каждого из нас – свой Пушкин»	12
Главы из книги «Гадание на Пушкине»	13

ИНФО - поле
АРП РМ

<i>Знай наших!</i>	29
<i>Леонид Поторак.</i> Рядовой.....	30

Один в поле – воин

К 100-летию Андрея Павловича Лупана	
<i>Николай Савостин.</i> Возвращение поэта	32

Пушкинская горка

<i>Вика Чембарцева.</i> Отражения	39
---	----

Нива науки

<i>Славянскому университету – 15 лет</i>	45
Интервью с <i>О.А.Бабенко</i>	

Эхо XX века

<i>Ольга Тиховская.</i> Дар ученичества.....	53
<i>Александр Гавронский.</i> Шедевры человеческие	60

За межой

<i>«Тихое шествие... к весте, которой не ждешь...».</i>	
Поэты Ярославля.....	69

Поле притяжения

<i>Анатолий Лабунский.</i> Богатство сытым не бывает	92
---	----

Взлётная полоса

Игорь Корнилов. После захода солнца	106
Мария Гурская. Мы?... ..	112
Александр Шадрин. «Великий день Бородина...»	139
Дарья Куприянова. Ступени.....	142
Дмитрий Буймистру. «Мы начинаем КВН...»	146

Поле зрения

Николай Савостин. Правильные черты лица, или когда жил я.....	115
---	-----

Поли-ART

Лидия Латъева. Светлая память	150
--	-----

**Осторожно:
история!**

Олег Краснов. История румын как линия фронта информационной войны.....	150
--	-----

Учредитель и главный редактор – *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Валентина Костишар, Олег Краснов, Виктория Алесенкова,
Сергей Пагын, Татьяна Орлова*

Литературный редактор и корректор – *Марина Попова*

Художник – *Сергей Сулин*

Вёрстка – *Людмила Ильина*

Авторы и разработчики сайта Ассоциации русских писателей РМ
Александр Чельшев, Михаил Полевой

<http://www.arprm.com>

E-mail: russkoepole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Перепечатка материалов только с разрешения редакции «Русского поля»

© Русское поле, 2012

К 75-летию со дня рождения ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

ЕЛЕНА ШАТОХИНА

НЕСТИ СВОЙ КРЕСТ, МОЛИТЬСЯ ЗА РОССИЮ...

Немного рождается писателей, которые могли бы считаться «совестью народа», и немного найдется живущих сегодня в России писателей, к кому сегодня, как шел народ когда-то ко Льву Толстому в Ясную Поляну, тянет отправиться за словом Правды. Но они еще есть. И Валентин Распутин, «последний из могикан» славной когорты писателей-деревенщиков, как раз из таких людей, за которыми это слово Правды априори подразумевается, и посему хочется услышать от них какую-то окончательную, волнующую и оглушающую истину.

Про Россию, про её будущее, про народ, про сегодняшнюю жизнь, про литературу... мало ли о чем!

Пусть отчаянно наивна мысль, что кто-то вообще имеет право на эту верховную главную Правду, и еще большая наивность думать, что писатель, многократно высказавший свои заветные мысли, душевную боль в книгах и публицистике, сможет и захочет сказать в личной беседе нечто большее. А ведь все равно – вопреки логике – жаждешь таких встреч. Потому что Валентину Распутину веришь даже тогда, когда он... полемически неправ. Потому что каждое его слово выверено личным и истинным страданием, этой молитвой за Россию, пропущенной через душу и сердце любовью к народу, а там уже и к его истории, и к взрастившей его природе.

Притягательность, убедительность цельной личности Валентина Распутина столь велики и сами по себе самоценны, что, кажется, спорят с его литературным даром и на каком-то этапе осмысления кажутся не менее важны, чем обаяние его прозы. Или потому что стоит время неверия, и личный пример стал ценнее слов, или потому, что слова имеют привычку терять силу, когда не подкреплены духовной отдачей народа. В общем, невольно жаждешь отправиться в путь-дорогу к писателю Распутину больше за личным человеческим примером, чем за самыми умными, зрелыми и красивыми словами литератора.

Да и куда же было идти в поисках этого Слова, если писатель в последние годы взял своего рода обет молчания? Он даже на чествования своего юбилея нигде не поехал. Пишут в отчетах: праздновали – от Москвы до самых до окраин – без него. Давно не видно когда-то гремевших полемических его выступлений в газетах, а открытых писем, заявлений и комментариев, тем более, давным-давно нет. Но вот что удивительно: в этом наступившем, можно сказать, – оглушающем молчании Валентина Распутина вдруг оказалась заключена огромная сила и значение. «Беда, коли молчит певец...». А как будто ничего не случилось, но случилось все. Просто то, о чем он всю жизнь писал, как о **предчувствии** гибели традиционного уклада жизни русского человека, его системы ценностей, по его мнению, в современной России **уже произошло**.

Они оказались потеряны. Навсегда ли? Окончательно, невозстановимо?

И тут уж каждый волен понимать по-своему – о чем молчит Распутин, что из этих молчаливо оплакиваемых потерь жалче, кто виноват и что делать... И о чем – на фоне разнообразного шума – молчит вместе с ним ушедший глубоко в себя народ огромной России.

ГРОМКОЕ МОЛЧАНИЕ

«Вот, может быть, иногда самая большая работа для писателя это молчать», – так считает сегодня Валентин Распутин. Что считал важным – то и сделал. И тем подтвердил, что какой ни возьми из его писательской жизни упорный поступок – он сделан не на потребу дня, не для фотографий в газете, а для самого себя – человека с совестью. И самые главные, независимые эти поступки Распутина были, прежде всего, – самой простой и честной, человеческой золотой пробы. Было важнее – быть чистым перед собой, чем в глазах истеблишмента, «необъятной России» или с помощью еще каких-то устойчивых штампов оценок.

В свое время Распутин защищал от поворота сибирские реки, чистый как слеза Байкал, выступая за закрытие расположенного на его берегах целлюлозно-бумажного комбината, а в последние годы его усилиями спасаются исторические места, памятники. Только при его помощи вырос над Ангарой, в Усть-Уде, золотой, светящийся, православный храм, разнесший окрест колокольный звон, открылась (тоже его стараниями выстроенная) в его родной Аталанке деревенская новая школа. Потрясающе, что он еще путешествует по знакомым сибирским местам, и уже немолодым, 71-летним человеком, Валентин Распутин в 2008 году спустился на дно своего Байкала в батискафе «Мир», чтобы увидеть его воды на немыслимой глубине. Трогательно, что писатель, не раз вместе с экологами выступавший за сохранение чистоты этого самого глубоководного озера Земли, захотел своими глазами увидеть чудный байкальский подводный мир и – увидел его совершенно поэтически... Распутин – не отшельник, но он живет не на потребу «обществу» и никогда не жил.

В чем тут тайна обаяния вот такой жизни – затерянной для телекамер, съемок и гламура, укромной, и, к счастью, делящейся близко от нас, современников, но так уже далеко ушедшей куда-то внутрь себя, в духовную глубину, жизни? Не знаю, но тайна существования души точно – есть. А ведь внешне – вроде бы, в этой писательской биографии, на первый взгляд, все складывалось слишком уж «по-советски» правильно и гладко, чтобы рано забронзоветь, начать вещать, зажить по определенным правилам. Так что зацепиться было не за что: от государства – ну баловень судьбы, как ни крути! – одни удачи и тиражи, одни награды и признание.

И если есть «типичные биографии» прозаиков-деревенщиков, писателей-шестидесятников, с триумфом вошедших в советскую литературу в конце 60-ых – начале 70-ых годов теперь уже прошлого века, то у Валентина Распутина – внешне как раз такая образцовая, можно сказать, – «классическая» до самых мелких деталей – биография.

Родился в сибирской деревеньке Аталанка на Ангаре в 1937 году (несмотря на свою «черную историческую метку» репрессий, небывало урожайном на рождение будущих литературных талантов), в крестьянской семье. Немало в детстве

намаялся и наскитался по чужим углам (отца арестовали, мать одна растила троих детей), жил в бедности, но через лишения упорно карабкался вверх. Отлично учился, закончил Иркутский университет, прошел газетную школу, и очень «вовремя» для прозаика, 28 лет от роду, попал на семинар к Владимиру Чивилихину, заметившему молодое дарование и благословившему в печать первые распутинские рассказы.

Через два года Распутин был уже членом Союза писателей СССР.

И, став автором повестей и романов, вызвавших разговоры, обсуждения, наделавших в свое время немало шума, – «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матерой» (1976) и так далее, прочно утвердился в отряде лучших советских писателей-«деревенщиков». Чему, по его собственному признанию, был рад и горд – вот этой отметине – «деревенщик».

ЕМУ НЕ ПОВЕЗЛО «ФРУКТОВО» ЖИТЬ...

Ну, а далее пошли награды, государственное и общественное признание, депутатство, различные комиссии, членство в Совете при Президенте и все такое прочее. Чем Распутин награжден и отмечен за свою жизнь и перечислить трудно – Лауреат Госпремии СССР, два ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, и так далее, и так далее.... Герой Соцтруда, секретарь Правления СП СССР, депутат Верховного Совета, почётный академик Российских и зарубежных академий

Тем не менее за всей этой парадной и успешной, как сейчас принято говорить, биографией – стоит на редкость совестливая человеческая натура, стоит Человек, заплатившей свою большую земную цену за награды и признание.

О Распутине живут и бытуют как бы две правды – премии, награды, почетные звания, всевозможные «знаки отличия», отмеченного «баловня государства», и – другая правда, реальная, непарадная: трудная жизнь простого человека, настоящего патриота Сибири, неразлучного с родными местами, знавшего тяжелые дни и несчастья, большого, неустанного труженика, настоящего подвижника.

Как написал почитатель таланта и личности Распутина, сопредседатель Союза писателей России Владимир Крупин: «Господь, давая каждому из нас жизненный Крест, знает наши силы, и крест не по силам не даёт. Значит, как же надеется Господь на раба Божия Валентина, что попустил ему такие страдания. Израненный отец мало пожил после войны, росли без него. И мама до старости не дожила. Рано ушёл из жизни младший брат. Умер маленький сыночек, это ещё в Красноярске, погибла в Иркутске, в авиакатастрофе, любимая умница и красавица дочь Мария. А самого дважды не просто избивали, а в прямом смысле убивали. Сколько больниц прошел, сколько операций. Только сибирское здоровье, только могучая наследственность, только молитвы за него помогали выкарабкаться Валентину Григорьевичу».

И еще из Крупина о Распутине: «И всегда он бросался на помощь, когда видел несчастья других. Тысячи и тысячи писем, сотни статей и предисловий. Бесчисленное количество встреч и звонков, когда устраивал чьи-то дела. Сколько же корыстных людей пользовались его добротой. Помогал и им, и никого, истинно по-христиански, не упрекнул. А скольких молодых писателей

вывел, что называется, в люди. И эти сотни и сотни заседаний, съездов, пленумов, постоянные поездки по стране, выступления. Это ведь только со стороны кажется, что фруктово жить писателю, когда он идёт к микрофону, а зал встаёт, устраивает овацию. А каково ему, если он Распутин? Совестьливый, мучающийся и перед тем, как говорить и после того, как уже выступил. И может быть, кто-то подумает, что вся, без исключения, писательская братия его любит так же, как читатели? Или, может быть, уже исчезли из жизни зависть и злоба? А ещё и, может, это главное – любовь к нему тех, кто любит Россию. А любовь самого писателя к родине – душа всех его трудов. Если сравнить количественно написанное Распутиным, с другими писателями, то заметно, что написал он меньше многих. Да, так. Но сказал больше, вот в чём дело...».

Внешние приметы жизни, вроде успеха и славы, мало что значат, когда дело касается таких масштабных натур, как Валентин Распутин. Многие в писательском, да и в политическом бомонде удивлялись – вот надо же, выбился в люди! – и даже завидовали в свое время, что Михаил Горбачев «приблизил» Валентина Распутина, советовался с ним, сживал, что называется, за одним столом. Но так могли думать только те, кто никогда не понимал мотивов и логики поступков, не чувствовал сущности и пафоса жизни писателя-сибиряка. Ведь чем все кончилось?

«Моё хождение во власть ничем не кончилось, – скажет Распутин по поводу своего членства в президентском Совете при Горбачеве. – Оно было совершенно напрасным. [...] Со стыдом вспоминаю, зачем я туда пошел. Моё предчувствие меня обмануло. Мне казалось, что впереди еще годы борьбы, а оказалось, что до распада остались какие-то месяцы. Я был как бы бесплатным приложением, которому и говорить-то не давали».

«В 80-ых годах теперь уже прошлого столетия, – подводя черту под последними десятилетиями, говорит о себе Распутин, – я с головой окунулся в общественно-охранительную работу: борьба за Байкал, против поворота северных и сибирских рек, против разрушения деревни, за памятники истории и культуры и вообще за сохранение исторической памяти. Девяностые годы и разграбление России пережил тяжело. И рассказы того времени, и повесть «Дочь Ивана, мать Ивана», конечно, мало утешат читателя. Но я и не ставлю такой задачи – утешать. Это реальность, какая она есть».

По вполне понятным причинам Валентин Распутин не принял перестройку с её плодами разрухи и общественного раздора, ломки человеческих судеб и ценностей, и на время полностью ушел в общественные дела, различные комитеты, чтобы заниматься защитой того, что еще можно было спасти – природу, Байкал, культуру, памятники...

Трудно представить, что в мировоззрении и оценках Распутина сложилось бы все по-другому, когда самые любимые и постоянные его герои – соль земли, степенные, трудолюбивые, сильные характерами пожилые крестьянки, хранительницы национально-духовной общинной традиции, везде противопоставлены временному, наносному, нетвердому в устоях и традициях, «бесстержневому» и лишенному корней поколению «полугородских и пришлых».

Ведь какое крупное произведение Распутина ни возьми – везде видишь столкновение и конфликт истинного, выстраданного, подлинного, закрепленного на земле – с мнимым, летучим, временным, духовно пораженным.

«ДИКТАТ ПОБЕДИВШЕГО БЕССТЫДСТВА»

Так в повести «Пожар» (1985) – стоит обратить внимание и на название, этот центральный образ произведения, и на год его написания, сообразно разворачивающейся за окном «правде времени», – с обычной для Распутина какой-то личной болью и предостережением изображено торжество целого поколения «гуляй-поле», оторванных от своих корней героев. Жадность, временность желаний, атрофия совести, измена простым человеческим идеалам добра и совести – все это Валентин Распутин в восьмидесятых годах уже изображал, можно сказать, с опережением на ближайшие десятилетия, предчувствуя, как будут размыты и поруганы считающиеся еще вчера – в семьях, среди соседей, друзей, сослуживцев, «в нашем сообществе» – незыблемыми истины. Как потеряется «всеобщее», то самое выстраданное чувство общности народа, чувство ответственности за это всеобщее, как станет занимать его место эгоистично-«личный» выбор земных благ.

И развернувшаяся во всем ее фарсе и трагедии российская жизнь 90-ых годов лишь подтвердила все худшие из его тогдашних писательских предчувствий. Распались людские связи, формировавшиеся в народе не один год (часто – вопреки декларируемому официальной пропагандой) понятия и устои, и что самое страшное и недооцененное до сих пор в последствиях – разразилась третья, последняя, российская революция уходящего 20 века.

И писатель, предчувствуя все нравственные испытания и катастрофы российского общества, в полемическом задоре, даже в истинно сибирском упорстве и упрямстве лишь обострил свои утверждения в статьях и интервью, которые многим либералам показались «замшелыми», «отсталыми» или «испуганными».

Практически, Валентин Распутин чуть ли не в одиночку – из наиболее знакомых, отмеченных государством писательских фигур, известных народу, – пошел против мощной волны официальной политики «ободряем-с» перестройки, против целой когорты видных коллег, общественных деятелей, издателей, московских редакторов ведущих СМИ, против прежних друзей и влиятельных симпатизантов. И заклеив плоды перестройки, воспринятой Распутиным как «диктат победившего бесстыдства», он пошел еще дальше А. Солженицына, противопоставив социальный идеал патриотически-православного государства т. н. «нравственному плюрализму» («Россия: дни и времена», 1993).

Это не значит, что Валентин Распутин вместе с перестройкой разом «похоронил» российский народ и его будущее. В конце 90-ых годов на писательском столе родилась целая серия современных рассказов о разорённом и все же не «умершем» духовно, а пробуждающемся народе («Нежданно-негаданно», «В больнице», 1997). Очень символично – «В непогоду», – называется один из последних рассказов писателя, всей фабулой, всем образным строем дающий понять, что над Россией веют враждебные вихри потому, что нам самим... пока недостает сил им сопротивляться и «выстроить» погоду у себя в доме. Все в твоих руках, русский человек, ты остался один, так восстань и виждь, и внемли, словно говорит этим образом Валентин Распутин, теперь только от тебя зависит – и твоя духовность, и зрелость мысли, и сохраненная оригинальность национального характера, и твоя вера, и само будущее России...

РАСПУТИНСКАЯ МИФОПОЭТИКА

За публицистическим даром, за остротой поднятых писателем тем, как за лесом – деревья, подчас не «видно», каким языком, какими литературными средствами формируется и строится распутинская поэтика. То есть все образные средства становятся как бы вторичными на фоне поднятых тем, где содержание заслоняет форму произведения. Тем не менее, многие литературоведы утверждают, что существует особая **распутинская мифопоэтика**, подвигающая исследователей его творчества сравнивать его с У. Фолкнером и Г. Гарсиа Маркесом.

Выбраны для такого сравнения эти две видные фигуры мировой литературы на первый взгляд неожиданно, но на самом деле – не случайно. Ведь у этих писателей внутри эпических произведений живет своя космогония, существует своя обжитая система выбранных координат, не всегда совпадающая с реальными параметрами жизни. То есть она, эта космогония, живет и правит персонажами по максимуму, глобально, часто не считаясь с краткостью их жизни или ничтожными человеческими возможностями. Но зато, если и вырастают среди вихрей этой Вселенной герои – то они кажутся яркими титанами, фантастически мощными и одаренными Богом свободными частицами мира, чьи духовные или просто витальные силы превосходят все воображаемое.

Так и у Валентина Распутина – внешне простой, «безобидный» и «тихий» бытовой сюжет «укреплен» своей осью координат, где самое малое меряется самым большим: человеческие чувства и деяния – по особой шкале, не просто «честного и бесчестного», а праведного и неправедного, что назначено от века самой природой человека, самой божественной гармонией Вселенной. То есть у Распутина все живет почти по Канту: главное – звездное небо над человеком и нравственный закон внутри его. И если смотреть еще шире, то оказывается, что художественное пространство «большой прозы» Распутина организовано по принципу «от земли – до неба»: от обычных «житейских будней» до «вечного круговорота жизни». И вплетенность человека в жизнь сообщества, в природу, само его существование на Земле могут быть оправданы, по Распутину, исключительно внутренней гармоничной устроенностью, честным, справедливым и созидательным трудом. А любое разрушительное действие человека – безделье, жадность, праздность и т.д. – это отклонение от оси добра и гармонии, они кощунственны, святотатственны, не меньше.

ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ РОССИИ

Нельзя не сказать об одной отличительной особенности прозы Валентина Распутина – его женских образах, будь то учительница Лидия Михайловна в «Уроках французского» или Тамара Ивановна из повести «Дочь Ивана, мать Ивана», Агафья из «Избы» или Дарья из «Прощания с Матёрой». Нигде нет у писателя столь цельных, сильных, выразительных мужских образов, такие – есть только женские. Обычно сдержанный, почти скупой, краткий и строгий стиль письма Распутина меняется, когда писатель прикасается к теме женственности, мифологизируя тему, расширяя и поднимая до невиданных высот:

«Её волновала женская тайна, в ней же заключенная, но не то физиологическое, тоже непонятное, а то невидимое, нутряное, более чувственное, чем физио-

логия, запаленное особым духом: или тихое, сонное, едва шевелящееся, нежно перебирающее грудь, или вдруг окрыляющееся, распирающее ту же самую грудь, поднимающее от волнения на цыпочки». («Дочь Ивана, мать Ивана»)

Внутренне тут возникает – при разной, конечно, стилистике – невидимая, но прочная связь и со стилистикой Льва Толстого и с Блоком, с его пониманием женственности самой России, ее природы и предназначения, силы и слабости. Думается, что у Распутина один из способов выражения сути России – был осуществлен через описание женских образов.

Да и сам Валентин Распутин не скрывал своих оценок и привязанностей, сказав: «В России женщина всегда играла большую роль, может быть, чем мужик. Да, мужик шел воевать, мужик защищал Отечество, работал на грубых работах – в поле работал, на кузнице работал, и главную работу дома справлял тоже он. Но домоводство-то, душу-то ребячью вела все-таки женщина. Даже когда вера наша была изгнана, эта вера все же оставалась благодаря женщине. Она сохраняла чистоту языка, она глубже его знала и она говорила всегда интереснее – это я знаю по своей бабушке, по старухам, которые были в деревне: я не мог послушаться этих старух! Это кладезь – кладезь языка, кладезь мудрости. Женщина, видимо, имела возможность как-то и задумываться больше о жизни...».

Из некоего любопытства попутно выписываю из «кладезя языка» те нутряные «интересные» слова, которые сохранил Распутин, благодаря своей бабушке, сибирским старухам, и щедро, и любовно разбросал их в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (и не только в ней, разумеется, в других произведениях тоже): *скрад шага; стукоток; соступившая; на подросте; выгорбок; все делала с заглубом; увязки кос; злыдни; пужает...*, и выписывая, понимаешь, что благодаря простым сибирячкам, этим сильным послевоенным женщинам, поднимавших в одиночку целые семьи, писатель, быть может, сохранил не только богатый язык, но и понимание, чувство самой России. И «задумываться о жизни», глубине души – этому Распутин тоже научился сполна у «ведущих его ребячью душу» женщин:

«Когда пишешь поверхностного человека, ты и сам поверхностен, то есть ты не можешь в какие-то свои глубины заглянуть. А они существуют, глубины-то, у писателя они непременно должны быть. Это не писатель, если он обходится без этих глубин и если он не сумел их разработать. Это ведь тоже требует разработки определенной – и чтением, и размышлением, и... просто молчанием».

Помолчим и мы...

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН**О ПОДЛИННОМ ПАТРИОТИЗМЕ¹**

– Зачем патриотизм? А зачем любовь к матери, святое на всю жизнь к ней чувство? Она тебя родила, поставила на ноги, пустила в жизнь – ну и достаточно с нее, дальше каждый сам по себе. На благословенном Западе почти так и делается, оставляя во взрослости вместо чувства кой-какие обязанности.

Любовь к Родине – то же, что чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам все, что мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме, поэтому повторяться не стану. Напомню лишь, что патриотизм – это не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землей, но прежде всего долг перед нею, радение за ее духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с ее страданиями и радостями. Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он – духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своем Родину, не запутается, не опустится, не озвереет, ибо она найдет способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

Кто же в таком случае ненавистники патриотизма? Или те, кто не признает никакого другого рода, кроме своего, или легионеры нового мирового порядка – порядка обезличивания человека и унификации всего и вся, а для этих целей патриотизм, конечно же, помеха.

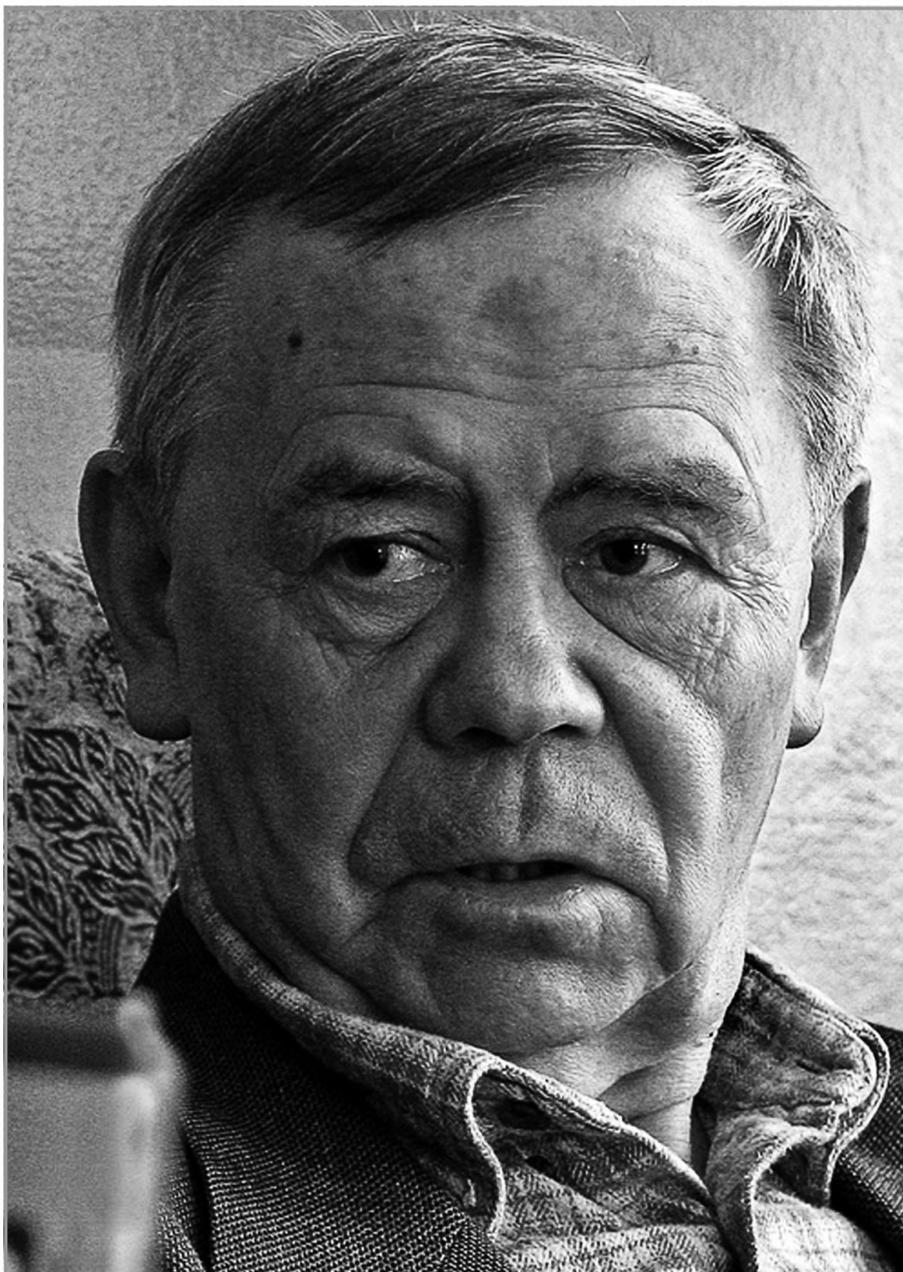
Мы, к сожалению, неверно понимаем воспитание патриотизма, принимая его иной раз за идеологическую приставку. От речей на политическом митинге, даже самых правильных, это чувство не может быть прочным, а вот от народной песни, от Пушкина и Тютчева, Достоевского и Шмелева и в засушенной душе способны появиться благодатно-благодарные ростки.

Родина – это прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом «территория». Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина – он любит и защищает все доброе и слабое на свете, нет – все ненавидит и все готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рожденья и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее – живем же мы в своих детях и внуках бесконечно. Бесконечно, пока есть Родина. Вне ее эта связь прерывается, память слабеет, родство теряется.

Для меня Родина – это прежде всего Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой Лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной...

Родина больше нас. Сильней нас. Добрей нас. Сегодня ее судьба вручена нам – будем же ее достойны.

¹Источник цитаты: http://6chuvstvo.pereprava.org/0208_rasputin.htm

**Русские литераторы Республики Молдова
поздравляют *Валентина Распутина*
с **75-ЛЕТНИМ** юбилеем!**

Долгие и благие лета, дорогой Валентин Григорьевич!

НОВЫЕ КНИГИ

Радуга

Александра Юнко: У КАЖДОГО ИЗ НАС – СВОЙ ПУШКИН

Десять лет назад в первых выпусках газеты «Русское слово» появилась рубрика «Мой Пушкин». Название для нее подарила знаменитая книга Марины Цветаевой – лучшая иллюстрация того, что каждого из нас с величайшим русским поэтом связывают очень личные отношения.

Для Александры Юнко – ведущей рубрики – такая связь далеко не абстрактна. Она родилась в старом Кишиневе, выросла между Пушкина горкой, где в доме Инзова квартировал Александр Сергеевич, и Благовещенской церковью, с которой связана история создания крамольной «Гавриилиады». А в Доме-музее Пушкина Александра Юнко проходила свои университеты и в школьные годы, и в студенческую пору, и после нее. Рубрика газеты «Русское слово» дала ей возможность соединить детские воспоминания с многолетним опытом дипломированного филолога, действующего литератора и профессионального журналиста. Разные по тематике, коротенькие заметки неизменно привлекали внимание читателей свежестью, парадоксальностью и необычным подходом к известному, казалось бы, материалу.

За годы существования «Русского слова» необычная рубрика выходила больше 200 раз. К десятилетию газеты ее избранные страницы были изданы отдельной книгой «Гадание на Пушкине». Многие из них пришлось дополнить или даже переписать. В результате появились семь полноценных разделов: «Загадки и открытия», «Бессарабский интернационал», «Контекст эпохи», «Опыт медленного чтения», «Я вас любил», «Знакомый пистолет», «На короткой ноге».

– Меня часто спрашивали, – рассказывает Александра Юнко, – откуда я беру сюжеты. Ну, это как раз нетрудно. Пушкин настолько современен, что жизнь всегда подсказывает какую-либо параллель с его произведениями, которые, в свою очередь, с развитием человечества наполняются новыми смыслами. Гораздо сложнее читать издавна знакомые вещи без посредников – то есть без наслоений, трактовок и комментариев, которыми пушкинские строки обросли, как днище корабля ракушками и водорослями за долгое плавание. Впервые я прочла Пушкина в пять лет. Второй раз училась читать его вместе с дочерью, и ее взгляд поразил меня естественностью и незамутненностью. Ну, а в третий раз к непредвзятому чтению меня приблизила работа над рубрикой «Мой Пушкин».

Гений столь велик, что заслоняет нам самого себя. Он для нас, как писала Марина Цветаева о своем детском восприятии, скорее «Пампуш» – памятник Пушкину. Он для нас – толстый том на полке. Мы, по его же определению, ленивы и нелюбопытны. Но каждому по силам снять книгу, стереть с нее пыль и войти в этот мир с дерзостью первооткрывателя.

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ГАДАНИЕ НА ПУШКИНЕ»

«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

Загадка гения всегда волнует умы и рождает самые невероятные предположения о том, как ЭТО произошло. Когда и при каких обстоятельствах из домашнего дичка и лицейского шалуна, грызущего ногти и перья, явился на свет великий русский поэт?

Конечно, была высокая природная одаренность. Ни образованием, ни воспитанием старшего сына в доме Пушкиных никто не занимался, но он безвозбранно читал книги из отцовского шкапа и слушал литературные разговоры Сергея и Василия Львовичей, а нянька, Ариша, пела ему народные песни и сказывала сказки. Затем – лицей, который открывали «под» великих князей, на самом деле оказался словно специально создан для юного беспечного гения. При всех недостатках этого уникального учебного заведения, в частности, надзоре за воспитанниками, здесь давали хорошую систему знаний, здесь царил прогрессивный дух, здесь Александр обрел друзей на всю жизнь, многие из которых стали поэтами, здесь впервые влюбился...

Но если говорить о том, когда именно все это сплывилось воедино, неизбежно всплывает Отечественная война 1812 года. Ежедневно обсуждаемые сведения о продвижении французских и отступлении русских войск, общая тревога, подготовка лица к эвакуации (к счастью, несостоявшейся) – все это насыщало новым смыслом такие обычные предметы, как история и география. Да и сама атмосфера Царского Села с его памятниками русской славе (в том числе и обелиском в честь побед пушкинского прадеда – Ганнибала) пробуждала патриотические чувства и формировала будущего «державника» отечественной литературы.

Вчерашние дворянские недоросли, пройдя инициацию всенародным бедствием, позором и славой, вдруг сразу повзрослели. А более всех – тот из них, кто так глубоко все это перечувствовал. Автор смешных эпиграмм и легкомысленных «песенок», потешавшийся недавно над тяжеловесным державинским слогом, преображается до неузнаваемости. Мало того, что он не проказит и впитывает знания как губка. Меняется его понятие о поэме: он осознает, что великие потрясения требуют «высокого штиля». И нет ничего случайного в том, что первую

большую и настоящую известность Александру Пушкину принесли стихи «Воспоминания в Царском Селе», посвященные не только историческим победам, но главным образом той, которая еще свежа в памяти всех, от мала до велика, и которая произвела столь разительные перемены в русском обществе. И глубоко закономерно, что именно эти чеканные строки пробудили мирно дремлющего на лицейском экзамене дряхлого Гаврилу Романовича и глубоко тронули старого поэта, символически приветствующего собрата грядущего века.

«Гроза двенадцатого года» заставила мальчика по кличке Француз (даже среди окружающих его франкофонов он отличался легкостью и непринужденностью болтовни) осознать себя русским человеком, наследником отечественной истории и залогом будущих вершин родной словесности.

«ПЕЙ ЗА МОЕ ЗДОРОВЬЕ»

Первый цыганский хор был представлен в России Екатерине Великой. По некоторым сведениям, для матушки-императрицы играли лэутары из Бессарабии – и очень ей понравились.

Самый прославленный из множества народных музыкантов, конечно же, Барбу Лэутарул, воспетый в одноименной канцонетте Василе Александри, а также в опере «Глира» Георге Няги. Но самый значительный памятник ему и его безвестным товарищам – поэтический фильм Эмиля Лотяну «Лэутары», который популяризировал творчество молдавских мастеров во всем мире.

Известны примерные годы жизни реального прототипа героя: родился около 1780-го, умер приблизительно в 1860-м. На свет он появился в семье потомственного лэутара Стана Барбу. Нарекли ребенка именем Василе. «Лэутарул» – не имя, а что-то вроде профессионального прозвища. Лэута, старинный инструмент, к тому времени уже исчезла из обихода, и сын Стана с детства играл уже на более современных скрипке, нае, кобзе (позднее его называли также Кобзару). У Василе Барбу был красивый голос, он чудесно пел старинные песни, дойны, романсы. Так что талантливому мальчику вполне могли показать Екатерине. Но нас больше интересует его более зрелый возраст и другой знаменитый слушатель.

Барбу Лэутарул пользовался уважением, его не раз избирали старостой лэутарского цеха. Он возглавил тараф (оркестр народных инструментов), который играл на народных гуляньях, семейных торжествах, в богатых боярских усадьбах и городских домах. Гастроли тарафа проходили в Теленештах, Фалештах и других местечках Бессарабии.

В Кишиневе Барбу тоже бывал не раз, наиболее достоверные даты – 1814-й и 1822 годы. В этот – второй – приезд его и мог слышать Пушкин.

Молодому чиновнику канцелярии Инзова представлялось немало возможностей познакомиться с молдавской народной музыкой. В ту пору она часто звучала не только в знатных домах, но и на улицах. По ним в поисках заработка группами бродили лэутары, в любой момент готовые дать импровизированный концерт. Один из путешественников, посетивший Кишинев в 20-е годы позапрошлого века, писал: «У некоторых питейных домиков на террасах с навесами барды молдавские – цыгане наигрывают и напевают сочиненные ими на разные случаи заувывные песни».

Предание утверждает, будто Пушкин и Барбу Лэутарул действительно встречались. Это могло произойти в одном из кишиневских домов, где любили музицировать. Например, у Ралли. В отличие от боярина Варфоломея, у семейства Ралли не было собственного оркестра из крепостных. Поэтому они частенько приглашали исполнителей народных напевов со стороны.

Можно только догадываться, какое впечатление произвела на поэта подобная встреча. Власть музыки над впечатлительной душой велика: вспомним стихотворение «Не пой, красавица, при мне...» Но что общего могло быть у сорокадвухлетнего неграмотного музыканта и двадцатидвухлетнего поэта? Ясное дело, они не беседовали об искусстве. Лэутары играли и пели, гости снисходительно слушали. Или танцевали, ели, беседовали под ненавязчивый аккомпанемент. Потом хозяева расплачивались суммой, заранее оговоренной с руководителем тарафа, который, как Василе Барбу, соединял в одном лице «первую скрипку», дирижера и продюсера.

Иной раз, если исполнение не нравилось, музыкантов выпроваживали, не заплатив. И они уходили не солоно хлебавши – жаловаться на произвол было некому. Разве что по «цыганской почте» сообщали собратьям по ремеслу, что туда-то и туда-то ходить не стоит, там лэутаров обижают.

В «Маленьких трагедиях» показан Моцарт, в шутку «угощающий» Сальери искусством трактирного музыканта. Тот безбожно фальшивит и перевирает арию из «Дон-Жуана» – творения самого маэстро. Сальери возмущен, а Моцарт хохочет. И дает старику монетку: «Пей за мое здоровье».

В отличие от этого слепого скрипача, лэутары были высококлассными исполнителями. И от продюсера зависело, чтобы они играли не только на террасах питейных домиков, но и приглашались туда, где была возможность заработать.

Василе Барбу был не только хорошим организатором. Его собственное мастерство было столь велико, что, по преданию, услышав его игру, сам Ференц Лист в знак признательности преклонил перед ним колени. Благодаря Лэутарулу многие профессиональные европейские гастролеры узнали и оценили молдавскую народную музыку. Ее мотивы вошли в произведения известных композиторов, в том числе и русских.

Барбу приписывают авторство виртуозной пьесы «Чокырляя» («Жаворонок»), других известных песен и романсов. Но, скорее всего, он был виртуозным интерпретатором. Хотя, как и другие лэутары, Василе консерваторий не кончал и даже не знал нот, репертуар у него был обширный. Многие мелодии из него были записаны известным фольклористом Ф. Ружицким и вошли в сборник, изданный в 1834-м году.

И все-таки: встречал ли Пушкин Василе Барбу? Достоверно мы этого никогда не узнаем. Но Эмиль Лотяну такой возможности не исключал. Человек с бакенбардами, если мне не изменяет память, в фильме «Лэутары» появлялся.

Кино, особенно поэтическое, – тоже легенда. Но хочется верить, что Александр Сергеевич слушал игру и пение не лэутара вообще, а того самого, в котором воплотилось для нас все лучшее в народном искусстве. Был взволнован, растроган. И, остро нуждаясь в деньгах, все же дал музыканту монету: «Пей за мое здоровье». Так могло быть.

НЕ ДОЖДАВШИСЬ НЕБЕСНОГО ГРОМА

Лет пятнадцать назад наши «национально озабоченные» сограждане сильно обижались на Александра Сергеевича за стихи о молдавской столице:

*Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет...*

Спорить по этому пункту, в общем-то, бессмысленно, так же, как и принимать всерьез шутливые строки из послания к Вигелю. В другом контексте (письмо к брату Льву, написанное, между прочим, в том же году) и с другой интонацией поэт писал: «Я оставил мою Молдавию» и «О Кишиневе я вздохнул». Между этими двумя фразами – объяснение столь элегического настроения: «Мне стало жаль моих покинутых цепей».

В захолустном губернском центре Пушкин «скучал 3 года» и мучился от безденежья. В европейской Одессе захандрил пуще прежнего и оживлялся только тогда, когда встречал кого-либо из кишиневских знакомых.

Но вернемся к посланию. Оно адресовано Филиппу Филипповичу Вигелю, в ноябре 1823 года назначенному гражданским вице-губернатором Бессарабии. Желчный и язвительный корреспондент и от Александра Сергеевича ждал чего-нибудь в таком же духе, с «крупной солью светской злости». И дождался.

«Проклятый город» по жанру напоминает эпиграмму, однако обращена она непосредственно к адресату, который славился нетрадиционной сексуальной ориентацией. Прембулой к этому служит юмористическое сравнение Кишинева с Содомом, который вместе с Гоморрой поразил Господь. Сегодня в пресловутом определении мы поставили бы ударение на первый слог – не проклятый, а проклятый.

*Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром, конечно, грянет,
И – не найду твоих следов!*

В «Париже Ветхого Завета» Пушкин, по его признанию, не прочь был бы «провести смиренно век».

*Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею,
Я слишком с Библией знаком
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев!*

Что мог противопоставить этому бессарабский городок, скорей напоминавший тогда восточную деревеньку, – «лавки грязные жидов», «пестрый дом Варфоломея»? В самой такой параллели уже содержится немало комизма.

*Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.*

«Нестрогие» дамы Филиппа Филипповича интересовали мало. Поэтому вслед за ними в послании фигурируют «милых три красавца», которых «под вечер» ждет адресат. Заканчивается стихотворение клятвенным обещанием:

*Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад –
Стихами, прозой, всей душою...*

И – сквозь заразительный пушкинский смех – звучит последняя строчка:

Но, Вигель, – пощади мой зад!

В чем только поэта не обвиняли в период «возрождения национального духа»! И в том, что не любил молдавских «кукониц» (вариант – слишком любил). И в том, что памятник ему в старейшем кишиневском парке поставлен так, будто Пушкин – главнокомандующий на параде, а все «скрииторы», господа и мыслители с Аллеи классиков выстроились перед ним в два ряда и рапортуют. И так далее, и так далее... В недоброй памяти девяностые годы неизвестные «борцы за культуру» даже вымазали колонну под бронзовым бюстом поэта, пардон, экскрементами. Кстати, в тот же период памятник Михаилу Орлову регулярно обливали краской, так что один из учредителей Южного общества (а также основатель сургучного завода – первого промышленного предприятия в Кишиневе и устроитель ланкастерских школ взаимного обучения для младших чинов, где обучались военные-молдаване) долго сиял всеми цветами радуги. Вакханалия продолжалась и позднее. Когда умер прекрасный молдавский поэт Григоре Виеру, анонимные почитатели не поленились за одну ночь заклеить бумажками с его именем таблички с надписью «str. A. Puşkin» на всем протяжении улицы Пушкина. Маэстру Григ в гробу перевернулся! Но даже самые ожесточенные злопыхатели не додумывались до того, чтобы обвинить Александра Сергеевича в «содомском грехе». Наверно, никто из них не дочитал стихотворение до конца. И слава Богу!

Но даже если город не проклятый, а проклятый... Даже любимое Михайловское Пушкин называл «проклятым», когда сидел там сиднем и не имел возможности выехать ни в Москву, ни в Петербург. А что тут, скажите, оскорбительного для Кишинева, в начале позапрошлого века мало напоминавшего «цветок из камня»? Речь идет о разврате. Библейском, столь масштабном, что за него на Содом обрушилось проклятье Господне. И о мелком блуде провинциального чиновника, живущего в маленьком городке, что не заслуживает даже кары небесной.

Не грянул гром и над теми, кто мнил, что бесчестит поэта. Но клеєм и, простите, дерьмом они измазали лишь собственные руки.

Мотив воздаяния и возмездия находит развитие в других произведениях Пушкина – «Коварность», «Подражание Корану», «Прятелям», «Совет», «Сцена из Фауста», «Гавриилиада», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Выстрел», «Капитанская дочка»... Послание к Вигелю – лишь шуточная вариация на очень серьезную тему. Не больше, но и не меньше.

«НЕДВИЖИМ ОН ЛЕЖАЛ»

Внимательно перечитывая «Онегина», невольно задаешься почти детективными вопросами: чем и сколько раз был убит Ленский?

То, что несчастный обречен, не вызывает сомнений с самого его появления. Уж слишком он наивен и романтичен, притом как-то подчеркнуто не по-русски. Весь его романтизм, вместе с «плодами учености» и «кудрями черными до плеч», заимствован из Германии. Пушкин, уже переживший эту заразную импортную болезнь, смотрит на восемнадцатилетнего поэта с ласковой усмешкой, как на младшего брата. Подтрунивая над литературным направлением:

*Так он писал **темно и вяло**
(Что романтизмом мы зовем), –*

Александр Сергеевич в то же время трезво и горько понимает, что случается, когда модные веяния искусства – «юный жар и юный бред» – вторгаются в реальную жизнь.

Похоронив собственные романтические заблуждения, Пушкин похоронил и беднягу Владимира. Притом не один, а несколько раз. Первая гибель происходит в вещем и зловещем святочном сне Татьяны, в котором зашифрованы ее смутные предчувствия будущего несчастья. Онегин похож здесь не на денди, а на былинного разбойника. Да и вся стилистика этого фрагмента напоминает фольклорную балладу в духе «Жениха». Не случаен поэтому и выбор оружия:

*Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский...*

Второй раз собственную гибель предсказывает юный поэт. В тех самых стихах, сочиненных накануне дуэли, которые благодаря музыке Чайковского стали чудной оперной арией. Но не будем забывать, что у Пушкина эти строки – пародия. Герой пишет их, предварительно начитавшись Шиллера:

*Владимир книгу закрывает,
Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг пьяный на пиру.*

Строки уснащены набором расхожих романтических штампов – от «весны золотых дней» до «ранней урны». Александр Сергеевич не может относиться к ним без иронии:

*На модном слове **идеал**
Тихонько Ленский задремал.*

Понятно, что последний удар в такой системе образов может нанести только стерильно-условное литературное оружие:

*Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она...*

Но, наконец, смерть свершается и наяву.

Онегин выстрелил. Пробили

*Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет,
На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку...*

В этом описании в странной пропорции смешаны реалистические подробности, «рваные» переносы, передающие душевную сумятицу, и отголоски романтических образов – «часы урочные», «туманный взор». Но общую картину Пушкин увидел точно и зорко.

*Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навьлет ранен;
Дымясь, из раны кровь текла.*

Еще более жестко, без флера и сантиментов, показана смерть через две строфы:

*Что ж, если вашим пистолетом
Сражен приятель молодой...
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим, на земле
Пред вами, с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв?*

Впоследствии Пушкин словно озвучивает угрызения совести, мучающие Онегина:

*Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов...*

В последний раз призрак погибшего является Евгению, когда его преобразует любовь к Татьяне, когда под влиянием этого чувства он переосмысливает всю свою жизнь.

*То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.*

Плотность цитат позволяет заметить настойчиво повторенные и развивающиеся мотивы. Разгладившийся лоб – это смерть кладет печать томной умиротворенности на чело, за которым прежде кипели мысли и чувства. Тело лежит не просто на земле, но на талом снегу. И почти физиологическая деталь: окостеневшее тело убитого, его глухая молчаливость и безответность на отчаянный призыв. Но главное, трижды повторяется выразительное слово «недвижим», становясь синонимом небытия.

Между прочим, Пушкин, многократно участвуя в дуэлях, ни разу никого не убил. Гибель Ленского он сначала мысленно увидел во всех подробностях, а за-

тем описал «с чудной силой» и, как мы только что убедились, несколько раз. И это обстоятельство заставляет нас вслед за Лермонтовым повторить, что Александр Сергеевич таким образом, возможно, предвосхитил собственный роковой поединок с Дантесом.

ДВА КАВЕРИНА

Лицейская тетрадь Александра Сергеевича, наполненная полудетскими стихами, стала позднее для поэта рабочей. Здесь черновики «Руслана и Людмилы», наброски отдельных стихотворений, профили, сюжетные рисунки.

Один из них, датируемый приблизительно 1819 годом, изображает пирушку. Молодой человек, прислонясь к стене и скрестив ноги, курит трубку. Пьяная женщина с выбившимися из-под чепца растрепанными волосами не то жонглирует бутылками, не то просто роняет их. И посреди всего этого непотребства за столом, вполоборота к зрителю, в глубокой задумчивости сидит мужчина. Специалисты давно подметили в нем сходство с Петром Павловичем Кавериним.

Лейб-гвардии гусарский полк, в котором служил участник походов 1812 года, был расквартирован в Царском Селе. Там Пушкин и познакомился с бравым воякой и кутилой. Позакомился – и разве что не влюбился. Отважный боевой офицер в мирное время стал непобедимым героем застолий, душой веселых компаний. Как характеризовал его современник: «Из числа присутствующих при дуэли был Каверин, красавец, пьяница, шалун и такой сорвиголова и бретер, каких мало».

Обладал он не только этими качествами. Получил прекрасное образование в Московском и Геттингенском университетах. Дружил с братьями Тургеневыми (Александром, историком, и Николаем, будущим декабристом). Тонко судил о жизни и искусстве, восторженно отзывался о стихах гениального лицеиста еще в те годы, когда их могли оценить по достоинству лишь немногие признанные литераторы – Державин, Жуковский, Карамзин.

Пушкин, очарованный новым другом, не раз воспевал его в стихах. Петр Павлович казался живым воплощением утверждения,

*Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.*

А вот полушутливая, полукомплиментарная подпись «К портрету Каверина»:

*В нем пуниа и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

Так что романтика «усов и доломана» у Пушкина связана не с одним только Денисом Давыдовым. Вспомнил Александр Сергеевич своего жизнелюбивого приятеля и тогда, когда писал роман в стихах «Евгений Онегин», определив Каверина в друзья главному герою.

Черты этого оригинального характера, мне кажется, проскальзывают и в образе Вальсингама. Пирующие во время чумы избрали его своим председателем. Он, можно сказать, их идеолог, однако не чужд философии и подвластен угрызениям совести.

Имя Петра Павловича для широкого круга читателей кануло бы в Лету, если

бы его не возродил к жизни известный советский беллетрист. Младший брат Валентина Катаева стал Евгением Петровым. А младший брат прославленного микробиолога, иммунолога и академика Льва Зильбера стал Вениамином Кавериным. И это не случайно.

С детских лет Вениамин братски дружил с Юрием Тыняновым. Выросши, они побратались в буквальном смысле, женившись на сестрах друг друга. Тынянов, который оставит неизгладимый след в исследовании искусства и создаст такие литературно-исторические шедевры, как «Смерть Вазир-Мухтара», «Кюхля», «Пушкин», с юности свободно ориентировался в реалиях и персонажах девятнадцатого века. Тесное общение двух друзей, их беседы и споры, конечно же, повлияли на то, что в качестве литературного псевдонима Вениамин избрал фамилию полузабытого гусарского офицера.

И теперь в нашем сознании она настолько срослась с автором «Двух капитанов» и «Открытой книги», что при упоминании Каверина нынешний читатель даже не уточняет, о каком из них идет речь. Как бы само собой подразумевается, что о втором.

Остается добавить, что портреты первого за два минувших столетия почти не уцелели. Тем ценнее пушкинский рисунок, запечатлевший «предводителя застойный» погруженным во внезапную думу среди буйного кутежа.

Любопытно, что в сценке присутствуют неожиданные, казалось бы, детали: в углу лежит череп, на переднем плане бродит, гремя костью, скелет. Не то намек на какую-то дуэль, не то иллюстрация к латинской мудрости «Memento mori». А может быть, предчувствие той самой «маленькой трагедии», когда Вальсингам вдруг очнется между безумно и бездумно пирующих и вспомнит увещевания старого священника: как постыдно и кощунственно грешить, когда вокруг бедствуют и погибают люди.

ВОТ ТАКАЯ ИСТОРИЯ

10 июля 1826 года Пушкин писал Вяземскому: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь. Пусть это будет 13-й том «Русской истории»; Карамзин принадлежит истории».

Николай Карамзин, автор двенадцатитомной «Истории государства Российского» (1766-1826), писал ее последние двенадцать лет своей жизни и умер при написании последнего тома. Вот почему Пушкин просил Вяземского, на чьей старшей сестре историк был женат вторым браком, составить его биографию. Сам поэт заняться этим не мог, безвыездно и поднадзорно находясь в Михайловском.

Как придворный историограф, Карамзин с 1816 года жил в Царском Селе. Лицеист Пушкин часто бывал у него в доме. Николай Михайлович принял участие в судьбе юного поэта не только литературно – он был в числе тех, кто отвел от него угрозу ссылки в Сибирь. Однако отношения их не всегда были безоблачными. В том же письме к Вяземскому Александр Сергеевич коснулся обстоятельства, когда человеческие взаимоотношения учителя и ученика подверглись испытанию:

«...Что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно

и одной, написанной мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие, и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь?»

Речь здесь идет о едком четверостишии 1818 года:

*В его истории изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

По «спорным» вопросам Пушкин и Карамзин не раз скрещивали копыя. «Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы, – вспоминал А.С. в заметках об историке. – Оспаривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменялся. Вскоре Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: «Вы сегодня сказали на меня то, чего ни Шихматов, ни Кутузов (литературные противники – А.Ю.) на меня не говорили». Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались». Ленту камергера Карамзин носил с неохотой, как позже Пушкин – свой камер-юнкерский мундир.

Высоко ценя творчество Карамзина, в «Путешествии из Москвы в Петербург» Александр Сергеевич дает развернутую характеристику современной словесности в сравнении с восемнадцатым веком: «...Схоластическая величавость сделалась необходимостью: к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив к живым источникам народного слова».

Отзывы о главном труде старшего друга то и дело встречаются в литературных записях поэта. В заметках «О прозе», написанных в 1822 в Кишиневе, Пушкин называет прозу Карамзина лучшей в нашей литературе и добавляет: «Это еще похвала небольшая».

Еще через пять лет: «Появление «Истории государства Российского»... надделало много шуму и произвело сильное впечатление... Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».

А в рецензии 1830 года на выход «Истории русского народа» Н. Полевого – оппонента Карамзина – появится краткая и емкая пушкинская формулировка: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец».

Если не считать лицейских уроков, исходным источником интереса Пушкина к занятиям русской историей был именно Карамзин. Александр Тургенев писал брату Николаю: «В Пушкине лишились мы великого поэта, который готовился быть и хорошим историком». «В Пушкине, – вспоминал Вяземский, – было верное понимание истории, свойство, которым одарены не все историки. Принадлежностями ума его были: ясность, проницательность и трезвость. Он не писал бы картин по мерке и объему рам, заранее изготовленных... для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению». Как это согласуется с за-

ветом Карамзина: «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир»!

В 1824 году увидели свет два очередных тома «Истории государства Российского», о которых Александр Сергеевич отозвался так: «Они злободневны, как газета». Справедливости ради нельзя не сказать, что в «Борисе Годунове» великий поэт пошел дальше учителя и старшего друга. Но глубоко символично, что «с благоговением и благодарностью» он посвятил это произведение «драгоценной для россиян» памяти Николая Михайловича Карамзина.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ «НЕГРЫ»

Только, ради Бога, не подумайте, что речь пойдет о безвестных поденщиках, вынужденных «подпольно» работать на какой-нибудь раскрученной брэнд в области беллетристики. Нет, в нашем случае негры не фигуральные. Разве что сильно разбавленные. Один французскими, другой русскими кровями – кварталон Дюма-пер и Александр Сергеевич Пушкин, которому от африканских предков досталась одна осьмушка. Но и там и тут, согласитесь, гены хорошие.

Сходства между этими двумя писателями гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И дело не только в породистых кудрях, бурном темпераменте и любви к женскому полу. Ежели бы этим все исчерпывалось, не стоило бы и огород городить.

Они жили в одну эпоху (Дюма на три года моложе Пушкина, однако пережил его на тридцать с лишним лет), читали одни и те же книги, дышали одним и тем же воздухом свободы: русский дружил с декабристами и сочувствовал греческим гетеристам, француз помогал итальянским гарибальдийцам. Оба писали стихи, прозу, переводили, занимались драматургией, журналистикой и издательским делом. Оба не вылезали из долгов и работали как каторжные (впрочем, это уже что-то из Гюго...). Оба не просто интересовались историей, но и интенсивно вводили ее в литературу.

Дюма, как известно, объездил много стран, побывал, в том числе, и в России. На русском материале им написал роман «Учитель фехтования». Пушкину не довелось побывать в «дальнем зарубежье», но французский он знал как родной язык, завязка сюжета «Пиковой дамы» приходилась на Париж, в этом же славном городке начинается карьера Ибрагима Ганнибала («Арап Петра Великого»). В 1830 году благодаря дочери Кутузова и горячей поклоннице Пушкина Елизавете Хитрово Александр Сергеевич прочитал драматическую трилогию в стихах «Стокгольм, Фонтенбло и Рим», изваянную Дюма-пером (да-да, он уже был отцом, и незаконнорожденному сыну его, тоже Александру, исполнилось лет шесть. Любопытно, что пушкинский первенец, которому вскоре предстоит появиться на свет, унаследует от великого родителя это же славное имя).

Теперь об отличиях.

Две пассионарные личности, привлекательные не только для современников, но и для потомков, конечно же, в литературной табели о рангах существуют в разных «весовых категориях». Пушкин стал символом русского национального духа, синонимом самого творчества. Дюма, родившись с задатками титана, избрал два волшебных слова массовой культуры – «Продолжение следует» и печатал свои бестселлеры в газетах под рубрикой «роман-фельетон», подогревая

интерес читателей. Погоня за гонорами сделала его величайшим строчкогоним. По сравнению с этим эпическим трепачом Александр Сергеевич кажется молчаливым эстонцем, скупко отвешивающим каждое слово. Зато и слово-то – золотое.

Дюма любил пожить на широкую ногу, понимал толк в деликатесах, сам придумывал блюда и соусы, замечательно готовил, а под занавес своей блестящей жизни издал монументальный шедевр – «Большую кулинарную энциклопедию». Может, эта страсть жуировать и не позволила ему стать Прометеем? А Пушкин обожал простую пищу – «щей горшок», печеную картошку, ягоды... Вино пил и воспевал, но чаще утолял «духовную жажду».

И, наконец, последнее. Дюма-отец, предвосхитив все причуды сегодняшнего книжного рынка, к услугам литературных «негров» все же прибегал, а с одним из них даже судился.

А у Александра Сергеевича, конечно же, не было и быть не могло невидимых миру подмастерьев, которые писали бы для него болванки, поверх чего он проходил бы пером мастера.

«СЕЙ ПОЛ, КОТОРОМУ СЛУЖИЛ»

На запрос «Пушкин и женщины» интернет выдает 6 миллионов страниц! Оставим в стороне все рассуждения о так называемом донжуанском списке и его возможных кандидатках, а также все реальные и вымышленные истории о великих и малых любовных похождениях поэта. Сегодня нас гораздо больше интересует его отношение к женщинам вообще – как к «классу». Интуитивно мы чувствуем: Александр Сергеевич относился к нам хорошо. Но всегда ли?

Можно припомнить немало довольно злых эпиграмм и саркастических посланий, написанных в начале двадцатых годов позапрошлого века и чаще всего адресованных конкретным особам женского пола: «На Колосову» («Все пленяет нас в Эсфири...»), «Кокетке», «На А.А.Давыдову», «Лизе страшно полюбить...», «Гр. Орловой-Чесменской» и проч. Обидно, когда с юношеской безжалостностью мечутся стрелы в две наши ахиллесовы пятки: внешность и возраст. Ну и, конечно, высмеивается моральная неразборчивость, которая, кстати, неписанным уставом светского общества замужним дамам вполне позволялась.

Но этот период довольно быстро миновал, и чаще всего поэт писал для дам и девиц легкие, ни к чему не обязывающие комплименты-мадригалы, которыми без опаски можно было заполнять любой альбом. (Между прочим, он так набил на этом руку, что некоторый налет «мадригальности» можно обнаружить даже в иных серьезных лирических стихотворениях). Осталось и беззлобное подшучивание над «милыми слабостями». В третьей главе «Онегина», предваряя письмо Татьяны, Пушкин припоминает «красавиц недоступных» и «семинаристов в желтой шали и академиков в чепце». И хотя сетует на то, что «доныне дамская любовь не изъяснялася по-русски», готов простить это и героине, и своим читательницам.

Иное дело в прозе. В полемическом запале, помнится, Пушкин соглашался с жалобами А.Бестужева на равнодушие прекрасного пола ко всему, что написано на «нашем родном языке». «Поэзия скользит по слуху их, не досягая души» – это попало в печать, а в черновом автографе и того круче: «Руссо заметил уже, что ни одна из женщин-писательниц не доходила далее посредственности — кроме

Сафы и еще одной, говорит Руссо, разумея Новую Элоизу, которую он выдавал за невымышленное лицо... – Они вообще смешно судят о высоких предметах политики и философии, нежные умы их не способны к мужественному напряжению мыслей, предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием, но и тут, чем более вслушивается в их суждения, тем более изумитесь кривизне и даже грубости их понятия. Рожденные с чувствительностию самой раздражительной, они плачут над посредственными романами Августа Лафонтена и холодно читают красноречивые трагедии Расина».

Этот пассаж, скорее всего, был вызван нападками на «Графа Нулина», в котором критики находили «безнравственность», ссылаясь на невинность собственных племянниц, как будто литература, возмущался Пушкин, и существует только для шестнадцатилетних девушек! Позже, впрочем, у Александра Сергеевича поубавилось скепсиса относительно восприимчивости прекрасных дам к литературе. Героиня «Романа в письмах» замечает: «Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика». Однако прежние его высказывания успели вызвать протест поэтессы А. И. Готовцовой, на стихи которой Пушкин ответил стихами же:

*О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зойл,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!*

И вправду, достаточно вспомнить череду пленительных женских образов, воспетых поэтом, включая и его «alter ego» Татьяну Ларину. Правда, злой Писарев потоптал-таки ногами любимую пушкинскую героиню. Справедливости ради скажем, что и от героя он камня на камне не оставил, а заодно и от их создателя: «Думать, что Пушкин способен создать тип образцовой жены и превосходной матери, значит положительно возводить напраслину на нашего резвого любимца муз и граций. В такой серьезной идее Пушкин решительно неповинен. На женщину он смотрит исключительно с точки зрения ее миловидности. «Женщины, – говорит он в одном письме, – не имеют характера; они имеют страсти в молодости; оттого нетрудно и выводить их» («Материалы для биографии и оценки произведений А. Пушкина»)).

Ниспровергатели воздействуют на нас благотворно и в каком-то смысле помогают содрать позолоту с истинных и ложных кумиров. И доводы их порой звучат весьма убедительно. Между тем достаточно открыть любой томик Пушкина, чтобы убедиться в несправедливости обвинений Писарева. Самые лучшие строки поэта обращены к «милому идеалу», так что он не преувеличивал, называя свое отношение к прекрасному полу «службой».

Так было и в литературе, и в жизни. Далеко не красавец, Пушкин был настолько очарователен с женщинами, что многие находили его привлекательным и внешне благодаря уму, веселости, непринужденности в разговоре, остроумию и какой-то особенной вдохновенности выражения мыслей. «Женщинам Пушкин нравился, – вспоминал брат поэта, – он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиной или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив».

Обратим внимание и на более глубокую оценку Алексея Вульфа: «Нравы лю-

дей, с которыми (Пушкин) встречается, узнает он чрезвычайно быстро; женщины же он знает, как никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность оного». То есть, по свидетельству тригорского друга, Пушкин имел успех у женщин, потому что знал и понимал их, что означает – был к ним неравнодушен.

Возможно, необычайный успех Пушкина у женщин тем и объясняется, что он не только влюблялся и волочился. Александр Сергеевич становился другом своих возлюбленных, их связывали достаточно сложные и глубокие отношения, и даже когда связь заканчивалась, дружба сохранялась порой на всю жизнь. Он искал душевной привязанности и не случайно позвал к смертному одру вдову Карамзина, первую свою юношескую любовь.

В общем, любил Александр Сергеевич нашу сестру, подобно Онегину, не только «любовью брата». Потому-то он пользовался взаимностью, да и до сих пор пользуется.

БЛОХА В ОБМОРОКЕ

Мир вокруг нас – разноцветный. И люди с давних пор искали параллели и сравнения для того, чтобы точнее обозначить тот или иной оттенок. Например, в «Слове о полку Игореве» встречается слово «бусый»: «бусый волк». В старину говорили еще и так – босый волк. Но не в том смысле, что лесной зверь не надевал на лапы обувь: «бусый» значит темно-серый. Это значение слова сохранялось и в пушкинские времена.

С тех пор почти без изменений дошли до наших дней выразительные названия «пьяная вишня» – коричневым с красноватым оттенком и «вороний глаз» – глубокий черный. Сегодня и собак особого окраса, и благородные опалы, играющие всеми цветами, мы называем арлекинами. А в начале XIX века арлекином, по пестрой расцветке клоунского трико персонажа итальянской комедии дель арте, называли модную ткань с рисунком из разноцветных треугольников.

Пушкинская и допушкинская эпохи породили немало забавных словосочетаний. Вот яркий пример «смеси французского с нижегородским». «Вердепомовый» – это светло-зеленый цвет незрелых яблок. А зеленовато-серый оттенок именовали цветом «влюбленной жабы». Если же вспомнить процветавшую тогда моду на азартные игры, станет понятно, почему ядовито-зеленый именовали цветом «бильярдного сукна».

*Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса.*

Пушкинские стихи сохранили для нас прекрасное слово «багрец». А что же оно означает? Ярко-красный с лиловым оттенком, пурпуровый цвет.

По имени римской богини утренней зари «авроровым» называли два века назад светлый оранжево-розовый или желтый с красноватым отливом. Хотя, спору нет, небо на рассвете может играть всеми оттенками солнечного спектра. Так же, как и франты былых эпох. Не случайно Пушкин, обычно сдержанный в цветовой палитре, в «Арапе Петра Великого», описывая «гламурного» Корсакова, не без тонкого юмора перечисляет его башмаки с красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блестками, и пудренный парик. Возможно,

восемнадцатый век Александр Сергеевич воспринимал как избыточно цветной по сравнению со своим временем. К этой же эпохе принадлежит и старая графиня в «Пиковой даме». На портрете она красавица с розой в волосах, а в реальности предстает разряженной и раскрашенной куклой. Перед Германном она предстает в цвете, мало чем отличным от тлена: горничные снимают с нее желтое платье, шитое серебром, оставшись одна, «графиня сидела вся желтая, шеvelя отвислыми губами».

И еще несколько слов о казусах. Попробуйте догадаться, что имели в виду наши предки, вспоминая «блоху, упавшую в обморок». Нет вариантов? А встарь под этим подразумевали оттенок коричневого. Вроде бы похожий на цвет блошиного брюшка, которое можно разглядеть только тогда, когда бедное насекомое падает без чувств. И это снова отсылает нас к прошедшим векам, когда под одеждой носили ловушки для блошек, а чтобы не разрушить сложные прически, зудевшие от вшей, почесывались палочками на длинной ручке. Оперетта Франца Легара «Веселая вдова» появилась в 1905 году. Но оттенок розового стали так называть гораздо раньше. Возможно, в этом названии содержался намек на отсутствие траура, точнее, на игривую противоположность ему. Розовый с желтоватым отливом, не поверите, – цвет бедра испуганной нимфы. При императоре Павле в такой колер красили подкладку военных мундиров. Правда, ткань для офицеров была гораздо лучше по качеству, чем для солдат. Поэтому, как утверждают знатоки, офицерский оттенок звался цветом бедра испуганной нимфы, а солдатский попроще – цветом ляжки испуганной Машки.

КРАСА НОГТЕЙ

Очевидец – Иван Панаев – пишет в своих «Литературных воспоминаниях»: «До этого я нигде никогда не встречал Пушкина. Я преодолел робость, которую ощутил при первом взгляде на этот великий литературный авторитет, подошел к прилавку, у которого он остановился (встреча была у тогдашнего книгопродавца Смирдина), и начал внимательно и в подробности рассматривать поэта. Прежде всего, меня поразили огромные ногти Пушкина, походившие больше на когти».

Панаев был не одинок. Врачу и составителю толкового словаря великорусского языка Владимиру Далю запомнилось, как бравые уральские казаки, многое повидавшие в жизни, ногтей Пушкина – испугались. Решив, что у поэта на пальцах когти, они приняли его за антихриста!

Помнится, раньше, во времена Пушкина, отращенный ноготь на одном из пальцев считался признаком дендизма. Даже делали специальные украшения и защиту для такого длинного ногтя у мужчины. Пушкин прикрывал свой экстравагантный левый мизинец особым футлярчиком.

В начале девятнадцатого века эта примета могла носить и другой смысл. Автор известной книги «Старая Москва» М.И.Пыляев приводит любопытный эпизод, связанный с этим портретом и включенный В. Вересаевым в свод свидетельств современников «Пушкин в жизни»: «Одно время отличительным признаком всякого масона был длинный ноготь на мизинце. Такой ноготь носил и Пушкин, по этому ногтю узнал, что он масон, художник Тропинин, придя рисовать с него портрет. Тропинин передавал кн. М. А. Оболенскому, у которого этот

портрет хранился, что когда он пришел писать и увидел на Пушкине ноготь, то сделал ему знак, на который Пушкин ему не ответил, а погрозил ему пальцем».

Отрачиванием ногтей, мне кажется, Пушкин боролся с неистребимой вредной привычкой. Он приобрел ее в детстве – и она неизменно возвращалась к нему в минуты волнения или вдохновения.

Маленького Сашу мать не раз заставляла грызущим ногти. Это раздражало ее, потому что она сама страдала такой же дурной манерой. Более того, Ю. Тынянов считает, что эту вредную привычку Пушкин «несомненно, перенял от матери Надежды Осиповны, жизнь которой сосредотачивалась в спальне, там она сидела, не выходя по целым дням, не чесанная и не мытая и грызла ногти, пока не было гостей». И как малыша ни наказывали, как ни связывали ему руки, ничего не помогало.

Конечно, наследственность нельзя сбрасывать со счетов. Но нельзя забывать о том, какие внешние обстоятельства влияли на развитие пушкинской привычки грызть ногти. Всякое волнение усугубляет ее, особенно в годы юности. Еще ярче она проявляется у творческих натур. И творчества, и волнений в короткой жизни Александра Сергеевича хватало с лихвой.

По свидетельству очевидца, Пушкин, получив «Вестник Европы», в котором должно было быть напечатано его стихотворение «К другу стихотворцу», и «не найдя оно, швырнул книжку и забился в угол, кусая ногти».

*Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей*

– весьма популярная ныне выдержка из «Онегина». Смешно, что современные метросексуалы – молодые люди, больше всего озабоченные собственным внешним видом, – выводят свою родословную от Пушкина. Правда, цитированием это сходство и ограничивается. Небрежность, свойственная поэту в быту, была бы ими дружно осуждена. Мне нравятся у поэта и другие строки на ту же тему:

*Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.*

Эпиграмме 1825 года предпослана латинская пословица «Ex ungue leonem» – «По когтям льва (узнают)» – не без намека на всем известные пушкинские когти и их остроту.

АЛЕКСАНДРА ЮНКО – литератор, журналист, переводчик. Родилась в старом Кишиневе между Пушкина горкой и Благовещенской церковью. Это и определило ее дальнейший интерес к творчеству и личности великого русского поэта. Старшеклассницей выиграла конкурс Дома-музея имени Пушкина и получила в награду восьмитомник Александра Сергеевича, которым пользуется до сих пор. (А в студенческие годы и после них некоторое время работала в штате Домика). Конечно, в ее рабочем уголке много других книг Пушкина и о Пушкине, а также справочников, словарей, энциклопедий и т.п. Но главный источник вдохновения для ведущей рубрики «Мой Пушкин» в газете «Русское слово» – все-таки живое пушкинское слово.

ЗНАЙ НАШИХ!

ИНФО - поле
АРП РМ

Ушедшая зима 2011 года принесла Ассоциации русских писателей РМ и почитателям литературы в Республике Молдова два радостных известия. Поэты **Сергей Пагын** и **Леонид Поторак** стали победителями в двух российских престижных конкурсах: Сергей привёз победу из Санкт-Петербурга, Леонид – из Москвы.

29 декабря 2011 года в Санкт-Петербурге, в «Доме Писателя» состоялась очередная церемония вручения литературной премии «Молодой Петербург».

Учрежденная литературным фондом «Дорога жизни» совместно с обществом «Молодой Петербург» при Союзе писателей России, премия существует уже третий год. В общей сложности лауреатами премии стали 37 человек из разных городов России и постсоветского пространства. В 2011 году жюри в составе Дмитрия Мизгулина, Глеба Горбовского, Алексея Ахматова, Виктора Кречетова и Романа Всеволодова отобрало 10 лауреатов.

В номинации «Поэзия» на издание книги жюри выдвинуло **Сергея Пагына** из города Единцы, члена АРП РМ, автора трех поэтических сборников, с 2000 года являющегося главным редактором регионального периодического издания «Норд-инфо», с 2010 г. ведущего постоянную рубрику «За межой» в нашем журнале «Русское поле».

Сергей уже хорошо известен за пределами Молдовы – он финалист литературного конкурса «Заблудившийся трамвай», его стихи печатались в известнейших российских журналах: «Знамя», «Дружба народов», «Дети РА».

Замечательный музыкант Борис Амамбаев – гитарист, композитор и исполнитель написал на стихи Сергея альбом песен «Чертополох, боярышник, орешник». Кишинёвцы стали свидетелями уникального музыкально-поэтического спектакля, представившего альбом в театре им. А.П. Чехова. Спектакль состоялся благодаря поддержке Посольства Российской Федерации в РМ и АРП РМ.

А Леонид Поторак, член молодёжной секции Ассоциации русских писателей Республики Молдова, стал лауреатом III Международного фестиваля-конкурса «Журавли над Россией» – обладателем специального приза жюри «Дружбу славлю, сплотившую нас против фашизма»!

Вот уже третий год фестиваль собирает молодых поэтов и авторов – исполнителей песен из России и стран ближнего зарубежья. В этом году он прошёл 18-20 февраля в стенах старейшего вуза в сфере культуры и искусства – Москов-

ском государственном университете культуры и искусств, в г. Химки Московской области.

Среди членов жюри – прославленные артисты и выдающиеся деятели культуры: Александра Пахмутова, Андрей Дементьев, Александр Левшин, Василий Лановой, Михаил Ножкин, Татьяна Судец, Борис Галкин. Почетный председатель конкурса – народный артист России Иосиф Давыдович Кобзон.

Леонид Поторак уже известен в Кишинёве своими творческими победами. В октябре 2010 г. он стал настоящим открытием конкурса «Молдова – страна русского мира», который проводил Российский Центр Науки и Культуры в Республике Молдова совместно с Русским интеллектуальным центром, Ассоциацией русскоязычных журналистов, Ассоциацией русских писателей и Товариществом русских художников Республики Молдова, победив сразу в двух номинациях: «Видеодebut» и «Золотое пёрышко».

А осенью 2011 году Леонид стал лауреатом Республиканского литературного конкурса для молодых авторов «Взлётная полоса» (номинация «Поэзия»), который провела Ассоциация русских писателей Республики Молдова на приз журнала «Русское поле». Тогда же он был принят в молодёжную секцию Ассоциации русских писателей РМ.

Дебютная подборка стихов Леонида Поторака была опубликована в журнале «Русское поле» №1(3) за 2011 г.

**Дорогие Сергей и Леонид,
МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС И ГОРДИМСЯ ВАМИ!**

ЛЕОНИД ПОТОРАК

РЯДОВОЙ

Я в атаку вставал не первым,
Шел без знамени над головой,
Я неважный солдат, наверное,
Необученный рядовой.

Не меня одного искала
Пуля, смертью чужой грозя.
Я боялся, хоть проку мало,
И молился, хотя нельзя.

Затерявшись в огне орудий,
Посреди фронтовых снегов, –
Будем живы, Господи, будем, –
Я шептал, вытирая кровь.

Мы, охрипшие, чуть живые,
Но услышавшие приказ,
Слепо стылую землю рыли,
И земля собирала нас.

Здесь сравниются конный, пеший,
Кто на mine, кто в штыковой,
Не герой, не солдат, а меньше,
Многим меньше, чем рядовой,

Все, кто верил – от пули, взрыва,
От штыка и огня храним,
Все, кто – Господи! – были живы.
Только дым. Даже в небе – дым.

Чьим святым, безвестно пропавшим,
Вручена наших судеб нить?
Я молюсь пролетавшим нашим:
Слышишь, Господи, будем жить!..

Значит, нет ни солдат, ни армий,
И один, посреди дорог,
Я, безликий и безымянный,
Грязь мешу миллионом ног.

И опять поднимаясь из снега,
Пепел стряхивая со лба,
Я уже форсирую реки,
Я уже захлестнул города,

И какой бы я ни был воин,
Крик мой множится на голоса:
У меня еще пол-обоймы!
Дай мне, Господи, полчаса!..

...Так и шли. И уже не считали
Наших павших и наших побед.
И когда я дошел до края,
До конца этих страшных лет,

С миллионом живых и мертвых
В этот миг и навек един,
Миллионом охрипших глоток
Крикнул: Господи!.. победил.

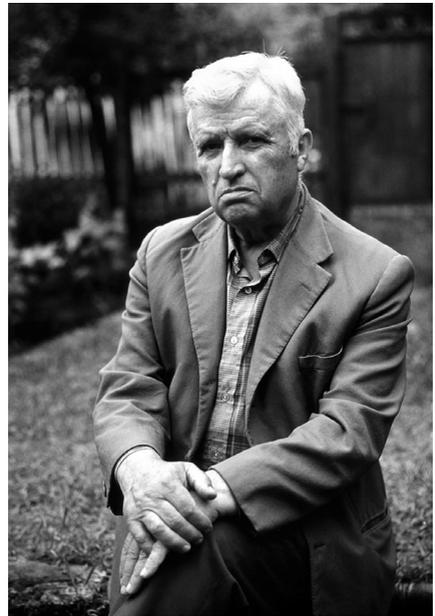
Один в поле – воин

НИКОЛАЙ САВОСТИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЭТА

К 100-летию Андрея Павловича Лупана*

Художники всех родов и жанров, когда бы они ни жили и в каких бы условиях ни находились, оставляют грядущему память своих поколений. Для благодарных потомков это и жизненные уроки, и наслаждение искусством, и сама история. В случае если какой-то период времени оказывался не отраженным в литературе, то его как бы не существовало в истории, – остается пустота, провал. Следуя за Андреем Лупаном, мы дышим плотной атмосферой сложнейших событий его века, встречаем трепетно написанные портреты его земляков, простых крестьян-тружеников, борцов за лучшее будущее, погружаемся в мысли и тревоги его современников. Мы видим колодец некоего крестьянина Пахома, бескорыстно вырытый в поле для всех, кому захочется утолить жажду. И этот колодец в стихах становится

своеобразным символом. Это стихотворение позднее породило целый поток подражаний в молодой поэзии тех лет... К слову сказать, этот колодец не выдуман, он существует неподалеку от родного села поэта, его мне показывал Андрей Павлович во время одного из многочисленных наших совместных путешествий по Молдавии. Поэт рисует забытую деревню, он печется о ее судьбе. В его стихах – холмистая земля родины. А главное – растворен образ самого автора, как принято говорить, лирического героя, – человека чистого душой, благородных помыслов, понимающего и любящего людей. Нельзя забывать, что это был еще и влиятельный публицист, отзывающийся на коренные вопросы бытия. При этом он никогда не позволял что-нибудь опасно обходить, чтобы не задеть «начальство».

В последние годы его творчество определенные силы хотели исключить из жизни, поэтому оно недостаточно знакомо подрастающему поколению. Уж очень

кому-то его мощная фигура мешала утверждению собственных амбиций. Но сегодня стало ясно: Андрей Лупан возвращается к читателям, он был и остается выдающейся личностью не только своего времени. Его вклад в развитие молдавской литературы неоценим. Произведения Андрея Лупана широко звучали не только в Молдове, но и во всей стране. Долгие годы он возглавлял Союз писателей Молдовы. С его помощью, при его прямом содействии выросли целые поколения наших прозаиков и поэтов. Он добился возвращения классики родной литературы в культуру республики. Чего это стоило для него – не расскажешь.

Он был так же неумолимым общественным деятелем, авторитетнейшим академиком Молдовы, членом Международного Совета Мира, Председателем Верховного Совета Молдавии. Не найдется, наверное, населенного пункта в нашем крае, где он не побывал бы на встречах с читателями, где не решал бы различные вопросы в качестве депутата Верховного Совета МССР и СССР.

Многие годы этот замечательный человек дарил меня своей дружбой, и я остановлюсь в своих заметках на некоторых наблюдениях, так сказать, личного характера...

* * *

Незадолго до своего конца он решил сфотографироваться «при всех регалиях» и позвонил мне: «Приди, нужна твоя помощь». Нужно было прикрепить к пиджаку ордена, а он понятия не имел, какая награда следует за какой, какую почетную медаль следует носить на груди слева, а какую справа. Тяжеленным оказался этот парадный (самый непритязательный из всех) пиджак. За всю жизнь он никогда не носил наград, лишь иногда в самые последние годы прикреплял к лацкану пиджака медаль Героя Социалистического труда, безоговорочно преклоняясь перед словом Труд.

Сфотографировался, испытывая сильное смущение, это было видно по его лицу, и повесил отяжеленный пиджак в шкаф. С изрядной долей иронии смотрел он на эти знаки, столь мучительно желанные для многих его современников.

* * *

Он расписывался необычно, – переставив наоборот слова: Лупан Андрей. Так подписывают свои тетради младшие школьники, в возрасте, когда имя человека еще так мало говорит, а важна фамилия. На обложке его книг стоят слова именно в таком порядке. Этим он как бы сбивал обычную у посредственных литераторов спесивую претенциозность, – они ставят свое имя впереди фамилии, в которой как раз и находится, так сказать, приоритет личности – запечатлена память поколений предшественников. Как говорил Блез Паскаль, полумонашеский образ жизни которого как-то соответствовал морали Андрея Павловича, – весь последовательный ряд людей есть не что иное, как *один человек, существующий вечно*. И Андрей Павлович остро чувствовал себя частицей в этом последовательном ряду людей.

В нем же это было в постоянной борьбе – партийность, долг, с одной стороны, и стремление уйти подальше от города, от мирских страстей, от крикливой и пестрой обыденщины той поры, перенасыщенной казенным пафосом. Он много

знал о человеке, о том, как легко многие отказываются от совести ради достижения призрачного сиюминутного «успеха», он не обольщался даже как бы бесспорными понятиями и не раз высказывался в том духе, что на волне демократии может прийти такой дядя, что все застонут от ужаса ...

Он был последовательный коммунист, но его не любили (это мягко сказано!) партийные деятели наиболее лицемерного толка, и он сам не переносил таких. Переводя его, я поразился, что именно саркастические стихи, рисующие подобных типов, у него получались наиболее искренними, чувствовалось, в них он отводит душу. Почитайте его «Берегись!», «Тэркилэ», другие сатирические портреты...

* * *

У Лупана мировоззренческий кризис усугубился переломом системы, которой он отдавал целиком всего себя. Стихотворение «Mea culpa» («Моя вина») в свое время было широко известно в стране. В нем он сетовал, что «примирить считал возможным свой долг с подсказками невежд», «что подпевал, приняв за мерку, тот скрип сухого колеса...» Это произведение помечено 1956 годом, столь памятным старшему поколению светом обновления и надежд. Он болел всей своей могучей душой. Однако, на мой взгляд, этот кризис его так и не выпустил из своих когтистых лап, он так и не раскрылся до конца, потерял силы, жаловался, что не может заставить себя сесть за стол, хотя накопилось в мыслях и за душой так много, что этот груз мешал дышать полной грудью. К моменту, когда «свергли» Хрущева и закончилась «оттепель», он почти закончил поэму, читал мне куски из нее – в духе «Mea culpa». Но наступил новый виток «борьбы за идею», Лупан сказал: «Это надолго».

Необычайная совестливость, обостренная до болезненности, не позволила ему просто «перестроиться».

* * *

Вечером он принес мне чешский значок памяти Юлиуса Фучика – латунная звездочка с крохотным барельефом чешского писателя: «Возьми на память. Это мне подарила жена Фучика – Густа на Конгрессе сторонников мира в Стокгольме». Вроде бы без связи со сказанным, добавил: «Теперь многие примазываются к революционному движению, а в другие времена будут примазываться к тем, кто придет на смену этому режиму». Как в воду глядел, так и происходит теперь...

Как-то он принес мне коробочку: «Возьми, это в твоём духе». В ней были колоски дикого овса, как оказалось, с могилы Данте Алигьери, они были сорваны Андреем Павловичем в Равенне у могилы великого флорентийца; Лупан участвовал в симпозиуме памяти создателя «Божественной комедии». В другой раз в качестве сувенира он принес мне кусочек коры с дуба из пушкинского Михайловского. Суровый, чуждый (хотя бы по внешним проявлениям) всяческой сентиментальности, он в глубине своей природы был необыкновенно нежен, лиричен. И еще – в его душе собиралась золотая пыльца поэзии всего мира. Он знал и тонко чувствовал поэтов даже чуждых ему по их стилистике. Однажды я прочитал ему

«Березу» из только что вышедшей новой книжки А. Твардовского, он взял ее у меня, нацепил очки, принялся сам читать, ушел в себя. Полистал книжку, нашел еще одно, которое перечитал несколько раз. Я увидел, что его остановило стихотворение: «На дне моей жизни, на самом доньшке:..» Уходя, взял эту книжку, через несколько дней позвонил: «Перевел!». Обычно он работал медленно, тяжело, делая над собой большие усилия, а тут дело пошло быстро и легко. Более того, он написал предисловие к небольшому сборнику Твардовского, который вскоре вышел на молдавском языке.

* * *

Особо хочется отметить заботу Лупана о молодых поэтах, о начинающих. Так он «пробил» в журнал «Кодры» подборку стихов сельского учителя, ныне покойного Бориса Перервы, у которого действительно яркие строки чередовались с откровенно слабыми. И не только добился публикации этих стихов, но и написал к ним предисловие. Прославленный поэт лауреат, академик, признанный авторитет, Андрей Павлович не считал для себя мелочным заняться стихами безвестного сельского учителя. Он умел ценить даже проблески таланта, угадывал и золотиносные жилы дарований, не ленился приложить усилия, чтобы дать им дорогу. Он первым заметил поэтические опыты студента Иона Болдумы, и опека академиком деревенского парня, оказавшегося в городе, со временем сделалась темой многих анекдотов, ходивших тогда. И что же, Болдума, как говорится, состоялся, стал заметной фигурой литературы родного края. Лупана привлекали люди и совершенно противоположного склада, авангардисты, что ли, – он оценил и поддерживал Эмиля Лютяну, поэта иной, городской культуры.

Как он восхищался Николаем Костенко! Как добивался для него от правительства каких-то знаков внимания и помощи!

* * *

Иногда Лупан исчезал из Кишинева, годами работал секретарем Союза писателей СССР. Мне доводилось бывать в его московской казенной квартирке далеко от центра. Однажды позвонил ему с вокзала: гостиница заказана лишь со следующего дня, не затрудню ли, если переночую у него? О чем разговор! Приезжай. Из-за меня ночью случился потоп, залило горячей водой квартиры нижних этажей. Такая катавасия, столько хлопот и неприятностей. Утром он мне с невозмутимой усмешкой: «Ты спрашивал, не затруднишь ли меня. Вот теперь и решай сам...» Смеется, мол, перемелется...

Вообще он всяческие жизненные казусы переносил спокойно, с самоиронией. Юмор его помогал выйти из затруднений.

* * *

Мне доводилось видеть его вблизи в президиуме разных торжественных собраний, иной раз в Колонном зале столицы, и всякий раз я дивился его непринужденности, тому, с каким чувством собственного достоинства он соединял в себе черты деревенского жителя, крестьянина с обликом обитателя вершин духа, – ни малейшей трещинки в соединении. Он завораживал своим спокойствием, словно

дома, перед близкими людьми, без малейшего сбоя начинает говорить и уже через несколько минут все плененные его речью.

Главной чертой его облика, объединившего в себе крестьянина и ученого, была опрятность – и во внешнем виде, и в строе мыслей. Отсутствие даже подобия празднословия, суетливости.

Писательская организация под его руководством в те времена сделалась центром собирания сил искусств, помогла создавать свой театр, оперу, знаменитую Аллею классиков.

* * *

Андрей Павлович испытывал брезгливость к прилипалам, и считал, что дело, которому он служил в меру сил, погублено именно ими. О таких людях у него немало саркастических стихов. Он призывал читателя: «Бей его прямо!... Будь начеку!... Не принимай услуг прилипалы, пусть лучше укусит исподтишка!». И они его кусали. И открыто, и исподтишка. Помнится, как поносили его совершенно безобидное стихотворение «Право на имя». Я был свидетелем разговора, когда малые номенклатурщики, гадко ухмыляясь, провокационно осуждали пафос этого произведения: «Какое еще право на имя?! На какое имя? Что-то здесь зашифровано!». И добились-таки: его книга на русском языке, где было заверстано это стихотворение, задерживалась, искали предлог вообще отправить ее под нож. Наконец, без ведома автора все же урезали, выкинули вот эту строфу:

*Вражду и кривду встретишь на веку,
Сквозь горести пройдешь и неудачи...
Разбитый, соберись по черепку,
еще есть шанс – он именем оплачен.
Носи, как правду, имя!*

И это пятистишие ставилось ему в вину! А это же главный завет поэта! На все времена!

* * *

Даже в незначительном разговоре во время прогулки он касался самых больных проблем, подчас подходя к ним с неожиданной стороны. Его просто мучило тяжелое положение сельской женщины: работа, дети, хозяйство, скотина, огород, да еще пьющий и дерущийся муж. «Смотришь, растет девчонка, просто само очарование, но вот вышла замуж, а через два года встречаешь – старуха». Он искал пути, как облегчить долю таких, избавить их от работы на табаке, создать на селе хоть какую-то службу быта.

С болью говорил о засильи наукообразия в книгах литературоведов и историков, в работах по сельскому хозяйству: «Словечка в простоте не скажут, такого наворочают, чтобы показать свою «ученость».

Мне показалось значительным его замечание относительно того, что у нас часто под словом духовность имеют в виду или то, что человек посещает церковь, или умение говорить что-то «умное», в то время как истинно духовная личность формируется в постоянном общении с музыкой, живописью, поэзией, в приобщении к широким знаниям.

Он не переносил ложного пафоса, предпочитал глубину и силу своих переживаний приглушать юмором и самоиронией, говорил намеренно сниженным тоном:

*Что если эта вот башка
неповторима в целом свете
и лишь одна за все в ответе,
что не распутано пока?*

Его обижало, когда некоторые, желая отодвинуть его с магистральной линии как бы на обочину, упирали на его деревенское происхождение. Но знания его были поразительны, вкус безукоризненный. Он писал: «Память моя перемалывает деревенские давние сухари», –

*И те, кто меня за отсталость жалеют,
очень тонкие, ироничные умы,
думаю, и они бы не прочь пощедрее
пожизвиться из той небогатой сумы.*

* * *

Последний же удар был нанесен с совершенно неожиданной стороны. Нелепая, вопиюще бессмысленная война берегов, начавшаяся незадолго до его кончины, окончательно подорвали силы поэта. Он лихорадочно обмозговывал, какие меры можно принять, чтобы примирить воюющих, какую роль в этом деле могли бы сыграть писатели, деятели культуры. Словом, ему было что предложить: ведь какой опыт жизни, какие виды он видывал! И вот такой человек, с такими мыслями хотел встретиться с главой республики. Но «главное лицо», тогдашний Президент, не принял старейшего писателя. На протяжении всей жизни Лупана, как он мятежно ни вел себя, правительство всегда было вынуждено считаться с ним. Теперь наступили иные времена, и тому, кто долгие годы был душой нации, руководители уже не хотят уделить и пяти минут...

Тяжко говорить, но престиж писателя в нынешних условиях в нашем краю – пустой звук. И началось это именно с того момента.

За день до кончины я побывал у него: жизнь в нем теплилась на последнем пределе, но в глазах горела мысль. Он узнал меня. Слабо пожал мою руку, прикрыл сверху другой ладонью...

Он успел навести идеальный порядок в своем литературном хозяйстве, разобрал свой большой архив, разложил письма, рукописи, завершил все работы и ответил на все письма. И ушел, словно, крестьянин, завершивший страду.

* * *

(Из дневника). 8.X.71. Делаем вино, Андрей Павлович в затрапезе, он увлечен, как ребенок игрой. Солнце, жара. Он просвещает меня относительно правил виноградарства и виноделия. Оказывается, нельзя пропитывать деревянные столбы шпалер дегтем или другим антисептиком, так как виноград очень чуток к соседним запахам и вино получится неважным. Не так ли чуток поэт к соседству с политическими «запахами», которыми пропитаны шпалеры нашей жизни?..

Как живописен он в спортивных шароварах и майке, с грузинской войлочной шапочкой на затылке, большой, грузный, обрызганный виноградным соком, орудующий в окружении золотых пчел у кадки, на которую положена секция штакетного заборчика: через нее проходят грозди, а гребни остаются. Без гребней винное сусло, перебродив, приобретает особо чистый букет...

Вот уж кто походил на персонажа античности, так это он, вечный винодел, творец напитка жизни и радости...

О том лишь только хлопочу,
Того лишь только и хочу,
Чтобы с другими наравне
Досталось полностью и мне –
И на руке тугой мозоль,
И на спине крутая соль,
И та усталость, что меня
Валила на исходе дня...
Вот сердце, все мое добро
И золото и серебро.

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ ЛУПАН (2 (15) февраля 1912, село Мигулены, Оргеевский уезд, Бессарабская губерния – 24 августа 1992, Кишинёв, Республика Молдова) – молдавский советский писатель и общественный деятель, председатель правления Союза Писателей Молдавской ССР (1946–1960), академик Академии наук Молдавской ССР (1961).

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

ВИКА ЧЕМБАРЦЕВА

ОТРАЖЕНИЯ

* * *

вот так... быстрее, чем падает ресница,
 чем в розе червь съедает сердцевину,
 мелькают дней безликих вереницы,
 и осень снова тихо дышит в спину
 ментоловыми звёздными дождями,
 за полумраком – стёкол дребезжанье,
 и мумия мушиная на раме,
 и влажный сад с уснувшими цветами,
 и шорох светляков, и след молочный –
 дрожит вода на донце лунки лунной,
 и смерть проста, как стих без многоточий,
 а жизнь, как баба нищая – безумна.

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

готов разорваться каштановой почки полон
 в заброшенном птичьем гнезде поселился лишь ветер
 тревожит неясно не мною написанный Вертер
 раскрытую книгой.

а старые рамы окон
 кроют лоскутами весны беззаботное небо
 упрямые буквы слагаются в новую небыль
 в обрывки из снов, недосказанных слов суету
 в строку, по которой босая за солнцем уйду..

* * *

Александрю Чернову

Я видела в стеклянной тишине
усыпанную миртом терракоту,
и солнце в багровеющем вине
за горизонт стекало с позолоты,
как день старел, и морщилась земля
от засухи растрескавшейся кожей.
Я видела, как древо гложет тля –
подкорково, пожизненно, похоже
на всхлипы раскрываемых дверей,
где за порогом Бог, а может, дьявол,
и где стоишь растерянный, ничей,
не знающий, ни лево где, ни право,
и травы прорастают сквозь следы,
и обморочно пахнет земляникой,
и ночь, качая стебли лебеды,
в зрачки глядится звёздно, многолико.

Я видела. Я видела сквозь сон,
как в шепоте песка вершилось время,
и слова опрокинутого звон
летел строкой в чернеющую темень.

НОЧНЫЕ СТРАХИ

..И если опять просыпаться в поту,
глотать кислород, как таблетки горстями,
и стряхивать сон, и давиться слезами –

по эту ли сторону или по ту?

Коростой слова налипают к гортани,
ты слушать не хочешь их: «поздно, ложись»,
мол – «рано вставать».

Это катится жизнь
с твоей параллельно и даже не ранит уже
несхожденье, непересечение
и непониманье, и несовпадение.

Но это, по сути своей, ерунда.

И лето течёт, словно Леты вода
сквозь тело соломинки.

Катится жизнь.

Берись за неё и держись.

ВСЛУШИВАЯСЬ В НОЧЬ

так тихо... виноградная лоза
качается наполненная соком.
и прикрывает день свои глаза,
сворачиваясь в тёмный сонный кокон.

бледнеет небо, истончая мир
до сумерек, до ломкой хрупкой тени.
в райке окна рождается движенье
разыгранных закатом пантомим.

на полупальцах ходит лёгкий дождь
цветущего касаясь абрикоса.
и мыслей вездесущие стрекозы
движением крыла приводят в дрожь.

что остаётся? – вслушиваться в ночь,
делить свой кров с игрой секундной стрелки
и утыкаясь времени в плечо,
не верить в расстояния, ещё –
перемывать разбитые тарелки
и ангела просить тебе помочь...

ОТРАЖЕНИЯ

улитка тянет панцирь за собою,
но в зеркале иное отражение:
дома, машина, лестниц позвоночник,
курносый профиль, глаза сердцевина,
на лепестке волны – фигурка птицы,
поющей под дождём о зёрнах риса,
сезоне облаков и римском ветре..

как не отдать того, чем не владели –
«не любят вновь, но любят изначально»¹.

теченье жизни – Мёбиуса лента –
по замкнутому кругу в бесконечность
с навязчивой иллюзией свободы:
арена Колизея, птица, профиль,
спираль, виток, улитка, отражение.

¹ вариация перевода строки стихотворения П.Севака

ЛЕДЕНЦОВОЕ

На щепочке – прозрачный петушок
алее самых ветреных закатов...

Юродивый с пиджачною заплатой
у рюмочной.
Сквозь приторный душок
голов свиных с пугающим оскалом,
в руках проворных толстых мясников –
пласты парного мраморного сала.
Корыта скользких снулых окуньков
в прожилках тины.
Красный рот торговки,
мигрень бранящей, мужа и судьбу.
Силач, согнувший пальцами подковку
потом завьёт пружиною скобу.
Еврей, пропахший молью, синагогой,
Талмудом и ванильным пирогом
по скрипке водит «Чардаш».
Босоногий
мальчишка-вор споткнулся – в лужу лбом,
и кошелёк чужой летит под лавку:
«Забьют, скорее ноги уноси!»
Рябая баба пьяно голосит
«Шумел камыш» у винного прилавка.
Соломинками тонкими свечей
торгуют златозубые земфиры,
и водит шумных куколок над ширмой
заезжий клоун с птицей на плече...

...пока ещё так сладок петушок
глазастого веснушчатого детства,
пока ладошке маленькой согреться
в руке отца щекотно и смешно –
в пыли базарной медным пятаком
мерцает жизнь, оброненная Богом,
пока ещё не хожены дороги,
а смерть – не здесь, не с нами, ни о ком.

ОСЕНЬ. ЗИМА. ВЕСНА. И СНОВА...

думать о тебе
вспоминая вкус зелёного чая
в холодном предзимье города,
запах сосновой камеди, склеившей пальцы

и плывущую в лето реку...
споласкивать чашку
и ждать
наступления весны
чтобы всё повторилось
вновь...

на дне моей чайной коробки
душистый молочный улун.
под утро дочитан Буковски.
за окном белые стрекозы декабря.
состояние у-вэй¹...

ПИСАТЕЛЬ

Туман белее снега с Арагаца,
и девственно чиста твоя страница –
беседа букв и болтовня глаголов
остались за порогом кабинета.

По улице плывёт большая рыба.
Молчит и тонет, вязнет в зимнем иле,
то вздрогнет чешуёй зонтов неровно
от городского шумного прибоя –

блуждает взгляд в окне... Остывший кофе,
раскрыта «Капля мёда» Туманяна,
срывают тишину секундной стрелкой
часы, и не написано ни строчки.

О, этот долгий сон длиною в зиму,
когда тоска совсем невыносима,
и сумерки скользят по стенам комнат,
когда Её лица уже не вспомнить...

¹ в буддизме состояние созерцательного недеяния

МНЕ СНИЛОСЬ – ПЕЛ ДУДУК...

Тревожится, шумит листвою платан...
А в зимнем Ереване спят чинары...

Мне снился Арарат и голос Зары¹
на ледяных ветрах – Дле Яман²,
и Комитас³ – мальчишка-сирота
на стылых камнях прачечной ютился
пока никем не признанный..

Мне снился
Раздана⁴ плеск под сводами моста.
И древние хачкары⁵ у дорог,
и звон колоколов Эчмиадзина⁶,
и ангелы, скорбящие незримо
о душах убиенных,
и народ,
хранящий ощущение корней,
как щепку древа Ноева Ковчега...

Мне снилось – пел дудук.
И запах снега
стучался в окна улицы твоей.

¹ Зара – армянская эстрадная певица и актриса.

² Дле Яман – армянская народная песня, музыка Комитаса Вардапета.

³ Комитас – армянский композитор, музыкальный этнограф. Основоположник армянской национальной композиторской школы.

⁴ Раздан – река в Армении.

⁵ Хачкар (арм. «крест-камень») – вид армянских архитектурных памятников, представляющий собой каменную стелу с резным изображением креста.

⁶ Эчмиадзинский монастырь – монастырь Армянской апостольской церкви, местонахождение престола Верховного Патриарха Католикоса Всех Армян.

ВИКА ЧЕМБАРЦЕВА – поэт, прозаик, переводчик. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова, член Союза писателей Москвы. Участница форумов молодых писателей России (2009–2011), V Ереванского форума переводчиков стран Балтии и СНГ. Лауреат и дипломант многих международных литературных премий и конкурсов. Печатается в литературных журналах и сборниках России и зарубежья. Постоянный автор «Русского поля».

Нива науки

СЛАВЯНСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ – 15 ЛЕТ

*21 мая 2012 года исполняется 15 лет со дня основания Славянского университета Республики Молдова. О значении этого события для нашей страны, об истории вуза и о том, что представляет собой университет сегодня, о достижениях профессорско-преподавательского состава за сравнительно небольшой промежуток времени и перспективах развития этого уникального в своем роде вуза рассказал **Олег Андреевич Бабенко**, доктор философии, профессор университета, председатель Совета учредителей Славянского университета, Депутат парламента РМ.*

Олег Андреевич, ведь известно, что Республика Молдова, в момент провозглашения независимости, в качестве наследства от советской власти располагала развитой сетью высших учебных заведений. Какая была необходимость создания еще одного вуза, и именно Славянского?

Согласен с такой постановкой вопроса, однако были и обстоятельства 20-летней давности, о которых некоторые или уже забыли, или не знают. В последние годы перестройки часть молдавской интеллигенции инициировала движение за придание молдавскому языку статуса государственного. Начинание, на мой взгляд, закономерное и положительное, но, к сожалению, ни концептуально, ни практически в то время не разработанное и осуществляемое иногда недопустимыми методами и способами. Законом «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», принятым Парламентом в 1989 году, за русским языком признавался статус языка межнационального общения, с правом использования наряду с молдавским языком. Однако, по объективным, а во многих случаях и по субъективным причинам, сфера применения русского языка была значительно ограничена, особенно в сфере народного образования. К тому же, в первые годы независимости Республики Молдова наметилась реальная угроза этномонополизации кадровой политики и, как следствие, начался отток из страны русскоязычного населения, особенно русскоговорящей молодежи.

Было очевидно, что на ранней стадии становления государства молдавским властям трудно было избежать соблазна навязывания русскому населению процесса естественной ассимиляции. Вследствие этой политики значительная доля населения Молдовы была поставлена в условия, когда нужно менять в «пожарном» порядке язык общения с государством и обществом. Речь шла о гражданах Молдовы (а не о вынужденных переселенцах или беженцах), которым

государство, независимо от национальности, обязано гарантировать равные права и основные свободы, предусмотренные Конституцией и международным правом.

Для содействия государству в обеспечении равных прав и свобод граждан титульной нации, в основе своей русскоговорящих, составлявших 36% населения страны, а также чтобы дать возможность молодежи получить высшее образование на русском языке, помочь русскоговорящим гражданам Молдовы интегрироваться в молдавское общество, сохранить свою самобытную культуру, обеспечить осуществление реального русско-молдавского и молдо-русского двуязычия и одновременно расширять и укреплять русское образовательное пространство на территории Республики Молдова, и был образован 21 мая 1997 года Славянский университет. Вуз получил лицензию Министерства образования и науки, а спустя пять лет успешно прошел и государственную аккредитацию на предмет соответствия высочайшим образовательным стандартам. Это был один из первых Славянских университетов в странах Содружества Независимых Государств и Балтии. Открытие такого университета означало успешное преодоление молдавским обществом, многонациональным по своему составу, противоречий, обусловленных начальным этапом разрешения национальных проблем.

Славянский университет был задуман как центральное звено единой образовательной вертикали. При нем был открыт лицей «Светоч», включающий начальное, гимназическое и лицейское образование. Научная аккредитация Славянского университета позволила открыть магистратуру и придать образовательной вертикали целостность в системе русского образования.

Расскажите, пожалуйста, что представляет собой Славянский университет сегодня?

Сегодня Славянский университет – одно из ведущих учебных заведений Республики Молдова. На четырех факультетах университета – гуманитарном, юридическом, экономическом и театральном обучаются более 2700 студентов. Вуз готовит специалистов по 11 направлениям естественно-научного и 14 гуманитарного профиля, а с 2005 года приступил к постуниверситетской подготовке специалистов – **магистратуре**. Университет располагает высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом: на 11 кафедрах работают 150 штатных преподавателей, из которых свыше половины – доктора наук и доктора хабилитаты. Занятия в вузе проводятся на собственной материальной базе – в трех учебных корпусах общей площадью свыше 6 тыс. кв. м. со специализированными аудиториями, кабинетами, залами, собственной библиотекой.

С 2005 года, после присоединения Республики Молдова к Болонскому процессу, вузы страны, в том числе и Славянский университет, перешли к двухуровневой подготовке специалистов – лиценциату (бакалавриату) и мастерату (магистратуре). В настоящее время педагогические кадры по специальностям «Русский язык и литература», «Иностранные языки», «Психология» готовит гуманитарный факультет Университета. Его выпускники работают в большинстве школ страны с преподаванием на русском языке. Выпускники отделения журналистики задействованы во всех русскоязычных периодических изданиях страны, «покрывающих» такие сферы, как наука, экономика, юриспруденция, педагоги-

ка, медицина, информационные технологии, сельское хозяйство и легкая промышленность. Влияние театрального факультета на русское образовательное пространства определяется, прежде всего, репертуарной политикой муниципального театра-студии «С улицы Роз», который является творческой площадкой факультета, в спектаклях которого заняты студенты университета. В репертуаре театра – популярные среди школьников и учителей спектакли по произведениям русских писателей. Библиотека Славянского университета располагает фондом учебной, учебно-методической и художественной литературы российских, украинских, белорусских, болгарских и других издательств. Всего фонд библиотеки составляет сегодня более 100 тысяч книг. Сформирована и работает электронная библиотека.

Славянский университет является единственным центром в Республике Молдова, занимающимся изучением проблем развития славянской культуры в Карпато-Днестровском регионе по координации исследовательской, образовательной и просветительской деятельности, по развитию традиций, взаимодействию и сотрудничеству славянской культуры с культурами остальных этнических групп Республики Молдова, укреплению социальной солидарности, улучшению нравственного климата в обществе. На осуществление такой работы направлена и деятельность функционирующих при вузе общественных организаций: Ассоциации работников славянских учреждений РМ, Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы, международного центра «PRO-карьера», Молдавского филиала Центра межнационального образования «Этносфера» (г.Москва), студенческой организации «Славяне».

В настоящее время международное сотрудничество является одним из приоритетных направлений деятельности Славянского университета Республики Молдова.

Основой работы Славянского университета по укреплению связей и сотрудничества с ведущими центрами науки и образования других стран является принятая в 2008 году Стратегия международного сотрудничества Славянского университета. Стратегия исходит из опыта предыдущего сотрудничества, начиная с 1998 года.

В целях все более органичной интеграции Славянского университета в мировое образовательное пространство, в целях адаптации передового опыта организации учебного процесса, научной деятельности студентов и преподавателей, а также в целях информирования международного университетского сообщества о своих достижениях Славянский университет:

- устанавливает и развивает договорные отношения;
- организует и участвует в работе международных научных форумов в евразийском образовательном пространстве;
- проводит семинары, конференции, заседания по вопросам повышения качества образования, совершенствования НИР и НИРС, а также внедрения правил и норм организации деятельности университета согласно требованиям Болонского процесса;
- является активным партнером, членом или грантополучателем международных организаций;
- проводит, используя ресурс международной поддержки, просветительские

мероприятия, рассчитанные на укрепление партнерства с образовательными и общественными структурами в Республике Молдова.

Большое внимание уделяется международным связям, прежде всего, с рядом ведущих вузов России, Украины, Белоруссии и Болгарии. В списке партнеров университета и другие вузы стран СНГ и Европы: стабильно выполняется Договор с университетом Лейпциг-Молдова (Германия), реализуются отдельные программы с Варшавским университетом (Польша) и Гранадским университетом (Испания).

Развитие договорных основ международного сотрудничества Славянского университета определяется различными факторами государственной внутренней и внешней политики Республики Молдова, а также устремлениями и перспективами самого вуза.

Студенческие форумы, обучающие и тренинговые мероприятия, проводимые на основе заключенных договоров, вводят молодежь Славянского университета в круг вопросов международной студенческой жизни, обеспечивают возможность освоить европейский опыт и на прочной основе развить традиционные связи с вузами стран СНГ и Европы.

Университет является коллективным членом таких международных организаций, как:

- Евразийская Ассоциация Университетов (ЕАУ);
- Консорциум Сетевого университета стран СНГ;
- Международная Кадровая Академия (МКА) – общественной организации со штаб-квартирой в Киеве (Украина),
- Европейская сеть национальных информационных центров по академическому признанию и мобильности Совета Европы;
- Международная академия наук высшей школы (МАН ВШ);
- Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ);
- Центр международного образования «Этносфера»;
- Международное педагогическое общество в поддержку русского языка (РФ).

Каковы наиболее значимые достижения университета?

За 15 лет своего существования Славянский университет успел зарекомендовать себя как одно из ведущих в стране высших учебных заведений, осуществляющее подготовку специалистов на высоком уровне, и как активный проводник славянской культуры в Республике Молдова. За весь период существования университет подготовил 7444 высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства страны. Одним из существенных достижений вуза является сохранение и расширение русского образовательного пространства в Молдове. Тот факт, что сегодня из 1490 школ, действующих в стране, в 280 обучение ведется на русском языке, 82 учебных заведения – смешанные (руско-молдавские, русско-гагаузские, русско-украинские), охватывающие более 100 тысяч учащихся, – это благодаря и деятельности Славянского университета, усилиям его профессорско-преподавательского состава по упрочению законодательно-

нормативной базы использования языков проживающих в стране этнических групп, заметному оздоровлению межнациональных отношений, неослабевающему вниманию общественных объединений к проблемам функционирования и преподавания русского языка.

Вузом накоплен богатый опыт преподавания русской словесности в условиях отсутствия надлежащего культурно-исторического фона, необходимого для востребования русских художественных текстов. По инициативе Славянского университета и под влиянием широкой педагогической общественности Министерство просвещения ввело в учебные программы школ предмет «История, культура и традиции русского народа», призванный, среди прочего, компенсировать отсутствие в школе курса истории России и СССР и дать учащимся необходимые для усвоения русского языка и литературы фоновые знания. В настоящее время данный предмет читается в начальном и гимназическом звене.

Укреплению русского образовательного пространства в стране способствует учебная работа вуза, особенности учебных планов и аналитических программ, специфика отдельных компонентов содержания обучения и непосредственно подготовка педагогических кадров для русских школ страны. Так, в учебные планы всех специальностей включены следующие дисциплины: «История славянских народов» и «Культура русской речи и коммуникация». Специфическое наполнение получает и содержание таких курсов, как «Культурология» «Философия» и «Европейская цивилизация», где акцентируется внимание на достижения славянской цивилизации, молдо-славянских и молдо-российских отношениях, русской философии и литературы Серебряного века и т.д.

В 2008 году Славянский университет получил научную аккредитацию. В настоящее время ведется научно-исследовательская работа по четырем направлениям: «Межкультурное взаимодействие в полиэтнической среде Республики Молдова», «Информационная безопасность технологий и систем связи», «Проблемы развития гражданского общества и правового государства в Республике Молдова», «О развитии конкурентоспособности предприятий в условиях рыночной экономики».

К научной аккредитации было представлено направление «Межкультурное взаимодействие в полиэтнической среде Республики Молдова». Следует подчеркнуть, что Славянский университет – единственный в стране вуз, прошедший аккредитацию по данному направлению. Сегодня и в перспективе это направление очень актуально, поскольку включает в себя поиски эффективных способов и средств развития духовных субъектов культуры.

Цели и задачи научно-исследовательской работы коллектива университета заключаются в том, чтобы на основе изучения сущности и форм исторического развития славянской культуры в условиях полиэтнической страны раскрыть особенности и закономерности межкультурного диалога как ведущей тенденции современного цивилизационного развития, продемонстрировать роль славянской культуры в языковом, литературном, религиозном, политическом развитии культур этносов Молдовы, исследовать роль культурных взаимодействий в процессе духовного развития личности, выявить социально-коммуникативные особенности диалога культур, исследовать функционирование языков в инонациональной среде.

Помимо того, что результаты названных исследований фиксируются на русском языке, способствуя тем самым функционированию его в Молдове как языка науки, это направление позволяет высветить многие проблемы, касающиеся русской школы и русскоязычного образования. В частности, большим спросом пользуются результаты исследований социально-правовых аспектов формирования личности в современном обществе, учет особенностей национального характера в формировании личности, этнический фактор и межрегиональный диалог, продвижение мультикультуризма и полилингвального образования в Молдове, особенности профессионального самоопределения старшекласников и роль толерантности в становлении этнической идентичности подростков и юношество.

Что касается приоритетного направления – «Межкультурное взаимодействие в полиэтнической среде Республики Молдова», то оно разрабатывается с привлечением учителей и студентов, преподавателей многих кафедр университета и других вузов, а также сотрудников Академии Наук Молдовы. Результаты исследований по данному направлению излагаются на традиционно проводимой в Славянском университете Международной научной конференции «Славянские чтения», которая задумывалась и реализуется как попытка объединения славистов Молдовы. Тематики секционных заседаний конференции – «Молдова в славянском мире», «Славяне Молдовы: вехи истории», «Молдова: аспекты этнокультурной полифонии», «Литературоведение: переключки литератур и полилог научных концепций», «Славянские языки: гипотезы, теория, поэтика и прагматика» – свидетельствуют о направленности научной работы на укрепление славянского культурно-образовательного компонента полиэтнической Молдовы, давая свежий, актуальный материал для уроков и внеклассных мероприятий по русскому языку и литературе, по истории, географии, искусствоведению.

О результатах научной работы, направленных на школу, свидетельствует участие сотрудников Славянского университета в написании учебников, учебных пособий и методических гидов по русскому языку и литературе, по истории, по граждановедению. Во избежание терминологических и иных разночтений работники вуза подключаются и к переводу на русский язык учебников, подготовленных на государственном языке.

Научно-методическая продукция вуза печатается в двух периодических изданиях – «Вестник Славянского университета» и в сборниках по материалам проводимых международных и республиканских конференций.

Славянский университет при поддержке Фонда «Русский мир» реализовал такие проекты, как:

- создание альбома «Памятники русской истории и культуры в Молдове». Данное иллюстрированное научно-информационное издание включает в себя изображения расположенных на территории Молдовы архитектурных сооружений и памятников, связанных с историей и культурой России, а также сопроводительные тексты к ним, составленные на базе специальных работ авторитетных учёных: историков, искусствоведов, лингвистов, этнографов, литературоведов. Кроме того, в издании даны описания мест компактного расселения старообрядцев и фотоснимки примечательных объектов архитектуры Кишинёва.
- создание альбома «Памятники воинской славы на территории Молдовы».

Настоящий альбом – это научно-информационное издание, посвященное 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. В него вошли фотографии памятников воинской славы, воздвигнутые на территории Молдовы. Представлены пограничные заставы, памятники отдельным воинским подразделениям, героическому подполью, памятники на плацдармах, мемориалах, а также соотечественникам, погибшим на фронтах. Альбом содержит комментарии, составленные на базе исторических документов и специальных исследований.

Кем из воспитанников университета, добившихся особых успехов после окончания вуза, вы особенно гордитесь?

Мы гордимся всеми выпускниками, потому что профессорско-преподавательский коллектив университета приложил максимум усилий, чтобы подготовить каждого из них высококвалифицированным специалистом. Наши выпускники работают во всех сферах народного хозяйства страны и за рубежом. Многие из них являются директорами фирм и предприятий, главными бухгалтерами, юрисконсультами, редакторами и корреспондентами СМИ, ведущими телевизионных программ и т. д. Вот некоторые из них: Младенов Александр – специалист Министерства образования Болгарии, Дворецкий Виктор, полковник, работник Министерства обороны Украины, Савастин Людмила, советник Кишиневского муниципального совета, Тагирова Елена, главный редактор компании Гостелерадио Дагестана, лауреат Евразийского телевизионного конкурса социальных программ, Топченко Ирина, редактор журнала «Sănătate», Бахтина Яна, ведущая программ на телевидении «PUBLICA TV», **Кайряк Иван**, сотрудник ассоциации «Канадские авиалинии», Беломестнов Дмитрий, адвокат в Канаде, Болгар Максим, преподаватель Комратского университета, Гришук-Бучка Светлана, Федосьева Лилия, аспирантки Института Истории государства и права АН РМ; Мишин Сергей, докторант академии Штефана чел Маре, и многие другие выпускники.

Как будет развиваться университет в будущем?

В будущем руководство университета планирует дальнейшее усовершенствование учебной, научно-исследовательской работы и укрепление международных связей.

В наших планах: открытие представительств университета, внедрение дистанционного образования, открытие новых факультетов и специальностей, строительство новых учебных корпусов, расширение международных связей в Европе и Америке – планируется приглашать больше иностранцев для обучения в вузе и участвовать в международных проектах и грантах.

Предстоящая научная аккредитация университета позволит открыть докторантуру (аспирантуру) для поддержки молодых русскоязычных ученых Республики Молдова.

В будущем для совершенствования управленческого труда в университете руководство планирует провести ряд изменений в структуре управления и кадров: «омоложение» кадров – предъявление более высоких требований к работникам (наличие 2-3 высших разноплановых образований, обязательное владение государственным и иностранными языками). Предпочтение будет отдаваться выпускникам Славянского университета, показавшим лучшие результаты

как в учебе, так и в участии в общественной жизни вуза; планируем направлять молодых работников в аспирантуру для повышения качества знаний, для саморазвития и совершенствования; произойдет переход к демократическому централизму – создание группы людей – советников руководителя для помощи в организации управления и развития университета. Предпочтение будет отдаваться работникам, преданным вузу, его идеям и миссии.

Молодым журналистам будет предоставлена возможность разработать собственную студенческую газету, а также создать интернет-газету для расширения аудитории и привлечения молодежи к получению образования на русском языке.

Осуществление данной запланированной деятельности на постоянной основе обеспечит вузу тот информационно-коммуникативный ресурс, который позволит университету быть в курсе вызовов XXI века, предъявляемых к образованию, то есть быть на уровне современных требований к качеству подготовки конкурентоспособных специалистов и духовно насыщенного нового поколения интеллигенции.

Вёл интервью зав.кафедрой журналистики Славянского Университета, доктор истории, конференциар университар Анатолий Дубровский

Эхо XX века

ОЛЬГА ТИХОВСКАЯ

*Послания из XX века
До востребования*

ДАР УЧЕНИЧЕСТВА

«Страна с богатой историей, находящаяся в состоянии политического кризиса...» Семь букв по горизонтали. Первая – «М». Мексика – не подходит. Марокко – тоже. Значит, М-о-л-д-а-в-и-я. Только одна буква лишняя. Отбросим «я», и будет – Молдова. Ровно семь. Без «я» – всё сходится.

Вот так – будто втискивая в клеточки кроссворда, – отбрасывают, вычитают, подгоняют под чужие стандарты и чужие мифы – нашу жизнь, наше прошлое, настоящее и будущее.

Под гипнозом политических утопий правители страны с названием из семи букв возвели в норму безродность и беспамятство. Нам пообещали светлое будущее европейского разлива. Надо только отбросить своё «я». Отречься от прадедов и дедов, победивших фашизм. Отказаться от родины, имени, языка и культуры.

Безродные политики, нагло власть имущие, проводят не европейскую интеграцию, но – *варваризацию* Молдовы. Страну превращают в убогое, выморочное пространство, где дом – без хозяина, село – без праведника, сад – без садовника.

В стане варваров нет места учителю, духовному наставнику, строителю и хранителю культуры. Для варвара не существует ни долга, ни памяти, ни благодарности.

* * *

... Сколько их было? Много ли выпили, присев среди чуждых им могил? Как занесло их на Армянское кладбище в Кишинёве? Среди бела дня или тёмной ночью? Не узнать, не понять, не поймать за руку.

Остаётся только гадать, кому помешал скромный надгробный памятник в нескольких метрах от Всехсвятской церкви. Какому дикарю – пьяному вусмерть, слепому или неграмотному – захотелось надругаться над могилой человека, при жизни сумевшего уберечь от варварства многих людей?

На гранитной плите – изувеченный вмятинами и трещинами портрет. Под ним – эпитафия: *«Александр Осипович Гавронский. 1888 – 1958. Ты любил людей... Ты помогал им жить... Ты всегда будешь с нами... Живой, неизменный, любимый...»*.

Кто этот мудрец с детскими глазами? – Учитель.

Кому помогал он жить? – Тем, кто был одарён жаждой ученичества.

Кто любил его неизменно и преданно? – Ученики, устоявшие перед соблаз-

ном безликости, не отказавшиеся от собственного «я».

Ученики, чья любовь и благодарность были безмерны. Ученики, чей век на земле не вечен.

Их голоса, в магнитофонной записи конца прошлого столетия, звучат сегодня памятованием – вопреки узаконенному беспамятству. Рассказы об Учителе, услышанные на полпути к варварству, помогают увидеть и нашу жизнь – в ином измерении.

– Я в детстве посмотрела спектакль «Синяя птица» и решила, что вырасту и буду ставить «синие птицы». А когда мне исполнилось одиннадцать лет, в 1921 году, мои родители увидели объявление о школе эстетического воспитания под руководством Наталии Сац. В этой маленькой школе мы много и хорошо занимались искусством. Александр Осипович приходил к нам и разговаривал с нами. Мы его любили. Нам было всегда с ним хорошо.

Александр Осипович
Гавронский (1929 г.)

Александр Осипович приходил к нам и разговаривал с нами. Мы его любили. Нам было всегда с ним хорошо.

С театральным художником Натальей Михайловной Набоковой мы говорили в доме неподалёку от Московского зоопарка, на закате дня и – увы! – на закате её жизни, осенённой детской мечтой о «синих птицах».

Ученики школы эстетического воспитания не знали, что Александр Гавронский – один из внуков основателя чаеоторговой фирмы «Высоцкий и К°». До октября 1917 года, ещё не помышляя об учительстве, наследник миллионного состояния сам был учеником. Философская школа профессора Когена в Марбургском университете, участие в партии социалистов-революционеров, любительские спектакли, первые режиссёрские опыты в театрах Германии и Швейцарии – всё это странным образом соединилось в жизни человека, чья жажда ученичества, творческого познания была неутолима.

– После школы я училась в студии художника Фаворского, а потом поступила в университет. В декабре 1933 года меня арестовали «за слушание антисоветских анекдотов», отправили в ссылку.

Это было в Медвежьегорске. Я стояла, смотрела на деревянное здание театра и думала, как же мне туда попасть. Меня как ссыльную обязали давать уроки геометрии отбывавшим наказание уголовникам. А я мечтала о «синих птицах».

И вдруг мне навстречу идёт Александр Осипович Гавронский, смотрит на меня удивлённо и говорит: «Туся, что ты тут делаешь?» – «Я в ссылке...»

И тогда он взял меня за руку и повёл в театр, в то самое – великолепное! – деревянное здание. Привёл к директору. Тот обрадовался: «У нас будет трагедия!». А я говорю: «Я – художник!».

И ведь вот как судьба сложилась: я случайно встретила с Александром Осиповичем, попала в театр и стала оформлять спектакли. Потом работала в разных городах и всю жизнь помнила об этой встрече.

В театре на Медвежьей горе был цвет интеллигенции: ссыльные актёры, певицы, музыканты, художники. Но у Александра Осиповича учились все, он всем помогал – каждому спектаклю.

И мне всегда казалось, что он видит то, что мы ещё не видим, ещё не чувствуем. Он из меня сделал не только художника, но и человека. Скажет что-то между прочим, а это ложится навсегда.

Со времени занятий в московской школе эстетического воспитания до встречи в Медвежьегорске многое изменилось в жизни бывшего наследника бывших чаоторговцев, но неустанный труд души, учительство и ученичество, оставались путеводительным началом в этой непредсказуемой судьбе.

Четыре родных брата и сестра Александра Гавронского, как и многие родственники из большого семейного клана Высоцких, покинули Россию после революции, вместе с сотнями тысяч эмигрантов и беженцев.

Александр Гавронский остаётся, будто ставит эксперимент над самим собой. В тридцать с небольшим, он, казалось бы, по-юношески безоглядно тратит силы на занятия, не гарантирующие ни карьерного взлёта, ни стабильного достатка. Ставит спектакль «Мария Тюдор» в бывшем театре Незлобина, работает в Драматической студии имени Шалапина, участвует в создании детских театров. И вдруг – хотя «вдруг» объясняется не только характером человека, но и характером времени, – пробует сниматься в кино, затем сам снимает фильмы и преподаёт в киношколе Бориса Чайковского.

– Александр Осипович пришёл в середине 1926 года и как-то сразу «завоевал» всех. Мы к нему относились с каким-то обожанием, обожествлением, я бы сказала. Его эрудированность нас покорила до такой степени, что даже со второго курса некоторые студенты перешли на наш первый курс из-за Гавронского.

В тихом доме на улице Мосфильмовской ещё одна ученица Гавронского, Наталья Михайловна Алифанова, вспоминала о студенческих годах и своём дебюте в кино.

– Мы учились три года, но я даже не закончила третий курс, потому что в марте 1929-го начала сниматься в «Тёмном царстве». Сначала уехал в Одессу Александр Осипович. Потом я посылала туда свои фотографии – он должен был показать местным властям на студии. А потом нас вызвали – меня и моего однокурсника Пашу Серёгина. Сценарий мы прочитали уже в Одессе. Это был сценарий Сергея Ермолинского. Нам с Пашей Серёгиным не было трудно на съёмках. Может, было бы трудно с другим режиссёром. Но это же был Александр Осипович. Не один десяток этюдов мы сделали под его руководством во время учёбы.

Фильм «Тёмное царство», снятый в Одессе, на Черноморской кинофабрике, стал звёздным часом в короткой кинематографической биографии Натальи Алифановой.

– Ты выходишь в большое плавание, – сказал Александру Гавронскому на обсуждении фильма режиссёр Всеволод Пудовкин.

Но рецензенты были не столь проницательны, принимая достоинства фильма за недостатки.

«Всё это сделано с мастерством, с хорошим художественным вкусом и тактом. Во всём этом много подлинной художественной культуры и любви к литературным классическим образцам. Мало того, в подаче этих масок прошлого, этой обывательской обрядности временами чувствуется ирония современного художника.

Но вместе с тем, какое это холодное искусство! В «Тёмном царстве» мы опять имеем дело с проявлениями эстетизма в современной кинематографии», – писал Борис Алперс в первом номере журнала «Кино и жизнь» в 1930 году.

Критика эстетизма и формализма, как и ещё многих «измов», была удобным инструментом: идеологические баталии постепенно превращались в борьбу с неугодными деятелями искусства. Но о таком сценарии догадывались ещё очень немногие.

С оптимизмом юности, без страха смотрели вперёд участники съёмочной группы «Тёмного царства» – оператор Игорь Гелейн, актёры Наталья Алифанова и Павел Серёгин, режиссёры-практиканты Ольга Улицкая и Семён Шульман.

Их новый товарищ Изидор Винокуров тоже с радостью думал о будущем. В двадцать два года невозможно быть пессимистом. Невозможно, став учеником Александра Гавронского, жаловаться на судьбу.

Так и не став пессимистом, о многом рассказал мне восьмидесятилетний Изидор Григорьевич Винокуров, активный участник литературного строительства, один из создателей журнала «Юность». Дар ученичества, любовь к Учителю и память о нём – всё сохранил в сердце этот светлый благородный человек.

– В 1924 году я работал грузчиком в Новороссийском порту. Однажды собрали всю молодёжь, и от имени рабочего комитета к нам обратились с такой речью: «Ребята, вам надо будет поехать учиться».

– Куда? Чего?

– А вот сейчас узнаете.

Лежала стопочка бумажек. Представитель рабочкома брал бумажку:

– Слушай, Петя Иванов, вот ты поедешь учиться в Ростов на доктора.

Поднимался гвалт.

– Поедешь учиться! Вот тебе командировка. Дальше. Сенька, ты поедешь учиться в Новочеркасск на инженера.

Вратарём футбольной команды в нашей бригаде грузчиков был Володя Коккинаки. Его послали учиться на лётчика.

Дошёл черёд до меня:

– А ты, Винокуров, поедешь учиться на артиста. Поедешь, и всё!

Так я и поехал учиться в Москву на киноартиста. И вот тогда-то я понял, что ничего не знаю. Я решил параллельно учиться ещё где-нибудь, чтобы пополнить свои знания.

Пришёл к ректору Московского университета – брюки-клёш, душа морская, загорелый, здоровый парень – и стал проситься, чтобы мне разрешили посещать лекции. Так я одновременно учился в кинотехникуме и в университете.

А потом с одним моим товарищем мы написали два сценария и приехали в Одессу. Там я и познакомился с Александром Осиповичем, который снимал

фильм «Тёмное царство». Когда мы прочитали ему свои сценарии, он сказал: «Знаете что, ребята, включайтесь в мою группу, будем работать вместе».

Я очень многим обязан Александру Осиповичу. Ведь я был безграмотный, ничего не знающий парень. И вот помню, под руководством Александра Осиповича штудировал Канта – «Критику чистого разума».

Я встречал на своём пути двух человек, которые обладали такими знаниями, так обогащали молодёжь. Это Сергей Михайлович Эйзенштейн и Александр Осипович Гавронский. Они никогда не говорили тебе: «Этого я не знаю». О чём бы их ни спросили – они на всё давали исчерпывающий ответ.

На съёмках Александр Осипович воспитывал нас следующим образом.

– Вот надо бы придумать...

– Да, но как же это сделать, Александр Осипович?

– Если бы я знал, как это сделать...

И тогда мы думали, думали ночи напролёт.

За шесть лет режиссёр Гавронский снял шесть художественных фильмов: «Круг» (1927), «Мост через Выпь» (1928), «Кривой рог» (1928), «Тёмное царство» (1929), «Настоящая жизнь» (1930), «Любовь» (1933).

Это были годы, когда воспитание человека думающего не входило в число первоочередных задач. Стране нужны были миллионы грамотных работников, технических специалистов, строителей новой жизни.

Гигантские планы создания индустриальной державы определяли судьбу новых поколений. Патриотизм, справедливость и героический труд должны были стать великими ценностями советского народа.

Но великой трагедией стало сосуществование – в границах одной страны – двух разных миров. В одном – свободный труд миллионов советских людей и радость созидания. В другом – лагерные зоны и рабский труд миллионов, попавших под «колесо истории».

– Всё было впереди. Всё было впереди, когда случилось это несчастье. Страшное несчастье. Тогда, в 1934-ом, ничего мы ещё не понимали. Это было только начало. Исчезали отдельные люди. А потом пошли сотни, тысячи. Александр Осипович ни в чём не был виноват! Вы понимаете? Ни одного тёмного пятна на воспоминаниях о нём нету, нету!

Низкий и резковатый голос Раисы Давыдовны Есиповой срывается на хрип. Она вспоминает не просто режиссёра, с которым работала над первой звуковой картиной Киевской киностудии. Она вспоминает Учителя.

– Встреча с Александром Осиповичем, ещё в киношколе, была большим счастьем. Кино тогда было немое, и мы не умели разговаривать. Прошло несколько лет, вдруг приехал Александр Осипович и сказал: «Раиса, поедем сниматься в Киев. Будешь играть в звуковом фильме». Я говорю: «Я не поеду. Я боюсь. Я не знаю, смогу ли говорить». Он сказал: «Со мной сможешь». В общем, как я ни отбивалась, он меня увёз в Киев.

Фильм назывался «Любовь». Какой сюжет? В колхоз приезжает вот такая барышня, вроде Вас. Литератор не литератор, ну, в общем, корреспондент, что-то в этом роде. Это была я. Потом начинается стра-а-а-шный роман с председателем колхоза. Там всякие перипетии и – любовь!

Это была прекрасная картина. Я помню фразу одной нашей актрисы. Она сказала: «Слушай, так не было давно насчёт любви». А я ей ответила: «Так не было никогда».

Раиса Есипова играла журналистку Ксению. Актёр театра Мейерхольда Василий Зайчиков – председателя колхоза по имени Гнат.

Спустя годы актрисе было уже нелегко восстановить все эпизоды фильма. Но память сохранила многие детали, связанные с киностудией, яркие приметы времени, портреты друзей и режиссёра-учителя.

– В Киеве был страшный голод. Жрать было нечего. Валялись трупы лошадей, неубрано. Ничего нету. А мы жили прекрасно! Мы собирались по вечерам и были все счастливы. Мы все очень дружили. Это была организация добрых душ.

У нас в съёмочной группе собрались люди, похожие по тону жизни. И по полному бескорыстию. Мы год не получали зарплату. Как мы жили – это даже непостижимо.

У нас всех было страстное желание учиться. Поэтому все были заинтересованы в общении с Александром Осиповичем. Он очень много знал, очень много понимал и был очень интеллигентен, очень воспитан.

Мы были объектом положительным в его работе над человеком вообще и над актёром в частности. Мы очень рвались к знанию, к пониманию. Думаю, что настоящее наше образование началось с картины Гавронского. И в этом есть большая доля правды. Он нас направил.

4 января 1934 года история фильма «Любовь» неожиданно заканчивается. Режиссёр Гавронский был арестован, осуждён и сослан в Медвежьегорск. На общем собрании сотрудники студии признали, что «проглядели врага народа». Фильм приказали уничтожить. С «Любовью» было покончено.

Критика эстетизма и формализма уже не нужна была в качестве прикрытия для расправы с теми, кому – как в трагической лотерее – выпало быть без вины виноватыми в своей стране, «попутчиками» или «врагами» своего народа. Принцип «разделяй и властвуй» оказался удобным инструментом для управления страной, где гипноз политических утопий уже рассеивался.

*...Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:*

*Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.*

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.*

В мае 1934 года послание декабристам в Сибирь было прочитано перед началом спектакля «Пушкинский вечер». Публика не скрывала слёз. Театр в Медвежьегорске был полон. В зале – ссыльные, на сцене – ссыльные. Перед занавесом – режиссёр спектакля Александр Гавронский. Читает Пушкина...

Он ещё не раз читал знакомые многим, наизусть затверженные строки из Пушкина, Чехова, Достоевского. Он читал их своим молодым друзьям и ученикам на разных лагерных пунктах. Потому что после ссылки в Медвежьегорске он опять будет арестован и двадцать три года проведёт в неволе.

Лишь в августе 1952 года власти разрешат Александру Гавронскому жить под надзором в посёлке Весёлый Кут Одесской области. Незадолго до смерти, в 1958 году, реабилитировав и выплатив – из фонда Киевской киностудии – пособие, «вершители судеб» позволят смертельно измученному человеку лечиться в кишинёвской больнице...

Несоразмерны история личности и внешняя биография Александра Осиповича Гавронского.

– Это был человек, который всегда был выше обстоятельств. У него была такая светлая голова – необыкновенно. Такая эрудиция, такое знание множества вещей и при этом необычайная скромность. Он так умел слушать, как никто. Просто удивительно: его всегда интересовал собеседник. Он вглядывался, вслушивался и умел находить в людях что-то такое, самое сокровенное. Самое талантливое, что есть в человеке, он «выуживал» одним своим присутствием, взглядом и тёплыми, дружескими словами. Он так умел разговаривать с людьми, что он как бы их окрылял.

Голос Флоры Евсеевны Винокуровой обрывается на полуслове.

Крутится старая кассета...

Надо подумать.

Надо подумать, как – в условиях варварской действительности – этот человек смог окрылять других.

«Любое движение, любой порыв Александр Осипович переводил на язык творчества, обращал их к человеку, как бы говоря: «Смотри, ты сам прекрасен», – вспоминает одна из его учениц «лагерного набора» Тамара Владиславовна Петкевич, написавшая книгу «Жизнь – сапожок непарный».

Учителем, другом, наставником стал этот сильный духом человек для впечатляюще многочисленного круга людей, для неформального сообщества деятелей культуры и искусства, в лагере и за его пределами.

С благодарностью и благоговением хранили память об Александре Гавронском писательница Хелла Фришер, художник Борис Старчиков, актриса Мира Линкевич, режиссёр и актриса Тамара Цулукидзе, литератор Хава Волович, театральный режиссёр Елена Клавсуть.

В 1948 году некоторые из учеников, окрылённых Гавронским, оказались на лагерном пункте Ракпас вместе с актрисой Тамарой Петкевич:

«В один из вечеров вохра не стала нас разгонять, и мы засиделись в до-*

*ВОХР(войска внутренней охраны Республики) – войска НКВД СССР, в задачу которых входила охрана мест лишения свободы.

щатом закутке Александра Осиповича до самого утра. Стояла белая июньская ночь. Он читал нам «Трёх сестёр». Читал так, как мог только он, – прибавив к Чехову себя самого и все **наши** страдания тоже. Потрясённые, мы слушали как будто впервые:

– Пройдёт время, и мы уйдём навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живёт теперь. О милые сёстры, жизнь наша ещё не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, ещё немного, и мы узнаем, зачем мы живём, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!»

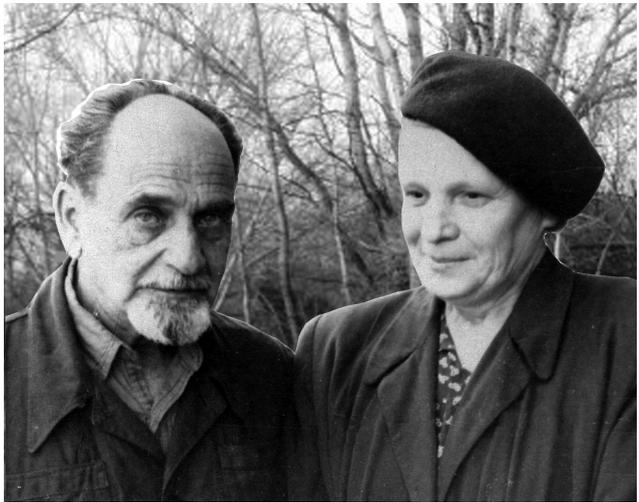
* * *

Если бы знать, успеем ли свернуть с дороги на полпути к стану варваров, где дом – без хозяина, село – без праведника, сад – без садовника...

АЛЕКСАНДР ГАВРОНСКИЙ

ШЕДЕВРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

В начале этой многолетней дружбы – деловое письмо с не совсем обычным обратным адресом. Опальный режиссёр Александр Осипович Гавронский (1888–1958) обращается с просьбой к известной детской писательнице и драматургу, автору популярных пьес для кукольного театра **Нине Владимировне Гернет** (1899–1982). Они живут в одной стране, но в разных мирах. Более десяти лет письма будут помогать каждому участнику этой удивительной переписки – выжить и выстоять. Некоторые послания сохранились полностью, другие – в копиях и фрагментах. Часть писем не датирована автором, и восстановление хронологии – ещё не до конца решённая задача.

А. О. Гавронский и Н. В. Гернет (1954 г.)

Но где бы ни склонялся над листком бумаги философ и светлый учитель, – в лагерных пунктах (до освобождения в августе 1952 г.), в посёлке Весёлый Кут или в Кишинёве (где завершился его земной путь), – Александр Осипович умел разглядеть в сиюминутности что-то важное, непреходящее. Выцветают чернила, стираются карандашные строчки, но энергия мысли и доброты писем А.О. Гавронского не иссякает. Не утратив гуманистической значимости, эти письма как

свидетельства и факты персональной истории превращаются в документы культуры, в материал для духовной работы новых адресатов, читателей нового времени.

* * *

Письмо Н. В. Гернет¹

24 марта 1945 г. Коми АССР, пос. Железнодорожный, КВО²

Дорогая Ниночка, получил от Ольги³ Ваш адрес и вот напоминаю о себе. Помню Вас и вспоминаю всегда очень нежно, хотя виделись мы в жизни промельком только три раза (Лузановка – Ленинград – Мед<вежья> гора)⁴. О Вас знаю, что можно, из Олюшкиных писем. Мало очень. Если доживу, увидимся. Не очень рассчитываю, но надеюсь.

Ниночка, у нас тут под моей «эгидой» организовался чудесный Кукольный театр. Во главе его Тамара Цулукидзе-Ахметели⁵ (да, да, та самая...). Музыкакой ведаёт Владимир Дасманов⁶ (тоже тот самый...). Учтывая, что и я не менее «самый», всё это вполне серьёзно, а для КОМИ-АССР даже феноменально. Теперь готовится третья по счёту программа, в неё и Ваш «Подарок» вошёл (для малышей)⁷, и «Соловей» Андерсена (не Нексе⁸). Всё очень культурно. И Тамара и Дасманов, совсем по-настоящему талантливые люди, ничего не потерявшие несмотря на...

К Вам великая просьба, которую Вы не сможете не исполнить, помогите! Очень трудно с материалами, и репертуар приходится на 77% писать самим. Это неплохо и гораздо лучше, чем, скажем, Архангельский кукольный театр, но не удовлетворяет, что вполне естественно. Вы – творчески в самой гуще этого дела, связаны и с Образцовым⁹ и с прочими. Посоветуйте, куда обратиться и как поступить.

Ниночка, это нужно сделать. Тут суть не в моей просьбе и не в коллегиальности, а гораздо серьёзнее: нужно помочь замечательно одарённым людям оставаться полноценными в период их заботности.

¹ Впервые публикуется полностью по автографу: ЦГАЛИ Санкт-Петербурга, Фонд 475, опись № 2, дело 173, л. 1.; л. 1/об.

² КВО – культурно-воспитательный отдел (на лагерном пункте).

³ О. П. Улицкая (1902–1978) – жена А. О. Гавронского, подруга Н. В. Гернет.

⁴ А. О. Гавронский вспоминает о встречах в одесской Лузановке (1929 г. во время работы на Черноморской кинофабрике), в Ленинграде (1930 г., во время работы на студии «Белгоскино») и Медвежьегорске, где автор письма отбывал ссылку (1934–1937 гг.).

⁵ Т. Г. Цулукидзе (1903–1990) – до ареста в январе 1937 г. была актрисой Тбилисского театра имени Шота Руставели. Жена театрального режиссёра Александра Васильевича (Сандро) Ахметели (1886–1937), репрессированного в ноябре 1936 г.

⁶ В. А. Дасманов (род. 1896) – композитор, музыковед. До ареста был сотрудником Всесоюзного радиокомитета и преподавателем музыкального техникума имени Октябрьской революции в Москве (1933–1940).

⁷ «Подарок» – пьеса-сказка Н. В. Гернет.

⁸ Шуточная отсылка к имени датского писателя Мартина Андерсена-Нексе (1869–1954).

⁹ Н. В. Гернет в качестве драматурга активно сотрудничала с Государственным центральным театром кукол под руководством С. В. Образцова (1901–1992).

Письмецо это Вам передаст Роман Петрович Романов¹⁰, с которым прошу побеседовать. Он любезно согласился представлять Кукольный театр.

*Заранее за всё признательный.
Целую Вас,
А. Гавронский
24/III 45
Коми-АССР
пос. Железнодорожный. К.В.О., мне*

* * *

О дружбе и творчестве

Настоящая дружба – это одно из величайших и гениальнейших событий в жизни человека, достойного быть её носителем. Как бы ни менялся характер человека, как бы конкретно не изменился он сам от деятельного участия в окружающем, – сущность его неизменна и только крепится, и только очищается. А ведь дружба – это и есть то, что идёт от сущностей двух, то, что рождается и цветёт, как их единство. Немногим в жизни удаётся познать это великое чувство и дело. Хотя бы потому, что очень уж немного их – этих «немногих».

* * *

Больше всего меня угнетает отсутствие общения с теми немногими, которые необходимы, и, наперекор судьбе и времени, становятся всё необходимее. Ведь тут же самое ценное – тот непосредственный контакт, который у некоторых во всём и всегда, даже через быт несёт в себе творчески значимое. И потери здесь непоправимые и невозместимые – это те неродившиеся мысли и ощущения, которые должны были родиться. И от сознания всего этого – всегда грустно, а порой до нестерпимости.

* * *

Дружеское прикосновение – самое драгоценное в нашей жизни. Вот это нужнее всего.

* * *

Когда так бесконечно долго, из месяца в месяц, из года в год не имеешь никакого повода к улыбке, не знаешь никакой радости, в том числе самой большой – общения с другом твоего уровня, – то очень устаёшь. Творческие радости есть, конечно, ведь живу же я, а не существую, но это столько же радость, сколько мука, раз идёт вовнутрь и только там расползается. А душевно только и живёшь редкими письмами, когда вдруг так чётко услышишь биение сердца друга.

¹⁰ Большая часть лагерной переписки осуществлялась «с оказией». Передавать письма брались те, у кого заканчивался срок наказания, или те, кто, по профессиональным обязанностям, имел возможность передвигаться в зоне и за её пределами. Это письмо было доставлено адресату во время поездки Р. П. Романова в Ленинград.

* * *

Я больше всего ценю творческое общение в повседневности; а этого я как раз лишён с самыми мне близкими и необходимыми.

* * *

Если человек талантлив, то он весь талантлив. Или это не талантливость, а так, в лучшем случае, одарённость, специфический участок в психологическом складе. Мало ли таких и музыкантов, и шахматистов, и даже поэтов. А у талантливого существа даже частная неспособность носит особенный характер и изнутри оправдана. Это и у гениев встречается. Разве не огорчительно, что, скажем, Кант до бездарности не понимал музыки, а Ньютон был просто туп к философии.

(19 апреля 1953 г. Одесская обл., пос. Весёлый Кут)

* * *

Несчастье твоё (если это несчастье) в том, что ты художник-человек больше, чем художник-творец. Такое всегда очень трудно, и читатель может пострадать, но по «моей теории», только подобные редкие люди умеют до конца ощутить единство «Я» своего и своего творческого дела. Моментами даже не только почувствовать и понять, что тут уж вовсе мистика. Так хочется с тобой побеседовать обо всём этом. Это будет 1001-ая из намеченных тем.

(18 января 1954 г. Одесская обл., пос. Весёлый Кут)

* * *

...«смысл жизни» не вне нас, не устремленность к некоей цели, а мы сами, потребности нашего творческого и творящего «Я». <...> счастье – не самое главное, а только почти что самое главное, и глубокое не в нём, а в том, что больше, труднее, значительнее: в моральном и творческом долге пред собой и близкими тебе. Ниночка, это не философия, это я понял, выстрадал.

О занятиях философией

У каждого самого большого мыслителя, «создателя системы», есть обязательно слабинка, произвольный «непреложный» принцип, на котором, по существу, всё здание зиждется. Прими его («волю» у Шопенгауэра, «абсолютный дух» у Гегеля, «бессознательное» у Гартмана) и ты вступишь в великолепное здание, не прими – и здание останется великолепным, но будет всё время под угрозой обвала.

* * *

Как можно оторвать у того же Канта его эстетику от его философии? Хорош был бы преподаватель, который стал бы обучать тригонометрии человека, не имеющего представления об элементарной геометрии! «Критика способности суждения» – это третья часть. Перед ней идет «Критика чистого разума» (теория познания) и «Критика практического разума» – мораль (в самом широком смысле). Всё это неразрывно связано единством мировоззренческим и гениальностью. Его третья «Критика» является завершающим камнем. Это огромная ра-

бота, больше трёхсот страниц компактного шрифта, и, пожалуй, самое трудное из всего им написанного, и даже он в ней путается и путает, но именно потому, что сверхгениален и честен.

* * *

Я работаю бездну, всячески используя то обстоятельство, что ещё не сдал. Последнее я, конечно, не увижу от судьбы. Работаю над концом второго тома моей основной итоговой работы, а в папках, увы, накопилась масса листков для третьего.

Работаю над новой математикой и над полной переработкой ещё в 37 году «законченной» «Эстетики». Даже времени не хватает к смерти готовиться.

И люди кой-какие, и весьма достойные, имеются. Об искусстве и жизни есть с кем иногда побеседовать. С наукой и философией хуже – тут берлога одиночества.

* * *

От одиночества и замкнутости мысли приходят в голову не шаблонно-наоборотные, а нужные и обобщающие, порой весёлые, но больше гневные <...>.

* * *

О себе и о своём я мог бы рассказать бесконечно много, и мне хочется этого, но, увы, всё это вне эпистолярных возможностей и рамок. Работаю я запойно, и то, что я парадоксально имею эту возможность, – единственное благо в моей ситуации. Делаю что-то стоящее в философии и науке, чего не могу сказать о своих занятиях театральным искусством. Разве что памятуя Гётевское «в умении себя-ограничения узнаётся мастерство»¹. Неутешительно, если это умение не от внутреннего, а от внешнего.

(23 февраля 1948 г. Лагерный пункт Ракнас)

* * *

Теперь буду хвастаться. Я взял себя в руки и залатал мой травмированный позвоночник, честное слово. Делаю, и удачно, перед самим собой вид, будто совсем неважно, что у меня нагло слязмили четыре с половиной года моей работы², – и приступил к писанию донельзя сконцентрированного, обобщающего и итогового «философского завещания». Эдак листов двадцать (печ<атных>). Работать мне снова есть где, и я работаю днём и ночью, даже во сне, которым принципиально не злоупотребляю.

(9 сентября 1948 г. Лагерный пункт Ракнас)

* * *

Я вот что вспомнил. Ты в числе классиков эстетики назвала и Прудона. Что ж это за новый эстетик? Был один крупнейший анархист, писал он на социально-экономические и близлежащие темы и ещё написал «Философию нищеты», за ко-

¹ Литературный перевод: «В умении себя ограничивать проявляется мастерство».

² В лагере периодически проводились обыски с конфискацией личных вещей, писем, рукописей.

торуую получил гениальную «Нищету философии» от Маркса. Так он, насколько мне известно, об искусстве не писал. Может, у тебя опечатка, может, это Платон? Разъясни ты мне.

(5 октября 1953 г. Одесская обл., пос. Весёлый Кут)

* * *

Достань и почитай «Смех» Бергсона³ (читается как роман). Там есть совсем настоящие вещи. Только не проникайся и, главное, не цитируй. Если можешь, достань «Философию искусства» Христиансена⁴. Если не одолеешь, пришли мне, я разжую и по местам расставлю. Она сложнее, чем покажется. Почему никогда не было ни одного эстетика, который бы умел делать искусство, и ни одного художника, который бы создал теорию искусства? Шиллера я не считаю, но и он только творчески излагал мысли Канта.

(5 октября 1953 г. Одесская обл., пос. Весёлый Кут)

Об учениках

Об актрисе Тамаре Петкевич

Я так люблю её, такие её письма. Растёт она с каждым днём и, главное, сама наконец поверила в себя. А я умник: 7 лет тому назад как-то сразу понял её, суть её почувствовал, поверил абсолютно и – это моя гордость – сумел помочь ей, несмотря на годы страшной жизни, поверить в себя. Теперь я за неё спокоен во всех отношениях и счастлив её творческим счастьем. И успехом тоже счастлив.

(3 ноября 1952 г. Одесская обл., пос. Весёлый Кут)

* * *

Ей плохо, трудно, холодно, но она замечательно работает и мчится на всех парах. Ведь на редкость она талантливая. Получаю от неё удивительные письма, безгранично она меня радует, и горжусь я очень ею. Это совершенно серьёзно и по существу, и сейчас больше, чем когда-либо.

(14 января 1953 г. Одесская обл., пос. Весёлый Кут)

* * *

Тамарочка растёт с каждым днём. Если так будет, то и не утонишься за ней. Дай-то бог. Пишет мне восхитительные письма, от которых, кроме того, что наслаждаюсь, ещё и нос задираю. А что не по заслугам она так обо мне, так разве это важно, раз ей так нужно.

(25 мая 1953 г. Одесская обл., пос. Весёлый Кут)

³ Эстетическое исследование французского философа Анри Бергсона (1859 – 1941). А. О. Гавронский мог его впервые прочесть либо в издании 1900 г. (под названием «Смех в жизни и на сцене»), либо в издании 1914 г. (в пятом томе собрания сочинений Бергсона).

⁴ А. О. Гавронский может иметь в виду первое русское издание книги Б. Христиансена «Философия искусства» (СПб, 1911 г.).

О художнике Борисе Старчикове

Я писал тебе о Борисе Старчикове, о том, какой это на редкость талантливый юноша 26 лет, художник (первоклассный), поэт и актёр, причём, без дилетантизма, а наоборот. Очень прошу тебя прочесть то, что им написано (из очень большого произведения, жанр и направление которого совершенно ясны). Прочти сама и, если найдёшь нужным и стоящим, дай прочесть кому-нибудь из твоего окружения. Потом, если впечатление будет положительным, подумаем о дальнейшем. Тут же вопрос о судьбе достойного и талантливого юноши, которого нельзя не любить.

(1947 г. Лагерный пункт Ракнас)

Об актрисе и режиссёре Тамаре Цулукидзе

Тамарочка прислала мне радостное письмо из Тифлиса, полное реальных надежд. <...> Если бы Вы знали, как я за неё рад. Очень я полюбил это талантливое, своеобразное существо. В ближайшее время она вернётся в столицу Коми, Сыктывкар, где приступит к созданию кукольного театра.

(12 января 1947 г. Лагерный пункт Ракнас)

* * *

Тамара вернулась обратно в Сыктывкар, столицу Коми АССР, где создает на голом месте свой театрик.

Очень я горжусь, что смог помочь этому настоящему художнику.

(25 января 1947 г. Лагерный пункт Ракнас)

О чешской писательнице Хелле Фришер

По своим человеческим и творческим качествам она нечто совсем незаурядное, небывалое. По совести, более чистого я себе ничего не представляю. А как она пишет! Пробовал я переводить, но получается ерунда. Музыкальности и ритма не передать, для этого конгениальность нужна, а она отсутствует. Она так же непереводаима, как её соотечественник Иржа Волькер¹.

(14 января 1953 г. Одесская обл., пос. Весёлый Кут)

От безнадёжности к надежде

Вы понимаете, конечно, но без ошущенческой конкретности, как важно поддерживать тех немногих настоящих людей и художников, которые находятся в, скажем, трудном положении, и всякая поддержка из иного мира для них имеет ещё огромное моральное значение.

(28 сентября 1945 г. Лагерный пункт Княж-Погост)

* * *

Ваши драгоценные строчки из последнего письма я прочту ей [Тамаре Цулукидзе] и Дасманову Владимиру Андреевичу.

Вот вы себе действительно не представляете, как подобное дружеское прикосновение волнует и бодрит. Они, действительно, умудряются в распятом состоянии делать настоящее искусство и демонстрируют, как цветёт душа при сломанном позвоночнике.

(23 октября 1945 г. Лагерный пункт Княж-Погост)

* * *

Всё вокруг сосредоточено только на ожидании горя, и самому выпадают на долю только муки за других и за себя. <...>

Когда живёшь в ожидании рокового и последнего удара судьбы и видишь ежечасно, как близкие тебе или ставшие близкими от мучений падают от нанесенных им ударов, так трудно выровнять дыхание. <...>

Господи боже мой, даже я, несмотря на вполне специфический многолетний навязанный мне опыт, не видел столько корч от безнадежности и сам так не испытывал их. Перспектив со знаком плюс нет и быть не может, а все остальные конкретно и неумолимо давят и бьют, они вылезают и будут вылезать на каждом шагу всё больше.

(13 июля 1948 г. Лагерный пункт Ракпас)

* * *

Вокруг меня есть чудесные люди, несколько даже. Либо я умею их находить, либо просто везение плюс некая мне присущая притягательная сила. Но такие люди есть, и всем им я необходим совсем по-настоящему, совсем по-большому. В этом для меня и радость и моральное самоутверждение не меньше, а ощущенчески даже больше, нежели в моей философии и науке (искусством я занимаюсь не по своей вине ... убудочно), где превалирует amor intellectualis.

И вот, – ты, именно ты это особенно должна понять, – бывает так, что в процессе совсем настоящей, сокровенной, надпедагогической беседы, когда и сам как-то свободно дышишь и чувствуешь такое драгоценное цветение другого человека, вдруг неумолимо, ясно, до мучительной боли, сознаёшь, что, может, истинное-то благо ты принес бы не этим, не приобщением к «творческому откровению», а тем, что подсунул бы достаточную дозу цианистого калия. Ниночка, что может быть страшнее, чем сознание обречённости на гибель, вненормальную, ускоренную гибель даже относительно близких тебе? Тут есть несколько девушек и двое юношей (в среднем 20–28 лет), которых я буквально спас, для которых человечески и творчески сделал больше гораздо, чем смог бы сделать по ту сторону. Зачем? Почувствуй, какой это ужас: помогать вхождению в большую жизнь и знать, что конкретно её не будет, что – обречённость. В связи с моим отъездом или исчезновением, я встречаю испуганные страдальческие взгляды. Тут 2–3 существа ярко талантливых, а все остальные, меня касающиеся, чудесные, чистые. И все, в разной степени, но неминуемо, обречены физически и психиче-

¹Иржи Волкер (1899–1923) – чешский поэт и писатель, коммунист, основоположник пролетарской поэзии.

ски, и, несмотря на духовную и творческую сущность, а именно благодаря ей. И значит, по-человечески я преступен, что помогал. Нинка, Ниночка, дорогая, как всё это страшно и больно.

(17 июня 1949 г. Лагерный пункт Ракпас)

* * *

Сегодня мы можем прочесть фрагменты писем А. О. Гавронского только благодаря тому, что Н. В. Гернет и её сын, Э. М. Рауш-Гернет, бережно хранили оригиналы в семейном архиве. Вместе с отрывками писем, процитированных в книге Т. В. Петкевич «Жизнь – сапожок непарный», настоящая публикация помогает возвращению в наше культурное пространство наследия А. О. Гавронского (к сожалению, в большей части, безвозвратно утраченного).

Низкий поклон тем, кто, вопреки обстоятельствам, сохранили для нас, читателей XXI века, бесценные автографы мыслителя, режиссёра, учителя А. О. Гавронского.

Подготовка текстов и комментарии *Ольги ТИХОВСКОЙ*

ПОЭТЫ ЯРОСЛАВЛЯ

За межой

Сегодня в рубрике «За межой» поэты из древнего русского города – Ярославля. Поэты, естественно, очень разные – как по авторской манере, так и по степени дарования, но настоящие, со своим голосом, своей неизбывной нотой.

*А подготовил и прислал стихотворные подборки и сопроводительные заметки к ним замечательный ярославский поэт **Олег Горшков**, за что ему огромное спасибо.*

Поскольку Олег писать сам о себе рецензии не научен, возьму на себя смелость написать несколько слов о его глубокой самобытной поэзии, которую я открыл для себя несколько лет назад...

*«Жизнь – это все же алхимия, магия, дудка
змея заклинателя, что еле слышно поёт...»*

Алхимия... магия... музыка... мучительная и сладостная неизреченность – именно то, что отличает настоящую поэзию от мыслей в рифму, как бы они ни были глубоки. И это в полной мере применимо к поэзии Олега Горшкова, в которой времена, пространства, звуки и голоса чудесным образом смешиваются и перекликаются, и «ребятня гоняет воробьев по площадям, дворам, тысячелетьям...», и неожиданно появляется в дверях тот, кого мы в процессе творчества так или иначе предчувствуем:

*«И кто-то почувствовал – это в дверях бог.
Он выдохнул небо – ах, как запахло зимой
и крымским крепленным! Он хочет застать врасплох
женщину и младенца – себя, себя самого»*

И пока на поэтической кухне в старом закоптелом котле бурлит и пузырится алхимическое вещество жизни, продолжается шествие –

*«Тихое шествие... к вести, которой не ждешь,
к вести, что вдруг ощущаешь на мякоти пальцев...»*

Ведущий рубрики **Сергей Пагын**

«ТИХОЕ ШЕСТВИЕ... К ВЕСТИ, КОТОРОЙ НЕ ЖДЕШЬ...»

ОЛЕГ ГОРШКОВ

ШЕСТВИЕ

Долгое тихое шествие невесть куда...
 как сумасшествие... дудочка всхлипнет в футляре –
 больно на слух, да и слышишь, как будто в угаре...
 отзвуки молкнут... и, кажется, что навсегда...
 Ветер натаскан на стекла, в ослепшем окне
 лампочка тусклая... будто бы жизнь выгорает,
 теплится чуть на пороге кромешного рая...
 что-то подобное, помнится, тлело во мне...
 Тихое шествие... к вести, которой не ждешь,
 к вести, что вдруг ощущаешь на мякоти пальцев –
 в пальцах задумчивых листья ольхи разомнешь
 и обомлеешь, захочешь побыть постояльцем
 в этой весне, чьи усталые звуки глухи,
 в этом дворе, где чуть булькает жизнь в черных лужах...
 Жизнь – это химия... в легких продрогшей ольхи
 чахнет скворец, наглотавшийся нефти и стужи...
 Он, как и дудка, способен на всхлип да на вскрик –
 хриплый, простуженный, непоправимо прощальный...
 Трудно дышать – так на музыку мы обнищали.
 Вся и надежда на темный, невнятный язык
 вести неожиданной, всё длящей планиду вперед,
 всё не дарующей трезвости строгой рассудку.
 Жизнь – это все же алхимия, магия, дудка
 змей заклинателя, что еле слышно поёт...

* * *

Твой родной язык – немота, молчанье,
 то, чем дышишь и бредишь до слов, до речи,
 ускользя в укромный его, начальный,
 несказуемый свет, далеко-далече.
 Палестины твои – вековые зимы,
 сколько в них ни блуждай, а в глазах – всё то же,
 всё – пустыня. Лишь снег сыплет в помощь, с ним и
 убывать, таять в сумерках белых, божьих
 много легче тебе, шаг за шагом легче.
 Большею частью твой возраст теперь – усталость,
 но мерещится свет далеко-далече,
 до него дотянуться рукой осталось.
 Твои мысли – заброшенный лес, чащоба.

Что за звери в холодных дремучих норах
ворошат тишину, и зачем, с чего бы
вдруг такая тоска в их звериных взорах?
Весь твой скорб: одиночество, флейта Пана
и дурацкий колпак – шутовские латы.
Вот и потчуеть чудище балагана,
смех швыряя в утробу его, в разъятый
зёв галдящей толпы, а в глазах – всё то же,
всё – пустыня, и свет – далеко-далече.
Человечек в сумерках тает божьих,
тают белые сумерки в человекке.

АЛХИМИК-ЙОРК

Алхимик-Йорк, помешивая тьму
сгустившихся окрест тысячелетий,
в их толщу манит. Что за шут ему
теперь судья, какие нынче сплетни
о нём взхлёб горланит вороньё? –
не разберёшь. Но небо над собором
как будто пошатнулось. Всё – враньё,
усмешки Дагонета, по которым
воображенье чертит времена,
блуждая в наплывающем далёко.
Всё глуше, глуше гул веретена,
прядущего тщеты кромешной кокон.
Щебечет город – птица и манок.
И, кажется, у века на задворках
всё длится красно-белое кино
про чокнутых ланкастеров и йорков,
про их солдат, церковников, ткачей
и прочих малых, что за пинтой эля
бранят и славят каменный ковчег,
несомый в бездну. Без году неделя
от сотворенья мира – тот же свет,
что был в начале, те же в Узе воды
бубнят своё склонившейся листве,
на нитке площадного кукловода
всё тот же красный чертик, лицедей,
усердствует – где тонко, там и рвётся.
И, строя рожи, лезут из людей
наружу обезьяны сумасбродства.
Мир будто замирает. До краёв
котёл времен мгновеньем полон этим.
И ребятня гоняет воробьев
по площадям, дворам, тысячелетьям...

ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ

Заснеженный пейзаж глубок и чист –
 зима дисциплинирует природу.
 Ни звука. С колченогой каланчи,
 преодолевая утреннюю одурь,
 продрогший ворон, словно в тьму времён,
 куда-то в небо целит цепким оком –
 лаокоон, застывший над потоком
 событий, что во тьме почуял он?

И город, в струнку вытянувшись весь,
 стоит – сосредоточенный и строгий,
 как будто ждёт решительную весть.
 Он помнит всё – мясистый запах оргий,
 вкус ветреной свободы, зычный зов
 слепого естества, имперский почерк
 страстей, чудачеств, помыслов и прочих
 своих безумств. Но чашами весов
 играет необузданный борей,
 и зябнут покачнувшиеся сферы
 в пугающе пустынном декабре
 оглохшего столетья стылой эры.

И помнит город всё, что кралось вслед
 неистово пирующей гордыне –
 цветение удушливой полыни
 и ужас пустоты, объявшей свет,
 проникшей в камни цирков и церквей,
 содравшей лак с их лика щегольского,
 поправшей то, чем родствен иудей
 был эллину – связующее слово.

Плывут воспоминанья, их не счесть,
 но окликает колокол, зашедшись,
 юродивых своих и сумасшедших,
 и сумерки тесней, и ближе весть...

VREMESHKO.NET

Затрапезная осень, промозглая тмутаракань –
 лишь роптанье ветров да простуженный лай кабысдохов
 тормозят тишину, и выходишь куда-то за грань
 оголтелой эпохи. А, впрочем, причем тут эпоха
 гуттаперчевых цезарей, спешно доящих свой рим,
 и румяных мессий, расторопно торгующих словом?

Время – юркий сурок, что грызет и грызет изнутри
 листья жизни твоей, убывающей так бестолково.
 Время – нечто в тебе, а не что-то и где-то ещё,
 одурачишь сурка, и мгновенье всё длится и длится.
 Даже сумрачный хронос, дотошно ведущий свой счёт,
 не исчислит его... И летит уже белой латиницей
 нескончаемый снег, летописец и вестник зимы,
 заполняя собой пустоту между горним и дольным,
 между словом и словом. Из толщи небесной, из тьмы
 снег свободно летит, и, едва прикоснувшись к ладоням,
 истлевает за миг, и ты чуешь, безбожник, по ком
 сельский колокол бьет, расщепляя в тоске безрассудной
 это vremekhko.net и его pokolenie.com
 на отдельные судьбы.

* * *

Надломившись, хрустнет ветка в загустевшей тишине,
 и взметнется занавеска в чьем-то пристальном окне,
 и замрешь во всей крамоле на миру и на ветру,
 пыль – столпом краеугольным, время – пылью, подобру –
 поздорову заводного не унять теперь сверчка,
 что за ключик, что за слово так заводит дурачка?
 Пыль глотая, он стрекочет граду, миру, муравью
 всё беспамятней, всё громче жизнь мелькнувшую свою,
 и каким-то чудом длится, длится эта стрекотня
 тридесатую седмицу нескончаемого дня.
 Что ни звук – пыльца и споры. Ну же, ври и ворожи,
 видишь, как травинкой сорной прорастает снова жизнь,
 как из ветки по надлому выступает млечный сок –
 словом вспыхнувшим ведомый, ворожи и ври, сверчок,
 выговаривай по слогу, проговаривай тщету,
 что б там ни было, у бога каждый голос на счету –
 бормотанье, посвист, лепет... Растворившись в стрекотне,
 гаснет день, но всё теплеет свет в распахнутом окне,
 всё цветет окрест цикута – горький вкус пыльцы во рту,
 и легко стоять как будто на миру и на ветру...

ОЛЕГ ГОРШКОВ родился в Ярославле в 1964 году, где поныне и проживает. В 1986 году окончил юридический факультет Ярославского Государственного университета, в котором после окончания учебы несколько лет занимался наукой и преподавательской деятельностью. С 1992 года занимается исключительно адвокатской практикой. Автор трех книг стихотворений. Публиковался в журналах «Новый берег», «Сетевая поэзия», «Родомысл», Радуга», «Таллинн», «Русский путь», коллективных сборниках, альманахах и антологиях, выходящих в России, Украине, США. Финалист поэтического конкурса «Заблудившийся Трамвай» им. Гумилева 2004 и 2007 года, лауреат поэтического фестиваля, проводившегося в рамках 67-го Всемирного конгресса международного ПЕН-клуба (2000г.), ряда других всероссийских и международных конкурсов.

ЕВГЕНИЙ КОНОВАЛОВ

Евгений Коновалов обладает редким по нынешним временам и совершенно отдельным поэтическим голосом. Словесность, литература, поэзия неизбежно впитывают в себя дух времени – всё более беглого, циничного, эпатажного, ставящего потребительский формат превыше сущности и содержания. Сохранить в этом мейн-стриме верность собственной человеческой глубине, наверное, очень непросто. Но, оказывается, возможно. Более того, оказывается, что иногда иного выбора, в сущности, нет, потому как:

*...Мелочь, мелочь – и мелочи этой
доверяться играя. Не то –
сумасбродная вера поэтов
обернётся святой глухотой.*

Вот и доверяется поэт этим необъятным «мелочам», непостижимым подробностям бытия и, простите за тавтологию по Михаилу Бахтину, частностям внутреннего сопереживания жизни. Оттого и каждое стихотворение автора – это своего рода улика случившегося духовного происшествия, значимый экзистенциальный опыт.

Читатель, погруженный в реалии современного литературного процесса, в его бурлящую громогласную пену, может легко лишиться и точки опоры, и ценностной системы координат. Но какими бы ни были гримасы текущей литературной конъюнктуры, культивирующей разного рода рифмованные упражнения в бессмысленном нагромождении диковинных звуков, салютующей всяческой пошлости, зачастую приправленной ненормативной лексикой, есть и другая поэзия. И есть поэты, которые всё ещё ощущают слово, как путь, как мировосприятие, как взыскание. Евгений Коновалов как раз из таких редких и удивительно даровитых поэтов.

* * *

Тамбур накрест исчёркан шагами
там, где ночь провожает состав,
где конвойные вышки как самый
точный символ свободы. И прав
работяга из-под Уренгоя,
на дорожку залитый в умат,
и та девочка, что за героем
сериала спешит в Волгоград, –
тоже в праве своём. И старуха
в крепдешиновом чёрном платке
всё частит в незнакомое ухо
об Алёшке, замёрзшем в тайге...
И мотается улей по карте
горемычных маршрутов, где нет
лишь тебя, обитатель плацкарта,
соглядатай, заика, поэт.
И не в том ли усмешка искусства,
чтобы в сотах людской правоты
выбрать тысячелищный, изустный
воск – на прочее годен и ты...

* * *

*Vexilla regis prodeunt inferni
verso di noi...*

Dante

Дымный отблеск ада. На местах
рвы и трупы. Кровь течёт с экрана –
красноглазый недоросль в очках
мышкой добивает великана
с общечеловеческим лицом.
И апофеозом реализма –
не облезлый ясень за окном,
а цветенье виртуальной жизни
в оцифрованном грядущем, где
ветеран с базукой и кастетом
всё шинкует монстров и людей.
А в соседней комнате у деда
тишина такая, что хоть вой,
но не различим за канонадой
из колонок шёпот смерти – той
настоящей, вкрадчивой, заклётой.

* * *

С. Е.

Больше светлой печали! Ещё
одиночества под небесами
с остановленным временем – в счёт
неслучившегося между нами.

Перечёркнутых судеб листы
ускользают меж пальцев,
шелестят: «Только ты, только ты
не летишь, а застыл постояльцем».

Холст предзимья, как выцветший тюль,
загрунтованный воздухом – серым
на просвет. Смуглолицый июль
если был здесь, то напрочь утерян.

Не ученье ли смерти кругом?
Не намёк ли заботливой силы,
заходящей в прижизненный дом, –
для репризы могильной?

Вот и аудитория лип
с тополями притихла, готовясь
различать в выражении лиц
той же силой внушённую повесть.

Что ещё в ней дано угадать
звуку, полному жизни,
а затем – уходящему вспять
за поля глуховатой отчизны?

Как уметь претворить и её
голоса? Что в конце, что в начале –
одиноким бесстрашием. Ну а ещё
лучше – светлой печалью...

* * *

Вдохновение дышит построчно,
льнёт ребёнком к щеке, любя
дурака. А потом, между прочим,
навсегда оставляет тебя.

Что же делать с нелепой напастью,
как выдерживать чудо – когда
незаслуженным росчерком счастья
исчезает оно навсегда?

Жизнь идёт, убивает и манит
образцовым потоком своих
реактивов – и траченный магний
не зажжётся от спичек сырых.

Мелочь, мелочь – и мелочи этой
доверяться играя. Не то –
сумасбродная вера поэтов
обернётся святой глухотой.

Остальное – не здесь и не наше,
всё гипноз или самообман,
всё – коленца малиновки в чаше,
всё – над Волгой вечерний туман...

DEUS CONSERVAT OMNIA

И два дыхания навзрыд,
самозабвение и стыд,
и всё безумство ночи,
размашистый изгиб бровей –
ивняк над зеленью, а в ней
зрачков два омота, испытанных воочью.

И в щелбне одичавший сад,
где вишни с солнцем говорят,
укутанные утром
по горло в майскую фату,
и воробьи галдят в цвету
и чуть не молятся на пыльцевую сутру.

И тут же испитой вокзал,
где вещи, судьбы и металл
в одно слились – от детства
до дна, инсульта ли, свинца
на свет из каждого лица
глядит трагедия, не может наглядеться.

Не сохранил, не покарал,
не слышен газовый хорал
Освенцима. Оставил
бог этот мир – или живьём
в нём растворился?! В окоём
впитался намертво, в сеть домыслов и правил?!

Ни всемогущества, ни зла
с добром. Как благодать, сошла
одна свобода воли
на горе, шалость или смерть,
ещё на то, чтобы успеть
октавы губ твоих целующих освоить.

Всей жизни непрерывный миг –
один мистичен. Как возник
в сцеплении молекул,
так спрашивай: зачем она
отдельна, совестна, страшна
в невыразимости другому человеку?

Не связано ли, вообще,
всё с безъязыкостью вещей,
вокзала, сада, ночи,
не бог ли, растворённый здесь,
сказаться хочет – вот и весть
даёт, и слушает, и ставит многоточье...

ЕВГЕНИЙ КИОНАЛОВ родился 27 марта 1981 года в Ярославле. Магистр прикладной математики и информатики. Старший преподаватель кафедры компьютерных сетей Ярославского государственного университета. Кандидат физико-математических наук. Автор двух книг стихотворений. Поэтические публикации в зарубежной, столичной и региональной периодике, московских и ярославских литературных антологиях. Лауреат и дипломант поэтических фестивалей, участник нескольких форумов молодых писателей России. Стипендиат Федерального агентства по культуре и кинематографии.

НАТАЛЬЯ МАЛИНИНА

Наталья Малинина бесповоротный или, точнее сказать, непоправимый лирик. Каждое произведение этого автора – документ, запечатлевший подлинную историю чувств. А подлинные чувства, как известно, глубоки, противоречивы, сложны. Как, собственно, и сама жизнь. Лирика Натальи Малининой удивляет, радует, волнует, беспокоит неизменным и властным ощущением аутентичности текста и предпосланной ему жизненной фабулы во всей её сложности и противоречивости.

*...Тихий голос моей любви – слишком тих, чтоб он был услышан;
На ладони твои легли лепестки облетевших вишен;
Белой замаятью – те слова, что цвели, да на землю пали!
...Ненаписанная глава молчаливой моей печали...*

Это не следование исповедальному жанру, это именно исповедь, в которой запечатлено настоящее и неизбывное – сомнения поэта, его смятение, упование. Словом, судьба. Что само по себе замечательно, потому что поэт без судьбы не бывает.

ЗАПОМНИТЕ МЕНЯ (К ПОРТРЕТУ)

Запомните меня, прошу – такой:
наивно-пухлогубой, подвенечной –
и щёк ещё не выпитую млечность,
и глаз нерасплескавшийся покой.
Запомните меня, прошу – травой,
а не тропинкой, заплутавшей в чаще;
запомните – и вспоминайте чаще
тот голос мой, цикадами звенящий,
а не обиды дерзкой тетивой.
Запомните, что я была – река.
Её вода, не ведая плотины,
не задыхалась от осклизлой тины,
в зелёной рясе мёртвого пруда.

...Запомните кленовою листвою,
венком на волосах – вульгарно-рыжим!
«Запомните меня!» – прошу бесстыже
и никну виноватой головой.
Запомните мой сентябрёвый цвет,
и эту, вам даримую, улыбку,
и этот миг – нечаянный и зыбкий,
который опрокинут на портрет.
...Запомните меня, прошу, такой!
Ведь я такой себя уже не помню:
венец кленовый рдеет вероломно
на голове натурщицы другой...

ИЗ ДРУГОЙ ГЛАВЫ

Тихий голос моей любви – слишком тих, чтоб он был услышан;
На ладони твои легли лепестки облетевших вишен;
Белой замаятью – те слова, что цвели, да на землю пали!
...Ненаписанная глава молчаливой моей печали:
Залит солнцем июньский сад – узловатых стволов узоры,
Где бликующий долгий взгляд и застольные разговоры
Меж деревьями – о стихах, о растущих цветах и детях,
Где моё счастливое «а-ах!» и твоё «больше-всех-на-свете»;
Впереглядку – душистый чай, вперемешку – поток признаний
С поцелуями невзначай на смешливом хромом диване;
Где сбывается тайный сон – задохнуться в тугих объятьях,

Где прерывистый тихий стон объявляет «нон грата» платью;
 ...Мелких пуговок стройный ряд устоит под твоим напором,
 Но трофеем в сраженьи скором упадёт мой дневной наряд;
 ...Где в упругом согласье тел приоткроется суть сиаинства,
 Где шмелёвому постоянству – лип дурманящий беспредел;
 ...Где залиvistый смех воды в час полива над садом грянет;
 Где ещё не боюсь беды, что не в этой главе настанет...

СТАФФАЖ

...А на холсты опадает время – «опять зима»,
 Чувство утраты и целый сугроб тоски.
 – Это ведь не картина, Творче, я понимаю сама...
 – Это эскиз, конечно, это пока эскиз.
 – Творче, беда стучится в рамы живых картин!
 Что за стаффаж на белом – сепия... чёрен вой?
 – Это загнали волчицу. Волк остался один.
 – Что ему делать, Творче, с этой твоей зимой?
 – Это этюд с натуры, плачь ты или не плачь:
 Это позирует буро-белым зима утрат...
 – Переиначь картину, Творче, переиначь:
 Переиначь и время верни назад!
 Перемешай все оттенки цвета – «опять люблю»:
 ...Волк с молодой волчицей в море июльских трав;
 ...Запах совместной ночи от полотняных блуз;
 ...Губы, от поцелуев треснувшие с утра.

ДОВЕРЧИВЫЙ ТИТАНИК

Густой, тяжёлый, волглый падал снег.
 В него, как в марево, ныряешь из-под арок.
 Себя он вносит в осень, как подарок;
 Но, не заплавав, не разлепишь век.
 И мой тысячелетний Ярославль
 Лишается знакомых очертаний:
 И храм не отличить от прочих зданий,
 И город превращается в корабль.
 И вот уже поплыл знакомый дом
 В пучину Ленинградского проспекта;
 А снег всё нёс и нёс благую лепту
 В падении своём глухонемом.
 Он обелял надсадный чёрный стыд,
 Он мягко бинтовал больную память,
 Где наш с тобой доверчивый Титаник
 Навстречу неминуемому летит...

Рождённое задолго до меня,
Мне станет не по росту это знание.
И – батискафом – падает сознание
В седую пелену.
И нет ей дна.

НЕ ДЕТСКИЕ СКАЗКИ ИЗ ДЕТСТВА

Бабушкин дом в деревне; скрипучий ставень
Машет гостям приветно в проулке тихом,
Белый жасмин из детства – неувядаем;
Крестики на погосте с вьющейся повиликой.
Сделаем крюк привычный, когда приедем,
Мама поплачет, отец опрокинет стопку,
Проса насыплем птицам, конфеток – детям,
Выподем клумбу, расчистим к могилкам тропку...
Каялись руки взрослых: и непривычны
Брату и мне их объятья в траве по пояс;
Злость и обиды канули в земляничный
Воздух, не подавая больше скрипучий голос...
В башнях своих бетонных мы глухо тужим:
Сны наши, знаешь сам ведь, не здесь ночуют!
Город, в котором мы кем-то кому-то служим,
В плен наши жизни – обе – забрал вчистую.
Плавать в протухшей воде – отмирают жабры!
Та, родниковая, в пластик давно разлита;
Из полумёртвой речки рыбу спасать пора бы –
И поселить в том самом, бабушкином корыте.
...Как же призывно машет скрипучий ставень
Родом из детства, как однокрылая птица;
Точно такой же птицей совесть моя и память
В окна чужие каждую ночь стучится.

НАТАЛЬЯ МАЛИНИНА (СМИРНОВА). Профессия – юрист. Автор книги стихотворений «Любви великости малые». Лауреат международного литературного фестиваля «Литературная Вена», в номинациях «Поэзия», в номинации «Литературоведение и литературная критика», литературной премии им. П. Вегина, различных поэтических конкурсов. Публиковалась в Международных альманахах «Год Поэзии», журналах «Венский литератор», «Русский писатель», «Окна», «Простор», «Культурная эволюция» и др.

ВЛАДИМИР КОРКИН

Стихи **Владимира Коркина** сразу обнаруживают уверенный почерк зрелого мастера, владеющего всеми тонкостями и премудростями версификации, свободно подчиняющего лукавую материю звуков творческому замыслу, каждой потребности и, если угодно, прихоти автора, создающего в своих текстах многомерное и «многостороннее» пространство. При этом сам автор предстает не демиургом, роняющим непреложные истины с заоблачных высот, и даже не отстраненным созерцателем копошения земных сует, но располагающим к доверию собеседником.

*Собаки и коты носы уткнули в лапы,
И тонет тишина в сиреновой тени.
Я – просто мотылёк, летящий к свету лампы, –
Крыло цветного сна над спящими детьми...*

Жанровая, содержательная, метрическая палитра в стихах Коркина богата и многообразна, но в каждом произведении автора неизменными остаются незаемность и доверительность его интонации.

ПО ЭТАПУ

Я знаю: забрезжит рассвет бледно-серый,
При всхлипе последнем придут за мной,
Пропахшие ладаном с примесью серы,
Два вечных посланника, – черный и белый,
И душу привычно возьмут под конвой...

И дело пустое – искать у них выгод,
Пытаясь всучить втихаря четвертак, –
Никто здесь не скажет: «С вещами на выход!»
Никто не оставит махорки попыхать,
Никто чифирку не плеснет натошак...

А что изменилось? Ну, стал я – фантомом,
И нечему биться в туманной груди...
Но все по земному до боли знакомо:
Этапы меж звездами, звезды, как зоны,
И два конвоира.
И суд впереди...

ГОРОДСКАЯ ПОВЕСТЬ

Этот город я знаю давно,
До последней его подворотни:
В этом скверике пили вино,
Заработав на рынке полсотни,
И в придачу огромный арбуз
От казаха, пригнавшего фуру...
Та страна называлась – Союз.

Как Матросов, на амбразуру
За нее мы готовились лечь,
Распластаться дорог ее пылью,
И от гордости прямо из плеч
Вырастали незримые крылья...

...А три года спустя, в этот дом,
Где хрипела Высоцким «Комета»,
Через двор семенил управдом
Вслед товарищам из Комитета.
Он дрожал, как осиновый лист,
Им с угодой заглядывал в лица,
И шипел на меня особист:
«Ну и где тут у вас Солженицын?
Вам вчера передали тетрадь,
Где его переписана повесть.
Я надеюсь, не нужно искать?
Прояви комсомольскую совесть!»

...Видно, жил в этом городе Бог,
Или был в это время проездом, –
Я шагнул на домашний порог,
Двое суток пробыв под арестом...
Не скажу, что я сразу же сник, –
Все ходил, добивался чего-то,
Но сказал мне один кадровик:
«Ты же в списках! Какая работа?!»
Понял я, что такая мотня
Будет долго теперь продолжаться,
Ведь не зря обложили меня
Протоколами за тунеядство.
И рванул я в глухие края,
Где весна превращается в осень,
Где сто верст по тайге до жилья
И повесток не шлют на допросы...

...Много лет утекло с той поры.
Нет страны. Я вернулся обратно.
Изменились немного дворы.
Но на стенках в знакомом парадном
Те же надписи: «Куручкин – жмот»,
«Я люблю тебя», «Оля + Саша»,
Словно здесь, не съезжая, живет
Беззаботная молодость наша,
Словно сделало время кульбит,
Всех вернув из бессрочных отъездов,
И гитара сейчас зазвенит,
Отражаясь от стенок подъезда...

ВОПЛОЩЕНИЕ**1**

В другом краю, где дремлют облака,
Туманами цепляясь за вершины,
Где гулким эхом ухают лавины,
Срываясь за движеньем ледника,
Где мир-кристалл лежит в ладони Божьей,
Расцвеченный лугами у подножий
Рассветных гор. В прозрачной чистоте,
Наполненной звенящей тишиною,
Я неизвестного себя в себе открою:
Вселенную в обычном лепестке
Увижу, и дыхание времен
Почувствую своею новой кожей,
Нагим явившись в мир.
Но потревожат
Покой волхвы, явившись на поклон...

2

Камышовых котов шелестящая поступь легка
В камышином краю – заповедном оазисе лета.
Я умру на ладонях стрекоз, оборвав свой полет мотылька,
И по небу мелькнет, уходящая к звездам комета.

Ляжет полночь украдкой, скрывая кошачьи следы,
И дорожку постелет Луна до небесного свода,
Заблестят стрекозиные крылья холодной слезою слюды,
И пойду я к себе, аки по суху, прямо по водам...

3

Мой Бог живет везде, порхая беззаботно
Над спящею Землей, заполнив все вокруг.
Склонило камыши уснувшее болото,
И веки-лепестки сомкнул сомлевший луг.

Собаки и коты носы уткнули в лапы,
И тонет тишина в сиреневой тени.
Я – просто мотылёк, летящий к свету лампы, –
Крыло цветного сна над спящими детьми...

УТРЕННИЕ СТИХИ

В деревне Бог живет не по углам...
И.Бродский

1

Утро набело бело.
Небо поднимает веко.
Неизвестное число
Дня, который дольше века,
Вне систем координат,
Вне привычной мне цепочки
Длинной вереницы дат
Начинает жить. И строчки
Недописанных стихов
Суть и стройность обретают.
Воробьем крылатый Бог
Из гнезда ко мне слетает,
И с руки моей овес
Не спеша клюёт беспечно,
И чирикает под нос
Что-то важное.
О Вечном...

2

Похоже, атеизмом в деревнях
Давно не пахнет, как не пахнет хлебом,
Хозяйкой испеченным. А в сених
Висит хомут, повешенный там дедом,
Хоть лошадей здесь нет сто лет в обед,
Как нет того, что звали мы укладом,
Который в пыльной рухляди примет
Лежит по сундукам ненужным скарбом...

Прикрытый рушниками образок
Из-за лампадки щурится с божницы,
И, каждый раз, ступая на порог,
Вошедший гость спешит перекреститься.
Но истовости в этом вовсе нет,
Скорей, привычка будничная, вроде
Дежурных слов: «Привет тебе, сосед!
Что нового в небесном огороде?»

Сквозь сон утрами слышишь перезвон
Колоколов со звонницы церквушки,
Куда спешат уже со всех сторон

В платочках белых местные старушки.
 На озере, подняв веселый гам,
 Апостолы сетями тянут рыбу.
 Бог спит себе спокойно по углам.

А, пробудившись, осеняет избу.

ВЛАДИМИР КОРКИН родился под Питером. Жил в Таллинне, Линахамари, Архангельске, Северодвинске. С 1972 года в Ярославле. В 1977 году закончил Ярославский государственный университет по специальности психология. Работал аналитиком в строительном комплексе СССР. В настоящее время независимый предприниматель. В 2007 году выпустил книгу стихов «Бессонница памяти». Публиковался в различных литературных сборниках, интернет – изданиях. Лауреат литературных конкурсов «Под одним небом» и «Ярославские Логорифмы». Член отборочного жюри международного литературного конкурса «Эмигрантская лира».

НАДЕЖДА КУДРИЧЕВА (КОРНЕВА)

Поэтическое мироощущение **Надежды Кудричевой (Корневой)** удивительным образом превращают речь, язык, слово в её стихах в магический поток одушевленного света. И, кто знает, может быть, этот неизъяснимый мерцающий свет, пытающийся уравновесить столь же неизъяснимую поэтическую тоску, самое верное средство приблизиться на неуловимую малость к недостижимой гармонии. Как бы то ни было, в полновзвучном, богато темперированном строе стихов Надежды Кудричевой столько полноты жизни и её принятия во всей этой полноте, столько внутренней щедрости и сочувствия, что хочется, чтобы звучанье этого «клавира» не прерывалось, как можно дольше.

*Бешеной пляске созвездий, светил и планет
 темп задаёт сумасшедшее фортепиано
 ритм бытия ускоряя стократно
 до кульминации и исчезает на нет
 резко...*

Неправда, не исчезает эта музыка, звучит и оставляет непреходящее послезвучие.

ПОЛЕ

Куда плывёт, над августом качаясь,
 большая опалённая звезда?
 Туда, куда суда и поезда
 уже ушли по волнам иван-чая?

Сухая медуница тишиной
 и нежностью пропитывает кожу,
 тихонечко лепечет: «не тревожу
 покой земной...»

Откуда гул? Прислушайся – шумит,
а может, дышит поле под затылком?
Пушистым одеялом – тёплой дымкой
окутывает. Невесомый миг –
уютно мама подоткнёт края
лоскутного, душистого тумана:
«спокойной ночи, дурочка моя...»
Как мало мы друг друга любим, мама.

ГРААЛЬ

Вдребезги хрустальная мечта –
вспыхивают отраженья в лужах
солнечными зайцами ненужных
слов и слёз.
Весна до звёзд чиста.
Ты устал. Синица у виска
тенькает настойчиво и тонко:
– много толку злиться на ребёнка
заблудившегося?
Он тебя искал,
но забыл, играет золотым
шариком, лучи сплетает в косы,
ангелом веснушчатым, курносым
создаёт миры из пустоты.

ЛЕТАЮЩИЙ ДОМ

Вчера со мной говорил дом.
Не люди, которые жили в нём,
а сам. Фрамуги глазниц открыв,
давай, говорит, рванём в отрыв.
Махал карнизами вверх и вниз,
по-рыцарски мне подставлял карниз
крыла – летели, куда хотели,
куда глядели и не глядели,
луну задели, Казбек раздели,
из белоснежной его кудели
напряли шерсти, соткали плед,
связали нежной зимы куплет,
кормили смехом костёр зари,
хвостом виляли нам пустыри,
гнезвился дом, поправлял крыльцо,
бодрился, выглядел молодцом,
шепнул смущенно «до завтра?» дом.

А кто-то знал, что его на слом...
Зачем мне радость вся земля,
раз мой летающий дом снесли.

БРИГАНТИНА

Тишина течёт густая,
не живая тишина,
сквозь неё весна видна –
пляшет в воздухе не тая.

Ни единой ноты нет,
а она – жете, батманы.
Невесомы и туманны
мост и всадник на коне.

Еле зримы по Неве
проползают рыбы-льдины,
тень пиратской бригантины
выплывает из-под век,
ты на банджо жаришь блюз,
ром из горлышка лакая:
– милая, махнём до мая?
Соглашаюсь и смеюсь.
Музыка уносит бриг
к островам любви и смеха,
– хорошо, что ты приехал –
эхо чайками парит.

МЕТЕЛЬ

Выйди из дому, лицо в круговерть окуни
снега – пушистые звёзды ложатся на щёки,
Господи, свет мой, за что же мы так одиноки?
Мягкие складки лучистых туник
ангелов ночи, вальсирующих фонарей
треплет борей, разбирая прозрачные ткани,
ласковый луч подкрадётся, нырнёт, заарканит
и полетишь над проспектом Московским быстрей
света и тени. Года, города и дороги
снежный буран собирает в тугую спираль.
Господи, свет мой, за что же мы так одиноки?
Где твой обещанный вечносияющий край?
Бешеной пляске созвездий, светил и планет

темп задаёт сумасшедшее фортестокатто
 ритм бытия ускоряя стократно
 до кульминации и исчезает на нет
 резко. Пульсирует тишина,
 тело распято покоем паденья
 сквозь невесомость. Чьи это владенья?
 Господи, свет мой, ты смотришь на нас?

НАДЕЖДА КУДРИЧЕВА (КОРНЕВА) родилась 5 ноября 1978 года в Ярославле. Театральный режиссёр. Член Союза писателей России. Организатор международного поэтического фестиваля «Логорифмы». Лауреат многочисленных поэтических фестивалей и конкурсов. Автор пяти поэтических книг. Публикации в антологиях и коллективных поэтических сборниках, журналах «Пролог», «Новая Юность», «Дар Слова», «Острова» и других.

ЮРИЙ РУДИС

Муза поэта **Юрия Рудиса** – особа неординарно и глубоко мыслящая, не склонная к умилительным сантиментам и прочим пасторальным красотам. Её взгляд пристален и пронизателен, голос внятен и убедителен, интонация то иронична, то насмешлива, то горька, но всегда необычайно точна и проникновенна.

*Раз пошла такая музыка
 И такая полоса,
 не ищи, душа, союзника,
 не гляди на небеса.
 Там кирпич такого обжига,
 Что кругом одна зола,
 Лишь лоснятся храма божьего
 Золотые купола...*

* * *

Мокнут стены караван-сарая,
 ветер за воротами Кремля.
 До чего ты тяжела, сырая,
 теплая московская земля.
 С пылу жару катятся баранки.
 воробьи пьют вересковый мед.
 Мертвая старуха спозаранку
 за стеною пляшет и поет.
 Хорошо ей пляшется, поется,
 но назад дороги не найти,
 свято место пусто остается
 на Великом шелковом пути.
 И не будет ничего другого,
 сорок дней, как сорок тысяч лет.
 Долог путь от Вологды до Гдова
 за луной пылающей, след в след.

* * *

Раз пошла такая музыка
И такая полоса,
не ищи, душа, союзника,
не гляди на небеса.
Там кирпич такого обжига,
Что кругом одна зола,
Лишь лоснятся храма божьего
Золотые купола.
Шит туман гнилыми нитками.
Сопки, размыкая ряд,
Сквозь его прорехи зыбкие
В мутной зелени скользят.
Да на миг червонным холодом
От случайного луча
Полыхнет над дальним омутом
Серых гребней толчея.
Но едва погаснут сполохи
Набежавший вал сметет
Колпаки, плащи и посохи –
– легкой радуги приплод.
Для начала все оплачено,
Можно залезать в долги.
Дождь окатывает галечник,
Проливается в мозги,
Кольхаясь над упряжкой,
Брызгая из-под колес,
Вешается он на каждую
Из попавшихся берез.
На листке отполированном
Каждой капельке почет.
Конь гнедой копытом кованым
Ледяную грязь сечет.

* * *

В жизнь чужую, под осень, при ясной луне,
Самозванец въезжает на белом коне,
Словно в город чужой, как по нотам,
Между пьянкой и переворотом,
Он свободен, спокоен – практически мертв,
И отпет, и последней гордынею горд,
Отражен в придорожном кювете,
И уже ни за что не в ответе.
И дрожит на ветру, как осиновый лист,
На себя не похож, и от прошлого чист.

Лишь кресты – пораженья трофеи –
 На груди и веревка на шее,
 Ключья черного знамени над головой.
 И чужой стороне он, как водится, свой.
 Он один здесь спокоен и ясен,
 И на всякое дело согласен.
 Он и швец, он и жнец, и последний подлец,
 И на дудке игрец, и кругом молодец,
 Не жилец, по народным приметам,
 Но пока что не знает об этом.

* * *

Из набокова железногобокого
 виадуковый гнутый тугой
 задувает меня одинокого
 золотой выгибает дугой
 на отгадки находки в два голоса
 чтоб по клавише каждой успеть
 на стекле только точки и полосы
 комариная легкая смерть
 чтоб на пыльном майдане агукая
 под ладонь подставляя щеку
 расцвести шестидневной разлукою
 на осиновом гибком суку
 и тарашась в ольшаник мерещиться
 не родным и знакомым своим
 только месяцу и полумесяцу
 превращаясь к полуночи в дым
 и оставшись соломы охапкою
 вспоминать уходящий во мглу
 храм Николы под медною шапкою
 и аптечный киоск на углу.

* * *

Как механический соловей,
 нота за нотою – все в копилку.
 Только все чище и все сильнее
 звук, ударяющий по затылку.
 Будет на что прикупить пшена,
 если случится ожить в натуре.
 Но это вряд ли. Прости, жена,
 сиро и холодно в литературе.
 Время державного скрымтымным,
 от моря до моря всеобщей драки.
 Что делать с ключиком золотым?

Открыты настежь мои бараки.
А то, что было, и то, что есть, —
все на распыл, на любовь и пьянку.
Это окупится, но не здесь,
если успеть раскрутить шарманку.
Чтобы молчание, чик-чирик,
сквозь шестеренки, в щепу и кашу.
Наше дело — чесать язык.
Щелкать клювом — работа наша.
Ради смеха и эха для,
чтобы на вытоптанной лужайке
после нас хоть потоп, ля-ля,
а не одни черепки и гайки.

ЮРИЙ РУДИС родился 23 ноября 1958 года в Кривом Роге в семье морского офицера. Двадцать пять лет прожил во Владивостоке. После десятилетки поступил в ДВГУ на прикладную математику, но после четвертого курса отчислился. Работал на Дальзаводе судокорпусником-ремонтником. В дальнейшем семья переехала в Тбилиси, там работал на стройке арматурщиком. В 1991 с женой и сыном переехал в Ярославль. Побывал мотористом в военной гидрографии, грузчиком, формовщиком, рабочим у геологов и т.д. Автор книги стихотворений «Седьмая вода».

Поле притяжения

АНАТОЛИЙ ЛАБУНСКИЙ

БОГАТСТВО СЫТЫМ НЕ БЫВАЕТ

(отрывок из новой повести «Побег длиною в жизнь»)

– Хватит дрыхнуть... Слышишь? – Растолкав спящего Виктора, бригадир толкнул форточку, и в балок ворвалась струя холодного осеннего воздуха. – Поедешь на Большой Берчикуль. На рыбхозовском причале погрузишь катер и отвезешь его в Городок в ремонтные мастерские. Думаю, до вечера справишься.

– Какой катер? На каком причале?

– На каком? А куда мы ездили на рыбалку? Проснись ты, наконец!

– А... Что-то помню. – Заспанный водитель трелёвщика двумя руками взъерошил давно не мытые, слипшиеся волосы и поёжился. – А кто мне катер даст?

– Артельный старшой. Ну, тот... друг твой узкоглазый. Тогда вы с ним крепко нарыбачились.

– На то она и рыбалка. Наливай да пей...

Вынув из-под кровати кирзовые сапоги с завернутыми голенищами, Виктор натянул их на ноги и потянулся к чайнику, стоящему на самодельной металлической плите посередине балака.

Балок, эдакий деревянный домик на полозьях, снаружи обитый листами железа, – передвижное жилище лесорубов, называющих друг друга лесовалами. Внутри бытовки четыре дощатых полки, покрытых сплюсненными матрацами и серыми байковыми одеялами, для лесовалов служили постелью. Обогревался балок большой прямоугольной буржуйкой, на поверхности которой, накапливая тепло, лежали несколько огнеупорных кирпичей. Буржуйка стояла по центру балака, поэтому именовалась центральным отоплением. Освещалось помещение «лампочкой Ильича», что нечасто бывает на лесозаготовительных делянах, однако «летучая мышь» висела на стене. Её не выкинули – часто всё хорошее неожиданно заканчивается, в том числе и электричество. Хромоногий стол, два «черномазых» чайника на кирпичках, да рукомойник на стене завершали убранство балака.

– А кто хлысты трелевать будет? – Надолго присосавшийся к чайнику Виктор вспомнил об основной работе.

– Ничего, на пилораме запаса бревен на три дня хватит. Обойдутся.

– Пилорама пилорамой, но, кроме этой, у меня ещё две деляны. Когда я выведу?

– Откуда такое рвение? Героем Соцтруда хочешь стать? Возьми с собой Мойшика, поможет тебе хорошенько застропить катер. Все равно, два дня ковыряет-

ся, а сдвинуться с места не может. И смотри внимательно у Берчикуля. Не утопи в болоте трелёвщик.

– Ладно... Не первый год замужем. – Виктор снова схватился за чайник.

– Чешись быстрее! – Бригадир сокрушенно покачал головой и уже на выходе обернулся: – И проветри берлогу. «Замужний».

В двадцати метрах от балока, на изрытой гусеницами площадке стоял горчичного цвета древний бульдозер «Катерпиллер», отвал которого покоился на двух толстых березовых поленьях. Собственно говоря, это был челябинский «Сталинец», но поскольку его прототипом был американский «Катерпиллер», то его так и называли. Разложив на левой гусенице бульдозера целую гору инструментов и тихо мурлыча что-то под нос, длинный мужик лет тридцати, в лыжной шапочке и клетчатой байковой рубашке, выглядывающей из-под промасленной фуфайки, вертел в руках шланг высокого давления. Трудно было заподозрить, что имя Мойша имеет к этому курносому блондину какое-нибудь отношение. Просто обычное имя Миша, в сочетании со странным для этих мест одесским говорком и южным темпераментом стали поводом для приклеившейся к нему клички.

– Ну, и что ты заглядываешь в этот шланг, как сорока в мосол? – Виктор уже сполоснул холодной водой заспанное лицо и заглянул Мойшику через плечо.

– Шланг лопнул, а без гидравлики отвал не поднять. Придется пошпринцать мозгами.

– Да, если рабочий инструмент не поднимается – всё! Импотент... «Шутка. Бамбарбия!»

В ответ Мойщик размахнулся и швырнул лопнувший шланг в кусты.

– «Будь проклят день, когда я сел за баранку этого пылесоса!»

Было заметно, что фильмы Гайдая пользовались популярностью и в Карнаюльском леспромхозе.

– «Да отсохнет его карбюратор вовеки веков!»

– Ты, Вицын, все мозги пробухал. Откуда у дизеля карбюратор?

– Ладно, не умничай. Сбирайся, едем. – Против «Вицына» Виктор, вероятно, не возражал.

– Для чего собираться? Для покататься с ветерком?

– «Бугор» говорит, что кто-то из лесхозовских шишек на Берчикуле катерок бэушный прикупил. Надо отвезти в Городок. Там в мастерских ему подводные крылья приладят. Представляешь, какая у них рыбалка будет? Гужеваться будут, как в кино!

– Да... Берчикуль лужа большая! Шоб я так жил! – Плеснув из стоящей рядом канистры немного солярки, Михаил отмыл руки и тщательно вытер их тряпкой. – Думаешь, до вечера крутнемся? Туда-сюда километров двадцать пять.

– Надеюсь.

– Ладно. Забежу, ватничек зацеплю. – И Михаил скрылся в балоке.

Дорога на Берчикуль, самое большое озеро Кузбасса, обещала быть долгой. Огромное, приплюснуто-круглое, около пяти километров в диаметре, оно раскинулось всего в нескольких километрах от лесосеки в урочище Карнаюл. Добраться до него по прямой мешала стремительная горная речушка Дудет, и следовало дать доброго кругалю, почти до самого поселка Городок, чтобы через мост преодолеть эту водную преграду.

– Ну-ка, шлемазл, пусти за рычаги настоящего танкиста. – Михаил вскочил на гусеницу и юркнул в кабину трелёвщика.

Виктор удивленно посмотрел на самоуверенного бульдозериста и, безнадежно махнув рукой, обошел машину с другой стороны и полез в кабину.

– Действительно, ты прав. Молодым везде у нас дорога, а вот старикам, как ты понимаешь, почет...

– Почет... Ни фига себе! – Настроение у Михаила было всегда хорошим, и трудно было понять, когда он шутит, а когда говорит всерьез. – Тебя, алкаша, только за рычаги пускать.

– В России алкоголизмом не страдают, им наслаждаются, – проворчал Виктор, удобней устроился в кресле и закрыл глаза.

– Ну, ты даешь. Уже с утра насладился.

– Дурак ты. Водка – это психотерапевт, у которого часы приема в любое удобное для вас время. Понял? Вот так! А теперь следи за дорогой, а мы ударим крепким сном по мукам совести.

Чудная все-таки машина этот трелёвщик. С виду дурацкий самодвижущийся механизм на гусеничном ходу, со скворечником угловатой кабины впереди, способный сам себе на спину взгромоздить огромную пачку бревен и лихо тащить их по переувлажненным лесным грунтам. Его способность легко преодолевать валежник и высокие пни вызывала ощущение уверенности, которое соответствовало и без того хорошему настроению.

Покатался я по Северу,
У начальника в долгу!
Комсомольцы рядом ехали
Завоевывать тайгу.
Комсомольцы пели лозунги
И сознаться не могли,
Что они в натуре ехали
Заколачивать рубли.

Вечно что-нибудь мурлыкающий под нос Мойщик запел в голос. Перекричать урчащий двигатель трелёвщика он не пытался. Он любил петь, и ему нравилась тайга. После нескольких лет, проведенных на лесоповале, он научился понимать этот суровый край. Нельзя сказать, что он полюбил его, ибо оказался здесь не по своей воле. Просто пока ему здесь было хорошо. И всё.

– Перестань скулить... – Дремлющий Виктор заворочался и, пытаясь прикрыть лицо, потянул ворот фуфайки.

– «Нам песня строй пережить помогает!» Шо ты понимаешь в высоком искусстве? Эти слова написал человек, который, как базарят, в нашем лагере чалился. Давно уже откинулся. Фронтвик... Не помню его фамилию, но говорят, большим человеком стал. – Мойщик помолчал, видимо, что-то вспоминая. – «Скулить»... Ты посмотри тайга какая! Горы! Тут ведь глаз подхарчить на долгие годы можно. Душа сама запоет...

– Ой, ой! Где? Первый раз вижу. Ой! Кр-расота, куда же я смотрел раньше?! – Ёрничая Виктор вскочил и вытаращился в лобовое стекло и тут же осекся. – Эй... Ты куда это? Заблудился, что ль?

– Спи спокойно, дорогой друг! Зачем лишние круги нарезать? Трелёвщик – это тебе не «Жигуль». Махнем через Дудет на перекатах, и весь сказ.

– Утопить машину хочешь?

– Не ссы, все под контролем. Закрой рот с той стороны и спи.

Весной, когда в горах тают снега, Дудет бывает значительно полноводней, но сейчас, осенью, он растерял энергию и плавно катил свою прозрачную воду. Широкие плёсы его чередовались с пенными перекатами. У одного из таких перекатов, на покрытом голышами берегу Дудета, Мойшик остановил трелёвщик и выбрался из кабины. Чтобы лучше рассмотреть предстоящую переправу, он взобрался на большой прибрежный валун и, засунув руки в карманы брюк, долго пытался рассмотреть возможные препятствия сквозь бликуюющую поверхность воды. Видимо, этого ему показалось мало и, спрыгнув с постамента, он, насколько позволяли ему сапоги, вошел в воду. Через минуту решение было принято.

Вскочив в кабину, Мойшик подмигнул безразлично взирающему на все происходящее Виктору.

– Пристегнуть ремни!

Трелёвщик, не торопясь, вполз в воду и уверенно двинулся к противоположному берегу. Сквозь рев двигателя был слышен голос его кормчего:

Всё перекааты и перекааты
Послать бы их по адресу.
На это место уж нету карты,
Плыву вперед по абрису.

Поймав кураж, Мойшик возбужденно сверкал глазами и орал, а его коллега, растеряв остатки хмеля, привстал на своем сидении и предусмотрительно приоткрыл дверцу кабины. Пару раз машина, нащупав гусеницей глубокую яму, наклонялась на бок, практически черпая кабиной воду, но это действительно был не «Жигуль». Уж если трелёвщик выбирается из болотной жижи, то каменистое дно, да еще по чистой воде, для него были не хуже доброго шоссе. Еще рывок – и машина пошла по берегу.

– Видишь, как я твоей телеге сандалиии помыл? Учись, шкет, пока я жив! – Довольный собой, Мойшик толкнул локтем соседа и закончил песню:

А если рядом с тобою кто-то,
Не стоит долго мучиться,
Люблю тебя я до поворота,
А дальше как получится.

Длинными рядами, растянутые на высоких кольях, трепетали на ветру десятки метров рыболовецких сетей. Два рыбака в одинаковых брезентовых куртках внимательно, метр за метром изучали их и, найдя места разрыва, ремонтировали сеть при помощи специальных линейки и челнока.

– Привет, мужики! Не скажете, где найти Алтана?

– Чего?

– Алтана, говорю... Глуши двигатель, – кинул Виктор Мойшику и вылез из кабины на гусеницу. – Где найти Алтана Жалсанова?

– А, так вон он там, – рыбак наклонил голову, долго перекусывал капроновую нить, которой латал дыры, и только после этого ткнул освободившимся челноком в сторону домика на берегу, – в конторе.

Виктор спрыгнул с гусеницы трелёвщика и направился к конторе.

Небольшой деревянный домик был продолжением широкого дощатого причала, обвешанного со стороны озера десятком старых, давно отслуживших свое автомобильных колес. У причала меланхолично покачивались на волне два ис-

пользуемых для траленья сетью служебно-разъездных катера и легкий прогулочный катерок.

Вскоре на крыльцо домика вышел Виктор в сопровождении узкоглазого коротышки. На пороге конторы они минутку-другую о чем-то поговорили. По тому, как они заразительно смеялись, можно было понять, что им есть что вспомнить. Наконец Виктор повернулся к трелёвщику, сделал левой рукой круговое движение: «Заводи!», а правой взмахнул вдоль берега, после чего пожал руку коротышке и загромыхал сапогами по причалу.

В метрах восьмидесяти от причала, почти у самого берега, торчал из воды алюминиевый нос притопленного катерка.

Мойщик запустил двигатель, медленно спустился к указанному Виктором месту и у самой воды, заблокировав фракционным левую гусеницу, дал газу. Взъерошенный щебень, гольши веером брызнули из-под правой гусеницы, и лихо развернувшийся на месте трелёвщик застыл задом к воде.

– Ни хрена себе! Разворотил весь берег, – проворчал недовольно подошедший Виктор.

– А шо ты хотел? Это тебе не лисапет. – Мойщик швырнул в кабину свой ватник, спрыгнул с трелёвщика и, ставив с головы лыжную шапочку, вытер ею лоб. – И шо, этого утопленника грузить будем?

– Его...

– Шоб я так жил, – удивленный «лихач» почесал темя. – А монгол твой даст ксиву подорожную, хоть какую?

– Он бурят.

– А шо, есть разница?

– А ты никак боишься, что в тайге из-под куста гаишник выскочит?

– Так они только в кустах и водятся. Иди докажи, что мы эту дырявую посудину не сперли. Мне ж это, не мимо милиции, а как раз таки на самые нары...

Вот так и стояли они, рассматривая торчащий из воды нос катерка, и лениво перебрасывались ничего не значащими фразами. Щуплый, неказистый Виктор, взаправду похожий на недотёпу в исполнении Вицына, и рослый, соломенно-волосый Мойщик, в клетчатой байковой рубашке напоминающий золотоискателя с Клондайка.

– Ну, да ладно. Меня на бзду не возьмешь. Время – деньги.

Мойщик легко взобрался на трелёвочную платформу, поковырялся в ящике ЗИПа и, достав оттуда полотораметровый чокер, так же легко спрыгнул на землю. Вернее, хотел легко спрыгнуть, но приземление завершилось «нештатно». Металлическая подковка на каблуке его правого сапога прочертила белесый след на вылизанном до блеска озерной волной, вывороченном со своего места гусеницей трелёвщика, шатко лежащем гольше. Соскользнувшая нога неудачника взлетела вверх, не оставив прыгуну другого выхода, как приземлиться пятой точкой на место откатившегося в сторону камня.

– А-а-а... Ети ё мать!.. – Лицо бульдозериста исказила гримаса адской боли, закрыв глаза, он откинулся на спину и затих.

Подошедший Виктор, помолчав над неподвижно лежащим прыгуном, решил поинтересоваться:

– Ну,.. и чё там?

– Копчик...

– Фигово... Сломал?

– Откуда я знаю? Болит...

– Что делаем дальше?

– Лежим.

– Долго?

– Отстань ты наконец... Пристал, как лишай до цуцика. – Мойшик с трудом попытался встать. – О-о-о... Черт! Помоги, что ли!

Виктор подхватил сзади под мышки поднимающегося бульдозериста и, когда тот почти встал на ноги, вдруг молча бросил его и упал на четвереньки. От неожиданности Мойшик не устоял на ногах и мешком плюхнулся на землю.

– Шо ж ты делаешь, малахольный? – Приготовленный запас матерных слов не успел сорваться с его языка. На него смотрели вывалившиеся из орбит, безумные глаза Виктора, двумя руками прижимающего к земле свою шапку в том самом месте, где минуту назад покоился поврежденный зад Мойшика. – Ты шо меня падаешь, скаженный?

Виктор молчал. Продолжая вжимать свою шапку в землю, он почему-то стал часто глотать воздух и дико озираться по сторонам. «Раненому» надоело задавать вопросы, и он выдернул шапку из рук обезумевшего товарища. Под шапкой лежал большой, величиной с кулак, довольно странной формы камень, напоминающий коряво слепленного из пластилина цыпленка с неловко прилаженной собачьей головой и коровьим выменем вместо лапок. Хотя Виктор мгновенно вернул шапку на место, Мойшик успел рассмотреть, что грязный, извалянный в прибрежной глине камень неожиданно сверкнул золотистым лучом одного из своих изломов.

– Шо это?

Виктор молчал.

– Иди ты!!! – В ошалелых глазах товарища, где-то в самой их глубине Мойшик, нет, не увидел – предугадал зарождение неуголимого, алчного огня. – Золото?! Шоб я так...

Виктор молча прикрыл рот говорящего рукой.

– Да убери ты... – оттолкнув руку, бульдозерист брезгливо вытер губы.

Помолчали.

– Надо ехать...

Прямо шапкой, вместе с галькой и глинистым песком, подцепив находку, Виктор полез в кабину трелёвщика. Мойшик ни на шаг не отставал от него. Когда с огромными предосторожностями, с оглядкой, шапка была приоткрыта и «цыпленок-монстр» был избавлен от грязи, стал известен размер счастья, свалившегося на них. Вернее, на которое свалился Мойшик. Это был очень большой самородок причудливой формы, весом около восьмисот граммов.

Далее все делалось молча, слаженно и быстро. Казалось, что, общаясь на телепатическом уровне, они всю жизнь проработали рядом, словно тренированный, многоопытный экипаж.

Самородок был аккуратно завернут в тряпку и надежно спрятан под сидением. Трелёвочный трос размотан на необходимую длину, чокерный захват закреплен за буксировочный крюк на носу катера, который через пять минут был втянут на платформу и надежно застроплён.

Заурчал двигатель, и трелёвщик медленно, как бы даже воровато оглядываясь, вскарабкался на берег и сопровождаемый удивленными взглядами латающих

сети рыбаков и стоящего на причале бурята Жалсанова, не разбирая дороги, беспощадно круша истлевшие бревна бурелома, скрылся в прибрежной тайге...

Чем дальше от Большого Берчикуля отползал трелёвщик, тем оживленнее становились лица его экипажа. Правда, если быть точным, то выражение лица у Виктора из безумно-ошарашенного сделалось озабоченным, а вот безумно счастливое оно стало у хронически жизнерадостного Мойшика. Сначала он просто что-то мурлыкал, но так как его распирало изнутри, пришлось, как настоящему акыну, петь то, что видишь:

...А вокруг голубая,
Голубая тайга...

– Нет, я знал... Знал, что что-то должно случиться! – Мойшика прорвало. Нарочитый одесский говорок пропал, и он зачастил нормальной русской речью: – Ты что думаешь, я, после того как откинулся, зря остался работать здесь? Зря отказался от благ цивилизации, от газовой плиты и унитаза? Я хотел в корне изменить свою судьбу. Я ждал! Я ж...ой чувствовал... И она меня не подвела! Правда, она у меня сейчас ой, как болит! Но нужную точку на планете она мне указала!

...Ж...па толще баобаба...
В общем, правильная баба!
Зулейка – ханум,
Зулейка – ханум...

Случайно родившийся акын умер, ибо Мойшик вспомнил более подходящий репертуар. Виктор, вцепившийся в сиденье, под которым лежал самородок, загнуто оглядывался по сторонам.

– Ну, что молчишь? Заклинило? Коль под задницей клад, не говори что не рад. Тут орать от счастья надо. – Мойшик открыл дверку трелёвщика, и над тайгой раздался победный крик: – А-а-а-а... Вот так! А он молчит... Ты со мной не разговариваешь? Как говорят в Одессе, не уважаешь меня, уважай моё обращение.

– Остановись, – хмурый Виктор наконец-то проронил слово.

– Вот так номер! И мне замолчать?

– Я говорю, стой. Заглуши мотор.

Мойшик остановил трелёвщик и, заглушив двигатель, удивленно уставился на напарника. Над тайгой повисла, как говорят в таких случаях, звенящая тишина. Да, звенящее осеннее комарье не упустило возможности, может, в последний раз в этом году угоститься кровушкой случайно появившихся жертв.

После долгой паузы Виктор, акцентируя каждое слово, твердо произнес:

– НАМ НАДО ПРОПАСТЬ.

– Та-ак... – Теперь пришла очередь округлить глаза и Мойшику. – А ну, еще раз...

– Я говорю, нам надо пропасть. И желательно без следа.

– Без следа обычно деньги пропадают, а нам это зачем?

Виктор с презрением посмотрел на, казалось бы, опытного бывшего зека.

– А ты что, возьмешь этого «рыжего» и отнесешь его в скупку? Или сразу в «лягавку»? Скажешь, дескать, бабка в хозмаге спички покупала, да и обронила. Глядишь, за находку премию выплатят. Червонец... А если повезет, то и «четвертак».

Мойшик молчал. Как распорядиться находкой, он еще не подумал и выглядел крайне растерянным.

– А как нам можно пропасть? Вот как?!

– Испариться! Да так, чтобы и память о нас похоронили. При деньгах любой документ выправить можно.

– Ну, вот... Опять...

Мойщик сник. Разудалый весельчак в нем исчез. Помолчав, он зло плюнул в лобовое стекло и, содрвав с головы лыжную шапочку, невзирая на то, что забрызгано стекло было снаружи, стал яростно его протирать. Сквозь стиснутые зубы тихим бормотанием просочилось:

...Быть может, старая тюрьма центральная

Меня, мальчишечку, по новой ждет...

– Прекрати ныть! Тоже мне, «бывший зек, большого риска человек». Это явно не про тебя. Кто пять минут назад хотел «в корне изменить свою судьбу»? Давай, меняй. Как там, у вас на зоне: «За базар отвечать надо!» Или всю жизнь в тайге комаров кормить будешь?

«Большого риска человек» молча смотрел в боковое стекло кабины. Вдруг, сверкнув глазами, он прервал гнетущую паузу, резко напялил на голову свой растянутый, выдавший виды головной убор и, запустив двигатель, рванул с места.

...Таганка, все ночи полные огня,

Таганка, зачем сгубила ты меня...

Виктор впервые улыбнулся и отвернулся к окну.

...Через час трелёвщик снова стоял на берегу Дудета. На этот раз напарники не искали удобный для переправы перекаат. Напротив. Их выбор пал на неширокий, а за счет этого и более глубокий плёс на излучине реки, где течение, подмывая противоположный берег, делает его более обрывистым.

– А не утопим ли мы его совсем... так что и видно не будет?

– Не бойся, как только двигатель воды хлебнет, он тут же и заглохнет. Это же не плавучий танк. Как говорят французы, все будет «абгемахт».

Неказистый, как потравленный червями гриб, Виктор вдруг оживился. Кажалось, он всю жизнь топил в реках тракторы и знал, как они себя ведут перед смертью. Как только место гибели работяги-трелёвщика было определено, убийца техники захоптал вокруг своей машины. Прежде всего, он отыскал на берегу здоровенный бульжник, закинул его в кабину и последовал за ним следом. Откинув ее вперед, широко распахнул дверь кабины и запустил двигатель.

Мойщик стоял на берегу и рассеянно наблюдал за происходящим.

– Ну, с Богом... – Виктор включил пониженную передачу и, когда трелёвщик медленно пополз к воде, быстро накатил бульжник на педаль регулировки оборотов двигателя. Убедившись в том, что его машина уверенно направляется к месту своей гибели, он протиснулся в дверь и покинул кабину. Через движущуюся гусеницу ему удалось перепрыгнуть в то время, когда машина уже достигла воды и, оказавшись в ней по колено, Виктор так и остался стоять, наблюдая, как лесной трудяга, вдоволь нахлебавшись из реки, удивленно замер.

Снова стало тихо.

Посреди Дудета, словно жертвы странного столкновения на реке, торчали из воды увенчанная выхлопной трубой с глушителем кабина трелёвщика и носовая часть прогулочного катера.

– Вот теперь пусть гадают, как трелёвщик с катером встретились и кто кого протаранил. – Виктор выбрался на берег и принялся выливать воду из сапог.

– И гадать не будут. Вытащат на берег, и весь секрет. – Оптимизма Виктора Мойшик не разделял. – Ну, и что, по-твоему, мы «исчезли»?

– Конечно. Утонули, водой смыло... Да мало ли. Пусть думают, что хотят. Уходить надо отсюда. И поскорее.

– Уходить... Тайга большая, а дорог в ней мало. – В голосе Мойшика радости больше не было.

– Вот чего нам сейчас не надо, так это дорог. Волчья тропа наша дорога.(...)

«НУ... ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ!»

(из сборника рассказов «Звездапад»)

Николай Сулак однажды удалил зуб. Через несколько дней от дантиста пришел конверт. Николай подумал, что там счет за удаленный зуб, но нашел в конверте денежные купюры и короткое письмо:

«Продал Ваш зуб Вашей поклоннице, которая теперь носит его как талисман. Из полученных денег я удержал по счету, а остаток прилагаю».

Однажды Николай Сулак выговаривал фотографу:

– Не понимаю, что с вами случилось? В прошлый раз вы так удачно меня сфотографировали, а сейчас я сам на себя непохож!

Фотограф извинился:

– Не забывайте, что тогда я был на целых пятнадцать лет моложе.

(Из театрального фольклора)

Буджакская степь... Её молдавская безлесная часть выдублена ветрами и практически безводна. Сочная весенняя зелень к августу выгорает на солнце и приобретает безжизненно-бежевый оттенок. Ручьи пересыхают, не оставляя даже жалких лужиц, и изможденные солнцем пастухи вынуждены перегонять отары овец на водопой к редким, почти обезвоженным степным колодцам.

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка

Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,

Они питаются трудом
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы...

Когда великий Пушкин писал эти строки, он не знал, что в середине сороковых годов XX века, в полуголодной Буджакской степи, в «...безвестном селе-нии...» по имени Садык, стоящем «...при бедном устье ручейка...», проявится самородок, который со временем станет любимцем всей Молдавии и прославит прекрасную, самобытную музыку своей родины далеко за ее пределами. Остается только удивляться, как смогла эта небогатая, выжженная солнцем земля наградить голоштанного мальчишку хрустально чистой, удивительно тонко чувствующей душой и ранимым сердцем. Детство, прошедшее в «...беспечной дикости...», рядом с мирно пасущимися кудрявыми барашками и похожими на трехсотлетних зайцев ушастыми осликами, трудовая юность, познакомившая его с каторжным трудом шахтера, ни в коей мере не предвещали того, что буджакский пастушок со временем превратится в популярнейшего исполнителя народных песен, Народного артиста Молдавии Николая Сулака.

Говорят, что существует такое понятие, как благословение Господне... Если это действительно так, то Господь Бог при рождении поцеловал Николая в маковку. Ему не было необходимости терзать несколько лет подряд преподавателей по вокалу, мучительно вгрызаться в музыкальную грамоту, чтобы, как часто бывает, в дальнейшем пополнить армию бездарных исполнителей.

Николай просто пел... Пел, как дышал, – естественно и непринужденно. Так же естественно, как воспринимал окружающий его мир. Он видел его, в отличие от нас, испорченных политкорректностью и притворством, завистью и зависимостью, не в кривом зеркале, а объективно, в прямом изображении. Справедливо полагая, что он никому ничего не должен, Николай высказывал свои независимые и удивительно оригинальные суждения искренне и безоглядно. Смелость и остроумие его оценок способствовали тому обстоятельству, что за любимым артистом закрепилась слава молдавского Хаджи Насреддина.

Было время, когда высший эшелон молдавской власти (а это ЦК Компартии, Совет Министров, Верховный Совет, ЦК Комсомола, большинство министерств республики) размещались в одном здании, за спиной у Ленина, вернее, за спиной памятника ему. Огромные, во всю стену, окна этого здания выходили на центральную площадь города. Из них было очень удобно разглядывать многотысячные демонстрации трудящихся, разного рода праздники и мероприятия, нередко проходящие на площади. Чем выше был этаж кабинета, который занимал наблюдающий, тем «вкуснее» было зрелище, тем приятней было видеть радостно копошащийся под ногами электорат...

Давно замечено, что чиновничество размножается делением и этот процесс остановить невозможно. В течение одной пятилетки количество офисного планктона прирастало на одну четверть, и, чтобы не допустить перенаселения кабинетов, рядом с кинотеатром «Патрия» было возведено новое здание ЦК Компартии Молдавии. Окна в нем были значительно меньше, а три последних этажа освещались окошками, более похожими на узкие крепостные бойницы.

Буквально накануне переезда аппарата ЦК в новое помещение мимо нового здания в сопровождении кого-то из писателей проходил недавно обретший звание Народного артиста Николай Сулак. Прервав разговор, он бросил долгий взгляд на новенький фасад и, горестно вздохнув, изрек:

– Если они из тех окон народа не видели, то что они увидят из этих...

Чиновников Николай не жаловал, но открыто своего пренебрежения не выказывал. Как-то раз после небольшой размолвки с министром культуры он произнес фразу, на долгие годы ставшую самой цитируемой:

– Я не боюсь министра культуры. Я боюсь культуры министра...

Звание Народного артиста принесло Сулаку не только новый виток популярности и народной любви, но и непривычные, совсем не вдохновляющие его обязанности. Так, наряду с такими же именитыми артистами, столпами профессионального искусства Молдавии, как Домника Дариенко, Сергей Лункевич, Тимофей Гуртовой, он стал членом коллегии Министерства культуры республики и был вынужден раз в месяц по несколько часов кряду «решать» нерешаемые проблемы самой нищей отрасли Советского Союза.

Однажды душным июльским днем, после двухчасового пребывания на заседании коллегии, которое и не собиралось заканчиваться, Николай Сулак, устав бороться со скукой, молча встал и за спиной сидящих стал тихо пробираться к выходу.

– Николай Васильевич, куда это вы? – Министр заметил непонятное перемещение.

Нимало не смутившись, популярный певец пояснил:

– Антон Сидорович, мне сейчас передали, что на проходной филармонии меня ожидает какая-то женщина с ребенком. Она уверяет, что это ребенок от меня. Мне надо разобраться...

Заявление настолько диссонировало с повесткой дня, что ненадолго шокировало присутствующих. Николай этим воспользовался и исчез.

Как у любого популярного певца, отношения с женщинами у Сулака были довольно динамичными, в чем мне удалось убедиться лично.

Оркестр народной музыки «Миорица» должен был выехать во Францию для участия в каком-то музыкальном конкурсе. Поездка в капиталистическую страну для самостоятельного коллектива была не только фантастической наградой, но и колоссальной ответственностью, поэтому состав исполнителей решено было усилить. Для этой цели был приглашен Николай Сулак.

Оформление выездных документов в те достославные времена было делом фантастически сложным. Мало того, что необходимо было собрать вагон справок и характеристик, так их надо было еще утвердить в райкоме партии. До сих пор не могу взять в толк, как партийные старцы из состава парткомиссии, начинающие каждый рабочий день с утренней реанимации, могли утверждать характеристику человеку, которого видели впервые? И, тем не менее, это было так.

Очень часто в выезде отказывали без объяснения причин, и претендент вынужден был всю оставшуюся жизнь теряться в догадках, в каком месте его биографии есть червоточина и почему его считают недочеловеком.

Далее на выезжающий коллектив составлялись развернутые списки, больше напоминающие рулон обоев, где в отношении каждого участника необходимо было ответить на два десятка не всегда понятных вопросов.

Наконец бумажная волокита подошла к концу, выездные документы на оркестр народной музыки «Миорица» ушли в Москву, и можно было готовить чемоданы. Но не прошло и двух дней, как меня (в Управлении культуры я отвечал за подготовку документов) срочно вызвали в общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Суровый пожилой человек с орденскими планками на груди по фамилии Тонкоглас мрачно сообщил:

– Документы на «Миорицу» вернули...

Это могло означать только одно – следует готовиться к неприятностям.

– А что случилось? – В глубине души я надеялся, что проблема окажется поправимой.

Тонкоглас засопел, стал без особой надобности перекидывать бумажки, которыми был щедро усеян его стол.

– Надо разобраться с женами Сулака... – Стало ясно, что ему не хочется этим заниматься.

– Простите, а как... с ними разбираться? – Я искренне не понимал стоящей передо мной задачи.

– Да не с ними, а с самим Сулаком. Он указал двух жен, а их у него, как у собаки блох... Гарем... – Тонкоглас досадливо поморщился.

– А откуда в Москве известно?

– Так ведь он каждый раз, выезжая за рубеж, указывает разных. Хоть бы поминальник какой-никакой завел себе... Так вот, – Тонкоглас перешел на официальный тон, – задача следующая. Отправляйтесь к Николаю Васильевичу и не уходите от него, пока не получите полный список его «половинок». Внесите их всех в развернутые списки. В характеристике на него укажите фамилию, имя, отчество всех его жен, а также сроки совместного проживания. После каждой фамилии напишите следующую фразу... Записывайте... «Причина развода партийному бюро известна и не является препятствием для выезда во Францию».

– После каждой жены?

– Да после каждой. Как вы понимаете, печать и подпись секретаря парторганизации обязательны...

После предварительного звонка я оказался на бульваре Негруци.

С Николаем Васильевичем мы познакомились, когда я только начинал оформлять выездные документы. Тогда, сидя в моем кабинете, он выглядел солидным, сдержанным, знающим себе цену Народным артистом. Сейчас же, когда я попал в его огромную квартиру, это был удивительно гостеприимный, рассыпающий шуточки, несерьезный балагур. По потрясающей воображению советского клерка квартире в шлепанцах и банном халате разгуливал добродушный человек, который с порога предложил испробовать доброго молдавского вина.

Обаяние Николая Васильевича было подавляющим. Мне пришлось и вина испить, и десяток баек выслушать, и даже узнать о шахтерской юности хозяина дома, о чем, я уверен, не знает ни один его биограф. А когда в конце концов нам удалось вырваться к цели моего визита, Николай Васильевич с присущей ему наблюдательностью заметил:

– Ну ты посмотри! Как они кадры грамотно подбирают! Даже фамилию соответствующую человеку придумали – Тонко-глаз! Другой на его месте не придал бы значения, а этот раз! – и в точку... Буквально насквозь видит... Тонко-глаз!

– Что вы, Николай Васильевич. Списки Москва вернула. А его фамилия пишется через «С». «Глас»... голос...

– Эх, сынок! Молод ты еще... Я музыкант. Я слышу лучше, чем вижу. Там должно быть «глаз». Иначе он бы там не работал.

Еще около двух часов я пользовался гостеприимством словоохотливого ар-

тиста. В итоге документ чрезвычайной важности (полный список жен) мною был получен, что увеличило характеристику до трех листов, но главное, чему я до сих пор несказанно рад – то впечатление, которое я вынес после посещения этого искрометного, веселого, щедрого и удивительно светлого человека.

Однажды произошел случай, который заставил кишиневский бомонд активно судачить о гостеприимстве Николая Сулака. Поводом послужила банальная драка.

Подрались, следует отметить, не простые завсегдатаи трапезной рюмочной, а известные, пользующиеся уважением персонажи. Одним из них, как вы уже догадались, был не кто иной, как Народный артист Николай Сулак, а его спарринг-партнером выступил известный поэт, сценарист Андрей Стрымбяну.

Драки как таковой, в привычном смысле этого слова, не было. Николай Сулак при всем желании не мог составить конкуренцию в кулачном бою высокому молодому красавцу Андрею Стрымбяну. Известный поэт в те времена выглядел не хуже Владимира Кличко и не оставлял даже малейших шансов на победу невысокому, толстенькому исполнителю народных песен.

Вспомнить, что послужило поводом для стычки, сейчас уже невозможно, да и нет нужды. Творческий человек всегда найдет возможность продемонстрировать свое несогласие с чужой точкой зрения, сверкнуть оригинальностью собственного мышления, а отсюда и до ссоры недалеко.

В общем, было слово и было действие. Вернее, оскорбление действием. Пострадал в этой схватке, чего и следовало ожидать, Николай Сулак. Творческая элита Кишинева долго и с восторгом обсуждала событие, обрастающее с каждым новым пересказом все более красочными подробностями. Главные действующие лица конфликта, сгорая от стыда, избегали друг друга.

Долго так продолжаться не могло. Не знаю, может быть, более солидный возраст, жизненный опыт или мудрость, но что-то толкнуло Николая взять трубку телефона и позвонить Андрею.

– Андрей... Мы с тобой люди известные. Каждый наш шаг на виду. Стоит ли нам тешить публику? Врагов у каждого из нас предостаточно, и я думаю, что мы не должны давать им повод сплетничать и на каждом углу перемывать нам косточки. Пора заключить мир и положить конец нашей размолвке. Думаю, ты не откажешься купить бутылочку коньяка и завтра к обеду заглянуть ко мне. Стол я накрою по всем правилам.

Андрей Стрымбяну воспринял предложение с радостью. Камень упал с плеч. Спор действительно выеденного яйца не стоил. Просто коньячку выпили на два грамма больше. С кем не бывает. А шумиху-то какую подняли!

На следующий день с бутылочкой «Сюрпирзного» Андрей, не торопясь, спустился от гостиницы «Интурист» по бульвару Негруци. Настроение было приподнятым. Ему хотелось быстрее поставить точку в этой дурацкой истории. Совсем недавно вся республика смаковала подробности криминальной драмы, где его фамилия упоминалась значительно чаще других. И вот снова ...

Андрей тряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания. Все-таки молодец Николай. Как легко он все решил... Надо просто сесть друг против друга и протянуть для рукопожатия руку. Но где-то глубоко в душе еще ютилась тревога: «Я ударил человека, который старше меня... Мало того, уважаемого, широко из-

вестного... Я обязан прямо с порога принести свои извинения, ибо я, безусловно, виноват!»

Не успел Андрей нажать на кнопку звонка, как дверь тут же открылась. Создавалось впечатление, что Николай ожидал визитера, не отходя от двери.

– Андрей... Милости прошу. – Николай, пропуская гостя, отступил в сторонку.

Широкая, доброжелательная улыбка хозяина, богато сервированный стол, вид на который открывался с порога, свидетельствовали об искренности намерений певца, и Андрей шагнул в комнату. В огромной гостиной тихо звучала музыка, остатки тревоги растворились, на душе стало спокойно и тепло. Где-то совсем рядом ударили в колокола...

Когда Андрей пришел в себя, он лежал на полу, а Николай, склоняясь над ним, брызгал ему в лицо холодной водой. В правой руке он держал за длинную деревянную ручку большую чугунную сковороду. Первая мысль, посетившая голову Стрымбяну, была совершенно неожиданной: «Неужели обычная сковорода может так красиво звенеть?» Оказалось, нет. Звон в голове поэта не стихал еще добрых полчаса.

– Жив?.. Ну, слава богу. Помнишь, в какой-то сказке: «Битый небитого везет...»? А у нас «битый» с «битым» будут коньяк пить. Так честнее. Правда? – Николай подошел к столу, поставил на него стакан с водой и сковороду и взял в руки бутылку коньяка. – «Сюрпризный»... Молодец, не пожалел денег. Ну, давай, вставай. Всё остывает.

Открыв бутылку, Сулак принялся разливать коньяк.

Посреди огромной гостиной, на полу, обхватив голову руками, сидел Андрей Стрымбяну, чьи покатые плечи вздрагивали от душившего его смеха.

– Известного поэта, сценариста – сковородой по башке! Где это видано?!

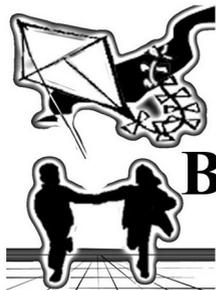
– Да ладно... Не капризничай... Это же не какой-то забулдыга приложил, а Народный артист, всенародный любимец... Гордиться можешь... – Николай с двумя рюмками в руках присел рядом. – А, во-вторых, ты такой здоровый, как бы я мог допрыгнуть? Ну, ладно... Давай... За мир и дружбу.

– За справедливость.

Друзья еще долго смеялись, сидя на полу, в компании с бутылочкой «Сюрпризного». Настроение было хорошим.

На столе неспешно остывали фирменные блюда «от Сулака»...

АНАТОЛИЙ ЛАБУНСКИЙ родился в 1947 году в г. Вена (Австрия) в семье военнослужащего. В 16 лет окончил одиннадцатилетнюю школу под Днепропетровском. В Молдавии с 1965 года. Военную службу проходил на кораблях Черноморского флота. Окончил Кишиневский институт искусств. Работал в учреждениях культуры и искусства г. Кишинева, многие из которых возглавлял (Управление культуры Горисполкома, Дворец культуры профсоюзов, русский драмтеатр им А.П.Чехова). Мастер прикладного искусства, участник международных выставок. Автор книг: «Эстафета без финиша (семейные хроники)», «Смерть Клеопатры (молдавские морские рассказы)», «Звездопад» (рассказы), сборника стихов и пародий. Его произведения вошли в антологии «Современное русское зарубежье» (Москва) и «Кишинев в литературе» (Кишинев). Публиковался в альманахе «Братина» (Москва) и других периодических изданиях. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Взлётная полоса

Мы продолжаем знакомить читателей с творчеством победителей Республиканского литературного молодёжного конкурса «Взлётная полоса» на приз журнала «Русское поле», который провела в 2011 году Ассоциация русских писателей Республики Молдова. Итоги конкурса были подведены в рамках Дней русской литературы и духовности в РМ в октябре.

Сегодня «Русское Поле» представляет Марию Гурскую (2-е место в номинации «Проза») и Игоря Корнилова (3-е место в номинации «Поэзия»).

ИГОРЬ КОРНИЛОВ**ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА****НОЧНЫЕ СТИХИ**

...Я расскажу про ночь, что за окном,
 Про мелкий снег, ту чешую дракона,
 Что сон плетет и в городе большом
 Подобна свету звёздного разлома.
 Про тот фонарь, что ночи господин,
 Про перекресток, светом затемненный.
 Там человек бредет. Устал. Один.
 Совсем один на улице огромной.
 Куда идет? Домой, забыв про сон?
 Иль к фонарю паломничество? Может,
 Его влечет мечты забытый склон,
 Тоска о запредельном сердце гложет?
 Мне кажется, что он – как мы с тобой,
 А жизнь есть путь – в ночи пустом квартале.
 Мы все – одни. Мы ищем путь – Домой.
 Иль – к Фонарю? Иль к Маяка сигналу?..
 Хочу про город зимний написать,
 Оставив на распутье человека.
 Град чешет гребнем снега окон прядь,
 Безмолвный, хмурый, прошлого калека.
 Всё – пряди окон. Пряди из сердец.

Из жизней, судеб, слёз, из расставаний,
 Улыбок, счастья, горя, наконец.
 Там сонмы душ. Без счета и названий.
 За океаном – тоже города.
 Другие страны, окна и закаты.
 И чей-то голос пульсом в проводах
 Кому-то шепчет... что-то... виновато...
 Всё – пряди окон. Даже в пустоте
 Космической, на том конце вселенной
 Какой-то странник ловит снег во мгле
 И город видит – окон звёздных стены...
 ...Усталый путник никнет к фонарю,
 Тот – лишь свеча в косматых прядях ночи.
 Быть может, до утра и я сгорю,
 Расплавлюсь воском – вскользь и между строчек.
 Среди огней, что ночь опять легко
 В клубок смотает, ушлая колдунья,
 Найду ли отблеск? Блиско ль? Далеко?
 На перекрестках сна и полнолуныя?
 А ночь шьет снег. Стежок. Стежок еще.
 Фонарь стал сном, и растворился путник.
 Расплылось сердце. Каплями. Свечой.
 Нет, не слеза, не капля – шарик ртути.

* * *

Потому что испанец душою,
 Я придумал без дна океаны
 И залил их зеленой водою...
 – Там пасутся китов караваны –

Потому что испанец душою,
 Сердце пляшет под небом фламенко,
 Только сердце. Льет жаркой смолою.
 Разбивается солнцем о стенку.

И привык жить я крови томленьем
 Да ее черновласой игрою,
 – Сыплет ночь чрез решетку камня
 Дальних звезд пеленой ледяною –

Потому что испанец душою,
 Я, наверно, похож на Кихота...
 А на этом пожалуй, довольно.
 – В сердце – cedры шипит позолота...

* * *

Не могу ничего я с собою поделать,
 Сколько взрывов в душе разрывало мир в клочья,-
 Неизменно люблю твои голос и тело,
 Силуэт, что застыл в сердце отзвуком ночи.

Я пытался проклясть бред бездумной стихии
 И отречься, бежать. Камнепадом срываясь,
 Я мечты бросил в пропасть: ну и пусть, и Бог с ними,
 Но живу, но люблю, как забыть ни пытаюсь.

Это только болезнь – с ней и жизнь, зов вселенной,
 Это пульс мироздания, в тебе обретенный,
 Это все времена в жгучей точке мгновенной,
 И без крыльев полет, и без них – окрыленный.

Это словно полночное мглы колыханье,
 Разделенность души моей с чьей-то улыбкой.
 Люди? Нет, не найти в них себе оправданья,
 Что люблю тебя, и – не считаю ошибкой.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ВАЛЬС

Город-призрак Венеция тает в заливах,
 Плещешь ты в перекрестках души и небес,
 Пусть мой дух изнурён, пусть он нищ и бессилён,
 Образ твой всё сияет, среди тьмы не исчез.

По каналам течет тень от Марка Святого,
 Истекает во мне эхо ссор и обид,
 Я увидел тебя в отраженьях собора,—
 Вся Венеция – только тобою дрожит.

* * *

Нет, это был не конец,
 только задымленный ужасом холм,
 только судорога сердца, разбившегося о камень.
 только солнце в зрачке мертвой птицы,
 только сон посреди ада снежной зимы.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ***Рафаэль Альберти******ИЗ ЦИКЛА «ОБ АНГЕЛАХ»***(перевод с испанского)***ВЫСЕЛЕНИЕ**

Злые ли ангелы или хорошие, –
не знаю,
забросили тебя в мою душу.

Одинокую душу,
без мебели, без спален,
покинутую...

Неистовые ветра
изломали
стены,
хрупкие, будто листва из стекла.

Сырость. Цепи. Крики.
Шквалы.

Когда ты покинешь дом, –
скажи мне... –
жестокие ангелы
пожелают ли снова
сдать мою душу внаем?

Скажи мне...

ГОЛУБЬ ОШИБСЯ

Голубь ошибся.
Ошибался...

Чтобы прибыть на Север, летел он – на Юг.
Думал, что пшеница была водою.
Ошибался...

***Рафаэль Альберти** (1902–1999) – испанский поэт и драматург XX века, классик новой испанской поэзии. В годы Гражданской войны в Испании (1936–1939) примыкает к республиканцам. После поражения Республики поэт эмигрирует, сначала живёт во Франции, а затем в Аргентине. В 1977 году, после смерти Франко возвращается на родину. Альберти всю свою жизнь был большим другом Советского Союза, трижды приезжал в СССР.

Думал, что море было небом,
И утром – ночь.
Ошибался...

Что звезды – росой,
Что греет – снегопад.
Ошибался...

Что блузкой была юбка твоя,
Что сердце твое – домом ему...
Ошибался...

Засыпал он на берегу,
Ты же – над ним, на ветвях.

АНГЕЛ АНГЕЛОВ

И плескалось море и дало ему – имя.
Фамилию – ветер,
Облака – тело,
И душу – огонь.

А земля – ничего...

Это изменчивое царство,
распластавшееся под орлами,
Не знает его.

И никогда он не напишет,
Что тень его – тень человека.

АНГЕЛ ПЕСКА

Серьезно, море в твоих глазах было двумя детьми, что шпионили за мной,
Они боялись бантов и горьких слов.
Двумя детьми ночи, ужасными, изгнанными из рая,
Чье детство было кражей кораблей и преступлением солнц и лун.
Засни... Закрой глаза...

Смотри, море и вправду было юношей, он прыгал в воду нагим,
Приглашал меня на тарелку из звезд и в спокойствие водорослей,
Да, да! Или моя жизнь только собиралась начаться, или была тем далеким
побережьем,
Ну а ты, просыпавшись, погружала меня в глаза свои.

ВЫЖИВШИЙ АНГЕЛ

Вспомни!
Снег хлестал каплями сургуча и расплавленного свинца.
Прятал девчонку, ту самую, что убила лебедя.
Рука в перчатке. Расточение света. И нежное убийство.
Поражение небес, друг мой!
Вспомни день тот! Вспомни!
И не забывай о подарке, что парализовал пульс и цвет звезд.
В холоде тогда погибли два призрака.
Из-за убитой птицы да трех золотых колец.
Найдены были погребенными в инее.
Последний всхлип человека окровавил ветер.
И ангелы погибли в небесах.
Остался лишь один – раненый, с подрезанными крыльями.

ИГОРЬ КОРНИЛОВ родился в 1992 году в Кишиневе, в семье военного. Детство провел в Санкт-Петербурге. С 1999 года по сегодняшний день живёт в Кишиневе. Студент 1-го курса Славянского университета РМ (кафедра журналистики). Увлечённо пишет стихи, пьесы, малую прозу. Занял 3-е место в Республиканском литературном конкурсе для молодёжи «Взлетная полоса» в номинации «Поэзия» (2011), участник Молодежного дипломатического форума-2011 (Москва).

МАРИЯ ГУРСКАЯ**МЫ?***Земля родилась в полёте
На крапчатых крыльях птицы.***ДЕНЬ ВОСЬМОЙ**

Это был восьмой день. День приятия.

Мы выбежали на пыльную мостовую, чтобы успеть смахнуть последнюю росу с черепичных выступов. Пахло завершённым трудом и сном.

Мы старались вести себя тихо, но сон был так зыбок, что заставлял нас невольно барахтаться в себе. Мы словно становились меньше своих оболочек и толкались изнутри, как плоды чьей-то любви. Чьей именно, думать не хотелось.

Сон обволакивал нас и застывал в виде капель, которые тут же становились больше нас, потому что отражали весь мир. Кто-то проснулся, улыбаясь. Капли скатились и разбрызгали свет. Почувствовался тёплый ветер, но мы не открывали глаз. Подумалось: «Храбрость». А потом: «Приятие». Думать о них вместе не хотелось.

Кто-то внимательно смотрел на нас. Улыбка изменилась. Одновременно стало страшно и захотелось быть честным.

Потом было прикосновение тёплой и влажной руки. Нахлынуло какое-то предчувствие, и мысль задохнулась.

Вдруг мы поняли, что вокруг нестерпимо много света, и прикрытые веки больше не сдерживают его напор. Мне захотелось попросить о чём-то, но я не мог придумать, о чём. Я открыл глаза и невольно выпрямился. Потом улыбнулся. Свет стал мягче и как будто роднее.

Затёкшее тело начало оттаивать – оно было мокрым и гладким, но не противоречило свету. Я ощутил себя больше своего тела, но не почувствовал неудобства.

Тёплая рука, сжимавшая мои пальцы, зашевелилась, и по моему телу прокатилась новая волна изменений. Захотелось оглянуться. Даже не так – взгляд сам очертил круг, вобравший видимые итоги дня.

Сон ушёл. Улыбка расширилась, приняв очертания ночи. В теле открылся вдох, стёрший грань между внутренним и внешним. Мир сконцентрировался и обнаружил себя пульсацией в середине лба.

Я сделал шаг и заплакал. Всё началось сначала.

ТВЕРДЬ

Когда мы убедились, что твердь не уйдёт из-под ног, мы испытали только тишину, но в ней не было радости. Нам казалось, мы знаем, как должно, но ощущение воздушной лестницы, нижние ступени которой мы не смели отпустить, жило где-то в шее, в расслабленных руках. Я чувствовал, что она вырастает из меня, а иногда – что на мне всё заканчивается.

Она теперь всё больше молчала, но я видел: когда она танцует, она на самом деле взлетает по лестнице.

Мы перестали говорить об этом, хотя в наших ртах появилось много новых, необычных на вкус сгустков. Слова были похожи на разноцветные камешки, приносимые прибоем. Но когда думаешь о корабле, они не складываются в его остов, и корабль вновь ускользает. Море уходит за кораблем, вместе с ним из слов уходит жизнь.

Море и воздушная лестница – всё, что есть у нас. Ещё есть твердь, но она не держит. Я решил оставить её и подняться по лестнице. Другие не возражали, и я не стал открываться им. С тех пор как она танцует, у меня появилась слабость в ногах.

Я закрыл глаза и замолчал. Они стали таскать камни – с белёсыми глазницами и упорными лбами. Я ужаснулся. Я сказал им, что мы не сможем унести твердь с собой, что она ненадежна, но они смеялись.

Я понял, что они боятся. Они думали, что смогут догнать корабль, выложив брод из тусклых слов. Но море поглощало их, и корабль уплывал. Тогда они решили заточить лестницу в камень, чтобы у них появилась надежда. Но я видел, что лестница выскальзывает из их рук. В неё они верили еще меньше, чем в твердь. Я испугался, что они потеряют и то, и другое, и хотел сказать им об этом. Но они были уже высоко, и до меня иногда долетали бесцветные камешки их разговоров.

Лестница натянулась, и я почувствовал себя в ладони. Осознал, что давно молчу – так же давно, как она танцует. Вокруг были крики и плач. Впервые за долгое время я снова ощутил цвет их слов. Их разбросало по берегу, и море ластилось к ним рыдающим цветными снами. Глупцы – они думали, что их лишили всего. Они не узнавали друг друга – теперь их сердца издавали разные звуки, глаза звучали ониксом и лазуритом, и они тонули в этом разнообразии. Им оставили лестницу и море, чтобы они нашли друг друга, а они плакали из-за рассыпавшихся камней...

Я хотел взмыть вверх, я слишком долго ждал. Что-то кольнуло. Я обернулся и увидел, что она больше не танцует. Я приблизился, но не смог ничего произнести. Море обступало её, оно было твердью. Я закрыл глаза. Свет расширился и уплотнился.

ЗНАМЕНИЕ

Дары принимают по утрам. Наш зародился перед рассветом, и солнечные блики застали его уже утвердившимся и явным, как всё земное. Мы ждали. Теперь некуда было спешить. Начался дождь, и мы подставляли ему лица, чтобы нас не обошло благословение. Мы знали больше, чем птицы, летевшие с юга. Нам казалось, мы не тела, познавшие радость отсутствия, а тонкая изменяющаяся материя, набухшая от дневной росы.

В лицах людей мы не увидели спокойствия. Они думали, что пришли наказывать. Мы не могли им сказать про дар и просто улыбались нараставшему дню. Казалось, что ночи больше не будет.

Они не заметили нас. Их внимание привлекли наши тела. Они пытались поднять их, но в руках оставалась только сладковатая вода, щекочущая собакам нюх. Те первыми убедились в бессмысленности их намерений и по-ребячьи гонялись

друг за другом. Нам был понятен их восторг, но мы не стали показывать виду. Мы прижали дар к сердцу и растворились в течении. Я приоткрыл на мгновение глаза, чтобы запомнить цвет неба. С неба смотрел

P.S. Время закончилось, но мне дали отсрочку, чтобы я мог дописать. Теперь мы собираемся в путешествие, о котором знаем только то, что оно уже началось.

Да, всё завершилось вничью. Просто им важно было думать, что они не проиграли. Хотя, когда некоторые из них смотрят назад, они не жалеют ни о чем. Победителей не судят, им вытирают слёзы.

ПРЫЖОК

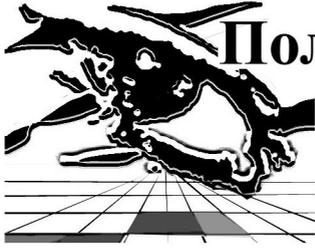
Интересно, какого цвета было бы небо, если бы в нем не отражалось море?

Море – это поступок. Это решение о том, что ты больше не имеешь права сомневаться в божественной милости. Это такая открытость, при которой ты, как в состоянии сна, чувствуешь, как город вливается в тебя и начинает жить внутри – сумеречный, преображенный. И ты отталкиваешься от внутренних берегов и несешься ему навстречу. Скорость – плотность – обтекание – притяжение – прыжок!

Прыжок – это высшая форма доверия. Это сшивание неба и моря воедино смелым стежком. Ты игла и одновременно парус, ты сжимаешься до точки и рассеиваешься, как метеоритная крошка в пространстве скорости и тишины. Ты есть, и это гораздо больше, чем просто ты. Это ощущаешь кожей, чувствуя прикосновения города, который иногда выпускаешь из объятий, чтобы он мог обогнать тебя.

Море по-матерински молчаливо и целиком состоит из зеленых рыбьих глаз. Порой кажется, что всем этим рыбам не по себе, и тогда море приглушенно шумит. Ты ныряешь в закат (скорость – плотность – обтекание – притяжение – прыжок!) и плывешь навстречу солнцу, закрывая глаза, чтобы увидеть, что изнутри они похожи на гладкие розовые раковины. Иногда можно увидеть одну из ненаписанных картин Матисса. Потому что, когда море в тебе, ты начинаешь чувствовать то, что еще не создано. В конечном счете, это так же естественно, как верить.

Сентябрь 2011

Поле зрения

НИКОЛАЙ САВОСТИН

ПРАВИЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЦА*, или КОГДА ЖИЛ Я

Лирическая хроника

«На утлой ладье возвращается в гавань старик».

Ф. Шиллер

ГРИМАСЫ ВРЕМЕНИ

В Москве, на совещании в Союзе писателей по военно-художественной литературе встретился один поэт, с которым я познакомился случайно и к тому времени не видел лет десять, а то и больше. Хотя единственное общение наше было недолгим, мы сразу узнали друг друга. Это был Виктор Урин. В 1956-м году во время его автопробега на «Победе» Москва-Владивосток, проезжая Читу, он зашел в нашу редакцию «Забайкальский рабочий», где я ведал культурой. Этот автопробег широко освещался в печати и на радио, так что Урин был известен. Предложил свои стихи и попросил сразу заплатить гонорар, так как на другой день отправлялся дальше. Я уговорил редактора сделать это, хотя подобного прецедента у нас, пожалуй, не наблюдалось. Стихи его были о Сталинграде, о Волге. Я знал по его стихам, что он фронтовик, и у нас нашлись общие темы для разговора. Его мы продолжили в жалкой забегаловке рядом с редакцией, где подавали мутный, чудовищно непотребный портвейн «Агдам». Виктор был старше меня года на два, и я относился к нему с соответственным почтением. Присмотрелся, ну, мужик и мужик, видно пьющий, склонный к эпатажу, жесты размашистые. Между прочим, спросил, какая у нас тут большая река, и я ответил: Ингода, Шилка, Онон, Аргунь. Тут он предложил: если редактор захочет предложенные стихи «привязать» к Забайкалью, можно поставить, скажем, Аргунь или Онон вместо Волги. Я его успокоил, оставим Волгу, мы любим ее не меньше жителей европейской части страны.

После его отъезда я прочитал попавшиеся под руку его книжки. И вот на этом совещании неожиданно встретились, словно старые приятели...

Он был очень разговорчив, непрестанно что-нибудь рассказывал, сидя рядом, подчас мешая слушать, что говорилось с трибуны. А речи были довольно острые. Подступала та пора, которую мы увидели в «лихие девяностые».

* Продолжение. Нач. см. «РП» №1, 2010, №2(4), 2011

Участников конференции пригласили в Звездный городок на встречу с космонавтами, и мы с Виктором оказались лишь двумя гражданскими среди нескольких военных литераторов в полупустом армейском микроавтобусе, направлявшемся в составе группы машин в Звездный. Все были слегка навеселе, громко разговаривали. Урин рассказывал мне о том, как недавно, 9 Мая, выпросив накануне в Театре Советской армии напрокат красноармейскую форму 1941 года и облачившись в нее, пошел через всю Москву в Центральный Дом литераторов, чтобы отметить День Победы в том обличии, в каком находился в начале войны.

– Все встречные оглядывались на меня. Понимаешь, все при мне. Гимнастерка с петлицами вместо погон, пилотка, сапоги-кирзачи, алюминиевая фляжка, даже на поясе малая саперная лопатка в брезентовом чехле...

Тут один из молодых генералов, сидевший с друзьями напротив нас и с интересом прислушивавшийся к нашему разговору, прервал поэта:

– Ошибаетесь, не малая саперная лопатка, а шанцевый инструмент. Так это называется.

Урина это замечание почему-то взбесило:

– Я сказал: малая саперная лопатка! Я знаю, что говорю!

– А я говорю: шанцевый инструмент, – с неким покровительственно-начальническим тоном настаивал генерал.

– Да кто ты такой, что ты понимаешь?!

– Я генерал саперных войск, – ответил тот уже немного раздраженно.

Тут Урин уже вышел из себя:

– А я маршал поэзии!!!

Все притихли. Но спустя минуту-другую все так же неожиданно успокоились, продолжали свои разговоры, будто и не было этой вспышки...

Позже, во время редких случайных встреч, я шутливо обращался к нему: «Маршал».

Несколько лет назад, будучи в Нью-Йорке, узнал от знакомых тамошних литераторов, что Урин не так давно умер... Симпатичная блондинка, поэтесса Маргарита Чичина, подарила мне большой, почти в триста страниц поэтический сборник «Нам не дано предугадать...», изданный очень культурно, где собраны стихи русскоязычных поэтов Северной Америки и частично других стран. Хорошая бумага, отличная печать. Урин в ней уже отсутствует...

Мне хотелось узнать, как ему жилось в этом городе. Ведь у нас он был довольно заметной, колоритной, своего рода экзотической фигурой. Достаточно сказать, что он, например, однажды разложил костер на полу собственной квартиры, за что был то ли оштрафован, то ли даже посажен на десять суток. Но никто не мог ничего сказать. И вот недавно в интернете наткнулся на заметку некой Большаковой Нины «Бесплатное погребение». Она рассказывает о том, как встретила с ним на творческом вечере Евгения Евтушенко. Цитирую: «Дети русской эмиграции по-русски если и говорят, то не читают, и интереса к русской литературе не испытывают». Восторженная поклонница Евтушенко, она «купила компакт-диск с его стихами в авторском исполнении и подошла за автографом. Выразила свое восхищение и попросила подписать бумажный вкладыш. «А вы за это заплатили?» – спросил Евтушенко. «Да, конечно», – ответила я, и поэт подписал. Мы подошли к выходу, и тут я увидела: у барьера, отделяющего часть помещения, стоит худой старик и держит в руках пачку бумаг, по виду листовок. Он

предлагает их проходящей публике, без особого успеха. Я подошла, хотела взять у него листок – жалко мне этих бедных раздавателей бесплатных рекламных листовок, всегда беру, даже если на китайском, – человек ведь за копейки работает! И так, хочу взять у него листок, а он не дает – доллар требует! Я посмотрела на листок, там напечатаны стихи лестницей и стоит фамилия – Урин».

Дальше Большакова сообщает: «Случайно набрела на сайт Еврейского Общества Бесплатного Погребения – оно хоронит бедных евреев, у которых нет денег заплатить за собственные похороны, и нет родственников, желающих это сделать... И вот на этом сайте я нашла имя поэта Виктора Урина среди знаменитых эмигрантов, которых похоронило это общество... Там он и спит вечным сном на острове в океане и бормочет стихи во сне:

*Научите людей быть добрыми,
Научите слова быть нежными,
Поцелуи пусть будут долгими,
Обожанья пусть будут грешными».*

Мне трудно представить высокомерно-заносчивого Урина таким, каким он описан Большаковой. «Маршал поэзии», похороненный благотворительным обществом. Блок писал: поэт не должен ничего иметь, так надо! Художнику-поэту любого уровня так написано на роду.

СУП ИЗ МИКРООРГАНИЗМОВ

Как давно я живу. Трудно поверить, что знал, а с некоторыми дружил, – тех, кто общался с Львом Толстым, Лениным, Маяковским, Велемиром Хлебниковым. У меня дома, к примеру, бывал один из сотрудников Сталина. Игорь Сергеевич Черноуцан, консультант по литературе соответствующего отдела ЦК сталинских времен. Он с женой – Маргаритой Алигер приезжал на дни советской литературы, проводившиеся у нас в Молдавии. Они были и моими гостями, так как с Маргаритой Иосифовной мы были дружески расположены еще с пятидесятих годов, когда ее статьей обо мне была открыта в «Литературной газете» рубрика «Доброго пути», просуществовавшая не одно десятилетие и давшая напутствие многим поэтам. Оказалось, Игорь Сергеевич родился в нашем крае, в Бендерах. Его отец был настоятелем тамошнего собора, там, во дворе собора и похоронен. Мы съездили на могилу.

Среди прочего, Игорь Сергеевич рассказывал, что когда его представили вождю как будущего консультанта по литературе и тот, выслушав, согласно кивнул головой, он вставил: «Товарищ Сталин, имейте в виду, что мой отец был священником». Иосиф Виссарионович заметил: «Что же тут удивительного. Я и сам мог стать священником».

Директором областного издательства в Чите, в котором я выпустил свою первую книжечку, была Анда Дрейзеншток, в юности работавшая в секретариате Ленина. Есть у меня снимок участников читинской писательской конференции 1949 года, участником которой был и я: там, в первом ряду, среди главных лиц – секретарь обкома, московские писатели – сидит и она. Между прочим, в самом последнем ряду чуть виднеется будущий руководитель Союза писателей СССР, дважды Герой Социалистического Труда, бывший мой армейский сослуживец Георгий Марков, а также тогда еще малоизвестный стихотворец, в будущем один из

любимцев молодежи Юрий Левитанский. О Дрейзеншток я ничего не могу рассказать интересного, просто даже мимолетное общение с ней оставляло в твоей душе ощущение причастности к чему-то исторически значимому... Непонятный, таинственный, но ощутимый ток, веяние мощных времен излучали эти люди.

Зиму 1957 года, я провел в доме творчества Голицино, очень небольшом, всего человек на двенадцать, и населенном в основном стариками. Одним из соседей оказался Николай Николаевич Гусев, секретарь Льва Николаевича Толстого последних лет. Старички, в том числе и он, искали собеседника-слушателя, и самым подходящим был я, единственный представитель молодого поколения. И для меня через разговоры с Гусевым Лев Николаевич как бы очеловечился, если допустимо такое выражение, – читаю его и как бы слышу его живой голос. Словно каменный памятник внезапно обрел земную плоть...

Много интересного рассказывала мне тогда Рита Яковлевна Райт-Ковалева, близко знавшая Владимира Маяковского, «будетлянина» Велимира Хлебникова, встречавшаяся с почти теперь забытым главой немецких коммунистов Эрнстом Тельманом. Она была известна как великолепный переводчик, в частности, еще при жизни Маяковского перевела на немецкий его «Мистерию Буфф» (пьеса была поставлена по-немецки для делегатов международной конференции), перевела роман «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера, а также написала немало, в частности, книгу о Роберте Бернсе, выходящую не раз в серии «Жизнь замечательных людей». Надо ли говорить, как «питательны» были все эти разговоры со стариками. Как по-особенному, в ярких деталях открывалось великое прошлое наше, которое и тогда искажалось, ну а теперь вообще представляется фантасмагорией. Особенно тронул меня ее рассказ про то, как ее с Велимиром Хлебниковым пригласил к себе на дачу один процветающий писатель, и когда они приехали, он, не накормив их, отправил спать на сеновал. И они с Хлебниковым, голодные, сидели над зарастающим прудом, мечтая о куске хлеба. Великий «будетлянин», сидевший в глубокой задумчивости, глядя на отражавшуюся в воде луну, наконец произнес серьезным тоном: «Рита, давай сварим суп из микроорганизмов». Так близко я увидел голодного бедного поэта, который, по словам его стихотворения, «собирал урожай числа кривым серпом памяти»...

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

В прежние времена был у нас один старый сочинитель, так сказать, «назначенный» в классики, его творчество некоторое время даже изучали в школе. Мне пришлось однажды с руководителями Союза писателей навестить его, когда тот захворал. Как говорится, «от имени и по поручению» вручили ему какие-то подарки. А он жалуется, что плохо стоит его кровать: мало света, далеко от окна. Так в чем же дело? – удивились мы. – Давайте переставим ее удобней. «Классик» горько ухмыльнулся: «Не могу допустить такого. Ведь все здесь уже принадлежит не нам, а истории!». Он наставительно поднял палец, весь вид его говорил: какие вы наивные детишки!

ПРОПАВШЕЕ СЛОВО

...Расстроила сушая безделица: работая над переводом, хотел узнать, как правильно пишется одно слово, а в словаре его не оказалось, только и всего. А досада засела надолго. Слово очень простое – «ангел». И не нашел я его в русско-молдавском словаре, изданном в начале девяностых в Кишиневе издательством «Логос» (Главная редакция Молдавской энциклопедии). Даже не поверил своим глазам, веду пальцем по странице: «английский», «англичанин», «анекдот»... «анкета». А нужного слова нет. Кстати сказать, в словаре русского языка, выпущенного за десятилетие до этого (в годы застоя) Академией наук СССР, этому слову дано три сравнительно развернутых определения, и вдобавок трактуются родственные понятия: «ангелочек» и «ангельский». Видимо, молдавские лексикологи были впереди планеты всей в вопросах атеизма.

По-человечески очень жаль потерять это слово. Если со словом «Бог» может ассоциироваться и что-то грозное, карающее, гневное, обещающее страшный суд, то ангел – воплощение доброты, идеальный образ милосердия, сострадания. Вот это обстоятельство и насторожило наших идеологов того времени. И слово «ангел» показалось особо опасным: расслабляет, отвлекает от борьбы. Надо сказать, молдавские идеологи тех лет были самые бдительные, самые придирчивые, самые агрессивные в стране. И то, что ангел не нашел себе места в словаре – это осколочек той практики, которая и вызвала ответную реакцию, – известное напряжение даже в национальных отношениях.

Как-то мы разговорились в задушевной беседе с поэтом Сергеем Наровчатовым об окопной жизни, о фронтовых товарищах, о духовной атмосфере той поры (он прошел и финскую кампанию, и Великую Отечественную, был ранен). На мой вопрос, как он переносил бомбежки, артиллерийские налеты, Сергей Сергеевич, будучи убежденным коммунистом, работавший на ответственных постах, не, задумываясь, ответил: «А я читал про себя Лермонтова: «По небу полуночи ангел летел И тихую песню он пел...». Знаешь, ангел помогал»...

Люблю и я это стихотворение. Оно и в мирное время целительно.

Ангел пролетел...

ЖЕНА

Ехал на велосипеде с купания через дубраву, которую в деревне зовут Похарыла (от русского Погорелое). Было чудное июльское утро, со звоном и пением всевозможных пернатых и крылатых, с росной влагой на травах и листве, с туманцем в низине. Ехал, еще не обсохший после купания, поглощенный невеселыми своими мыслями, своим неожиданным сиротством, к которому никак не хватало сил привыкнуть, и не сразу обратил внимание, что меня все время сопровождает стайка маленьких птичек, похожих на недоразвитых сорок, не знаю, как их называют. Очень милые птички: обгонят меня стайкой, покружатся вокруг, словно миролюбивые пчелы, а одна из них залетит вперед, сядет на тропинку, ждет, когда я подъеду, потом взлетит, отдалится на полсотни метров, опять поджидает меня, потом проделывает то же...

И тут меня осенило – да это же душа Анны меня сопровождает!

Как с ней заговоришь?.. И все время потом из головы не выходила эта птич-

ка, вызывая какое-то нежное чувство, вроде бы обновления, перехода в какую-то иную плоскость бытия. Словно бы она мне говорила: разве не видишь, какая иная бесплотно-счастливая жизнь может существовать, без забот, без всяческих страхов и твоего столь обязательного долга. Смотри, я лечу к тебе, я думаю о тебе, я забочусь о твоём душевном спокойствии. Главное – не трусь... И какое счастье летать вот так беззаботно, то есть – с единственной заботой о тебе, глупом, неустроенном, несчастном, полном всяческих земных забот. Ведь ничего человеку вообще-то не надо... Следует вот так летать, любить это небо, этот лес, который ты так нахально называешь русским словом «дубрава», и все-все окружающее, всю эту равнодушную природу, как заметил в подобном случае Пушкин...

Я ехал не торопясь, чуя тяжесть своего брэнного тела. И вроде бы с каким-то облегчением понял причину неосознанной боли в груди – так привычно ноет застуженная рука или нога – это саднило непреодолимое одиночество. И сразу вроде бы стало вокруг ясней, а внутри не так ознобно. Боже, как я ничтожен по сравнению с этой безымянной (для меня!) птичкой! Как плотски жалок... В то же время я видел, видел, как прекрасна, осмысленна и вся природа, и одна эта птаха, наделенная чутким сердцем, имя которой я не знаю, хотя и слыву энциклопедистом.

СТРЕЛА

Летним утром на берегу Байкала я проснулся в спальном мешке, озябнув от ледяного веяния. Я и не ожидал такого холода. Неохотно высунул голову – ничего не видать, непроглядный туман. Мои спутники спали, кто, завернувшись в старое одеяло, кто, укрывшись телогрейкой. Мы выехали на Байкал из Улан-Удэ утром, уже грозившим зноем, и ночевать здесь прямо на прибрежном песке соблазнились необычайной красотой окружающей природы. Спальный мешок мне пожертвовал живущий в фанерной хибаре одинокий рыбак, великодушно принявший нас, угостившей знаменитым омулем «на рожне», то есть зажаренным надетым на колышек над костром. Был воскресный день, и все остальные из его бригады отправилась по домам.

Мои спутники, сотрудники бурятского журнала «Байкал», у которых я гостил, были привычны, и утренний холод не разбудил их. Местный многообещающий молодой поэт Толя Щитов так вообще спал без какой-нибудь подстилки, в расстегнутой рубашке, хотя от Байкала тянуло ледниковым холодом... Закаленный.

Я долго лежал в тишине, испытывая странную отрешенность, окруженный живым дыханием клубящейся молочной мглы. Внезапно поднял глаза вверх и обомлел пораженный. В небольшом просвете надо мной синело ясное небо, и на нем высоко-высоко замерла в полете с высоты стрела с зеленым опереньем. Лишь минуту спустя убедился, что это обыкновенная сосенка. Но как она оказалась вверху, летящей с неба? Прямо надо мной? Чудо, да и только. Загадка.

А все оказалось просто, когда рассеялся туман. Над нами вознеслась высооченная скала, на которую днем я не обратил внимания, замороженный дивами Байкала, его простором, необыкновенным озонным воздухом, заросшими сосняком да ельником сопками. На вершине этого утеса, с самого краешка росла, слегка наклонившись к морю-озеру, – молодая сосенка. Действительно, напоминала

стрелу, пущенную с небес. Как-то по-новому воспринималось все окружающее. Может, и мы сами оттуда, с неба.

Многое важное забылось, а эта сосенка все еще летит надо мной, напоминая ушедшее время, ушедших друзей той поры.

Ах, как это было давно. И как легко верилось в чудеса...

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Мое сибирское детство пахло новостройкой. Когда я шел из школы домой, на окраину села Кабухай, раскинувшегося над рекой Онон у самой границы с Монголией, – скипидарно-смолистый, хвойный, чащобный дух свежих сосновых досок, тяжелый запахок бетона, приятная вонь разогретой смолы, пресный аромат известкового раствора – все это сливалось в волнующее благовоние и становилось все отчетливей. За нашей избой, срубленной наскоро, с лихостью мастеров, отвлеченных от большой работы как бы на перекур, на игрушечную забаву, – возвышались в основном деревянные сооружения под мастерские, а также для хранения техники первой в районе машинно-тракторной станции. Тогда только входило в обиход это понятие МТС. И это было хозяйство моего отца – Сергея Демьяновича – прораба... Помнится, как сюда приехал первый трактор – голенастый ХТЗ, собрав громадную толпу любопытных.

Работа занимала отца очень. В нашей избе по вечерам чаще всего велись разговоры о стройке. О тесе, горбыле, других сортах лесоматериалов. Об извести, гвоздях, цементе, гудроне, дегте (им намазывали нижнюю часть свай, чтобы не гнили в земле). О шифере, кирпиче, жести, красках, олифе и так далее.

Самая впечатляющая для меня картина тех лет – работающие пильщики, изготавливающие доски. Это, на мой взгляд, был герб, эмблема, опознавательный знак эпохи. Я нередко любовался этими двумя мускулистыми мужиками, тела которых были мокры от пота. Один из них стоял сверху простого сооружения из четырех стояков, на поперечинах которых закреплялось очищенное от коры бревно, другой – внизу, их соединяла длинная, в несколько лезвий пила. Это видение меня сопровождает поныне. Много лет назад я не выдержал искушения и написал вот это:

*На бревне и снизу –
двое
На концах одной пилы.
Пильщики – в поту от зноя,
Доски – в капельках смолы.
Вспоминается из мира
Давних детских полуснов,
Как игрушка на шарнирах,
Эта пара мужиков.
Оголенные по пояс,
Пилят,
А за их спиной
Край гудит, дымя и строясь,
Перед самую войной.
Лад характеров и силы.*

Верхний, закрепив бревно,
 Загоняет клин в распилы,
 Чтоб не вязло полотно.
 Звук пилы, сперва невнятный,
 Выше и нежней к концу.
 И струею ароматной
 Бьют опилки по лицу.
 Жизнь, на прихоти скупая,
 Бесконечна и ровна,
 Коль идешь, переступая
 За пилюю вдоль бревна.
 С самодельной папироской
 Редко делали привал.
 Рядом с ними к свежим доскам
 Я нередко прилипал.
 Красота их и терпенье
 Мне видней через года
 Над различной дребеденью,
 Заслонявшей их тогда.

Вот эта картина во мне живет, обозначая становой хребет того времени... Когда бывает неумоги то нести выпавшую на мою долю ношу, на память приходит эта картина. И ты вновь движешься, медленно-медленно, как бы «за пилюю вдоль бревна»...

КЭПСИЕ

Европеец думает в основном о здоровье. Встречаясь, он желает здоровья, ему ответно желают того же – в разной форме: здравствуй, здравия желаю, здоровеньки булы и т.д. Вообще, встречный желает тебе добра: добрый день, доброе утро. Или мира: салам алейкум, шолом алейхем. Теперь чаще употребляют словечко «Привет!»

А вот в Якутии меня просто изумили приветствием. Встречный якут, вынув трубку из уст, приветливо кланяется тебе: «Кэпсие». Я думал, что это аналог обычному нашему «здравствуй». Когда же попросил друга, местного аборигена, перевести, что это значит, то очень удивился и долго размышлял над этой психологической причудой. Оказывается, это значит буквально «Рассказывай!»

Интересно, как бы к тебе отнесся друг-товарищ, если бы ты, встретив его после разлуки, вместо приветствия нетерпеливо бросил бы это слово? Вот тебе раз, ни привета, ни доброго пожелания, а давай сразу повествуй о том, что видел, что слышал, что думаешь, что там на свете происходит... Но через некоторое время, поразмыслив, понял это нетерпение человека, живущего на просторе в приблизительно третью часть Европы, а населенном менее чем миллионом человек. Встречаются на твоём пути по тайге люди редко-редко. А жажда знать обо всем на свете велика. Вот и нетерпеливо приветствуешь встречного: «Рассказывай!»

Изначально с этого, видимо, начиналась литература.

Рассказывай!

ДУРАЧОК

Перевидал дураков на веку!.. Самых различных. И даже чиновных. Знал одного командира полка, при речах которого окружающие стыдливо прятали глаза из-за непроходимой дикости и несурзности его речей.

Встречалось немало и злых дураков-идиотов, мужичков себе на уме, жадных, наглых, бессовестных.

А этого звали ласково: дурачок, заметьте, не дурак! Он был бы очень красив (ладный, стройный, румяный, голубоглазый) – если бы не болезненная медлительность, не некая отталкивающая неряшливость, не влажные коросточки в углах губ, не отвратительное шмыгание сопливым носом, когда эта гримаса делает физиономию отталкивающе-безобразной. Он словно изнемогал под тяжелой думой – соображал тяжело-тяжело.

Служил он в нашей роте запасного полка, где мы, только что призванные в армию, проходили подготовку одиночного бойца, чтобы через три месяца отправиться на фронт. Кажется, его потом все же отчислили из армии, во всяком случае, во время принятия присяги 1 Мая 1944 года я его в нашем полку уже не видел.

А запомнился он мне своими воистину запредельными вопросами. Однажды на политзанятиях, когда речь шла о гордости за свою родину, когда политрук внушал нам, как она велика – одна шестая суши всего земного шара! – дурачок с невинно-ангельским видом поднял руку. «Чего тебе?» «Вопрос можно? Ведь и они могут сказать, что их родина самая большая». «Кто – они?» – насупился политрук. «Ну, эти... враги... наши. И они своим солдатам скажут, что их страна занимает одну шестую часть света». Бедный политрук не знал, что дурачок не может мыслить логически, что объективные истины для него не существуют, и начал ссылаться на точные понятия, сыпал цифрами, водил указкой по карте. А дурачок в ответ на вопрос: «Ну, теперь понял?», грустно-виновато улыбнулся: «Но у них же свои карты! И на карте можно нарисовать все, что хочется!»

И сколько ни воспалялся политрук, наш дурачок, потупив белесую голову, бубнил: «Напечатать можно другие цифры... У них выходит, наверное, то же самое, что их земля одна шестая суши...»

Больше всего он умилил всех на стрельбище. Нажимая на спусковой крючок, он всякий раз резко опускал голову, словно стараясь спрятать ее под себя. «Чего ты прячешь голову?!» – ярился помкомвзвода. «Дык, чтобы пуля не попала в затылок». «А почему она должна попасть в твой затылок?!» «Вы же сами на доске рисовали траекторию. Такая дуга получается. А если ее продолжить...» «Что, кого продолжить?» «Да эту самую... траекторию... Получится круг... И пуля вернется в то место, откуда пущена...»

Помкомвзвода даже растерялся. Дурачок, что с него возьмешь?! «Это я начертил в вертикальной плоскости дугу эту!.. Понимаешь, вот так пуля полетит вверх, а потом снизит эту... траекторию чертову... И упадет на землю...» После затруднительного молчания дурачок, простодушно улыбаясь, подвел итог: «Это вы так говорите. А на самом деле, может быть, пуля вот так летит, – он очертил над головой круг, – над землей? А? Облетит круг, и мне в затылок...»

С годами я, вспоминая его, думаю, что он был не так уж глуп. Скорее обладал поэтическим мышлением... Ведь это здорово сказано: пуля, пущенная тобой, прилетит тебе же в затылок...

КОТЛЕТА ПО ПЯТНИЦАМ

Уходит из памяти, бывает, большое событие, а запоминается подчас какая-нибудь мелочь. Вот, к примеру, эта котлета. Я ее помню совершенно отчетливо через пять с половиной десятилетий. Прошли и ничего почти не оставили в памяти некоторые громадные сдвиги истории – так, голое русло когда-то бурно мчавшегося потока с овальными валунами, с галечными наслоениями, хранящими следы завихрений течения. С другой стороны, эта котлета своеобразный исторический символ. Если хотите – поучительный пример опыта человечности. Да, да. Она мне много говорит.

Нашему поколению пришлось пережить не один голод. Помню, как в начале тридцатых почти полностью вымерло наше село Тетеревино на Белгородщине. В ту зиму через него бесконечным потоком двигались голодающие с Украины, многие падали и замерзали прямо на дороге, трупы складывали во дворе раскулаченного мужика по фамилии Леонов, жившего напротив нас. Так врезалась в память та пора, что хотя мне шел всего пятый год, а вот даже фамилию этого нашего соседа до сих пор помню. Мучительная картина: ночь, в хате холодина, я просыпаюсь, укрытый на лавке, при свете чадающей лампы надо мной молится высохшая, словно мумия, мать, улавливаю слова: «Господи, прибери сыночка раньше меня, чтобы не мучился без меня один-одинешенек». Так что проблема питания все те годы была нешуточная. А тут война. В запасном полку нас, семнадцатилетних истощенных новобранцев, зимой с сорок третьего на сорок четвертый кормили так скудно и плохо, что вынуждены были образовать особый батальон «выздоровливающих», то есть не способных от истощения выполнять службу. Там было «дополнительное питание» в виде отвара из хвои. Я видел их – Боже, какие это были скелетоподобные парнишки, изъеденные вдобавок чесоткой. Интенданты крали, как могли.

И вот после запасного я оказался в учебном танковом полку в поселке Песчанка под Читой. И тут оказалось, что той нормы, что нам полагалось, если из нее не красть, да если навести порядок в столовой, чтобы было чисто, чтобы готовили вкусно, – худо-бедно хватает солдату. Конечно, в таком возрасте аппетит вообще неутолимый. Но все же.

Командовал полком капитан Мельников, после тяжелейшего ранения и контузии у него были припадки эпилепсии. Его хотели уволить из армии, но он добился своего и вот пришел в наш полк. Худущий, сутулый, с поджатыми губами, хмурый. Однажды во время развода караула, на котором он присутствовал, одетый в темно-серую танкистскую еще довоенную шинель, с ним случился припадок: он рухнул, забился в судорогах, в углах губ выступила пена... Худущий, болезненный, но неизменно бодрящийся. Даже во время припадка, в беспамятстве, он, казалось, делал невероятные усилия унять конвульсии, чтобы не осрамиться перед подчиненными. Его тут же унесли.

Наш полк – это целая академия танкового искусства, офицеры и сержанты-сверхсрочники были еще до войны подобраны один к одному, все очень знающие специалисты. Они всеми способами рвались на фронт, писали Верховному – не удержат. У каждого была семья, на нее положенного пайка, конечно же, не хватало. Первое, что сделал новый командир, это собрал стариков поселка, предложил им создать рыболовецкую бригаду – рядом речка Ингода, очень рыбная. Старики, которым выдавали кое-что из списанной амуниции, понемногу керосину для

ламп (его негде было ни купить, ни украсть), еще кое-что, охотно взялись за дело. Рыба появилась на столах офицерских семей, что ободрило наших командиров-преподавателей. А нам, солдатам, каждую пятницу в дополнение к ужину подавали по рыбной котлете. Она была очень вкусной. Конечно, небольшая добавка, но, главное, впервые за всю войну я почувствовал, как и мои сослуживцы, что хоть кому-то, хоть одному из старших есть до нас дело. Ведь все время только казенщина, только команда, только окрик, только должен, должен, да еще обязан... Это очень много значит (и не только в армии), когда чувствуешь, что о тебе кто-то хоть капельку заботится, что кому-то ты дорог. И сил прибавляется – они удваиваются. И теплей вроде становится на морозе. И на душе уютней. Что там разговоры о сострадании и милосердии без изобретательного и деятельного участия?! Так, подачка. Эта котлетка по пятницам до сих пор греет мое сердце и не дает ходу безнадежности, неверию.

...Мы, к тому времени уже привыкшие к потере товарищей, непритворно горевали, когда Мельников неожиданно, что называется, прямо на ходу, проверяя готовность машин в парке, наклонившись к неисправному аккумулятору, вдруг упал замертво.

Сколько грехов ему простилось, каким чистым он предстал перед Всевышним – за ту прозаическую котлету, которую вскоре после его ухода перестали нам давать по пятницам, так как рыболовецкую бригаду распустили как незаконную.

САМЫЙ СЛАДКИЙ АРБУЗ

По контрасту с нынешней серостью будней перед глазами часто возникает одно видение кишиневского базара, заваленного овощами, фруктами, арбузами, – тогда сказочно дешевыми. Среди толпы вижу шагающего навстречу броско одетого Эмиля Лотяну. Он картинно выступает, держа над правым плечом руку с небольшим арбузиком на ладони. И напоминает атлета, готовящегося толкнуть чугунное ядро.

Давно не встречались: он был в отъезде, в Америке, где снимал свою «Анну Павлову». Еще в самом начале шестидесятых мы познакомились на просмотре какого-то фильма, потом долго работали рядом на студии «Молдова-фильм», общались на всевозможных поэтических дискуссиях в Союзе писателей.

Вспоминаю, какие горячие споры, какие бури возникали порой из-за сущей чепухи. Как все были увлечены! И какие заметные кинокартины выходили в нашей студии – «Колыбельная», «Человек идет за солнцем», «Горькие зерна», «Последний месяц осени»... Вспоминается, как снималась первая лента Лотяну, окрашенная в романтические тона революции, – «Ждите нас на рассвете». Во время съемок, обсуждая отснятое, шутили: «Жрите нас на рассвете». С такой действительно всепожирающей страстью двигалось дело. Мне приходилось по службе, а то и просто из интереса, приезжать к нему на съемки.

В те времена Лотяну был как-то театрально возбужден, картинно экзальтирован, делал непривычные в обиходе жесты. Замечательная художница Валентина Руссу-Чобану изумительно точно выявила характер Эмиля. Изобразила его в непривычно ярком костюме среди как бы сдвинутого невидимым вихрем интерьера – открытое лицо любознательного мальчишки с широко открытыми, жадно вбирающими в себя окружающее глазами. Может быть, он отдаленно

походил в представлении художницы на своеобразного арлекина с неизбывной грустинкой во взоре...

Таков он был и в этот час – в огненно-желтой тенниске, голубых брюках, заморских замшевых изысканно-сероватых туфлях. Ни на кого из окружающих не похожий. Мне показалось, что за легкой наигранностью и слегка патетическими жестами он прячет смущение, ранимость, сомнение в своих возможностях: все это так свойственно почти каждому истинному художнику. Хотя я не разделял его художественного стиля и манеры, о чем сразу ему откровенно признался, мы дружили, любили, встретившись, вдоволь поговорить. А толковать с ним было очень интересно: он много знал, у него был оригинальный взгляд на вещи, он иначе, чем я, видел окружающее и иначе судил о многом. Между прочим, он все время намеревался снять фильм по книге какого-то (не помню) английского классика и намеревался взять меня на роль стареющего лорда: «Посмотришь, получится как надо. У лордов физиономии очень даже простонародные. Ты не обратил внимания. Ну, хотя бы по телевидению или в кино». Что вызывало у меня усмешку...

Во время этой встречи на базаре мы припомнили, как в середине шестидесятых он рассказывал мне о съемках Сергея Бондарчука, затеявшего воплотить в кино «Войну и мир», на которых Лотяну побывал. Бережно достав из бумажника кусочки широкоформатной пленки, с обычной возбужденностью он стал горячо объяснять новаторство этого режиссера при съемках батальных сцен и подарил мне кусок пленки с кадрами разворачивающейся пехоты...

В те дни «Советская культура» поместила его пространную и дельную статью, где он затрагивал большие и почти неразрешимые вопросы жизни и искусства (кстати, они сегодня сделались еще острее). Среди толчеи базара мы толкуем о тончайшем веществе поэзии, которое так или иначе придется добывать художникам, платят за это или нет. По правде сказать, именно это место – самое подходящее для подобных интеллектуальных диалогов. И мне внезапно вспомнился другой «базарный» собеседник. В эти годы на рынке я нередко сталкивался с другим поэтом – Виктором Телеукэ. Нас пихают прохожие, мы мешаем базарному транспорту, а у нас речь об истоках экзистенциализма, о том, что многие люди, не подозревая об этом направлении философии, стихийно исповедуют эту систему мысли, и малограмотная мать поэта в его детские годы говорила почти то самое, что теперь он вычитал у знаменитых философов...

У Лотяну устала рука держать арбузик над плечом, и он переложил его под мышку. В это время из-за прилавка, где торговали корейцы (тогда их было у нас много, они подражались выращивать бахчевые), вышла молодая кореянка, держа на весу в двух руках перед собой огромный арбузище. Подавая его Лотяну, она торжественно, по-пионерски произнесла: «Товарищ Лотяну, позвольте вручить вам от имени благодарных зрителей подарок. И сказать спасибо за ваше кино.. Я и мои друзья любим ваши картины». Он сперва не понял, чего от него хотят – так это было неожиданно в будничной суе базара. Наконец до него дошло: его таким образом хотят отблагодарить за недавние фильмы «Лэутары» и «Табор уходит в небо», за его гордых и благородных цыган, навеянных горьковской «Старухой Изергиль», за такое красочное, такое буйно-музыкальное зрелище, манящее в романтические дали возвышенных и небывалых страстей...

Лотяну поблагодарил, спросил ее имя, помахал рукой остальным корейкам и корейцам за дощатым прилавком, заинтересованно, с ласковыми улыбками следившими за происходящим, взял подаренный арбуз под правую руку, а маленький я ему помог переложить под левую. Это его скособочило, он потерял свою аристократическую осанку, всегдашнюю значительность облика, и укоризненным тоном проговорил: «Вот видишь! А ведь ты не напишешь об этом! Рассказать – не поверят!»

Укоризненность его тона объясняется тем (повторюсь), что я, признавая заслуженный успех его лент, признавая талант, не мог скрыть, что смотрю их всегда с мучительным чувством внутреннего неприятия. Ничего не поделаешь, никак не могу преодолеть их особую условность. Но это уж моя личная проблема. И объясняется это, по-видимому, скорее почти сектантской узостью моих вкусов. Впрочем, стихи его мне очень нравились, они были значительны и волновали меня своим загадочным напряжением, был в них какой-то дальний отголосок Лорки. Некоторое время спустя после этой «базарной» встречи я написал в газете заметку про историю с арбузом.

И вот пришло время возвратиться к этому маленькому происшествию. И делаю это с теплым ностальгическим чувством.

Надо сказать, что заметку об этой встрече я опубликовал больше десятка лет назад, когда Лотяну еще всюю трудился. Как-то встретившись с ним в городском парке, мы вспомнили об этом самом арбузе. Он читал мою заметку и пошутил: «Ну, теперь-то точно ты будешь играть у меня лорда. Да я научу, не пугайся, там особого актерства не потребуется». Выглядел он утомленным, слегка оплывшим, не похожим на того молодого Лотяну, которого я как-то увидел в холле московской гостиницы «Россия» догонявшим милую девчонку с криком: «Подождите, не пугайтесь, я кинорежиссер, хочу вас снять в роли балерины! Подождите же!». Он тогда пролетел метеором мимо, не заметив нас с женой...

Потом он снял еще несколько лент. И вдруг прошел слух: умер на пути, чуть ли не в самолете. Да, завидная судьба – умереть в полете.

А та давняя моя заметка, опубликованная в какой-то кишиневской газете, кончалась так:

«Не знаю, куда занесла нынче судьба Эмиля Лотяну, паспорт какой страны он носит. Ходили слухи, что обосновался он где-то далеко-далеко. Не думаю, что теперь ему удастся подняться до тех вершин, которыми отметился в молдавском кино: ушли лучшие годы, да и другие ветры, другие страсти бушуют теперь в искусстве. Но где бы он ни был, что бы ни делал, наверняка тот арбуз, преподнесенный неизвестной торговкой-корейкой, был для него самым сладким из всех»...

И это хочется повторить теперь, когда он уже не услышит меня.

КОМЕНДАТУРА

«От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее»

А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»

– Может, ты еще и поэт? – спросил он с едкой насмешкой.

– Да, – согласился я, полагая, что все на свете при слове поэзия мгновенно умнеют и добреют. – И стихи пишу. И печатаюсь. Даже в журналах.

– Тогда иди чистить уборную! – произнес он с невыразимой ненавистью, проглотив произнесенное слово «гад» и едва слышно скрипнув зубами.

Этот разговор произошел, когда два молодых солдата-пехотинца с повязкой патруля на рукаве, задержав меня при выходе с читинского вокзала, привели в комендатуру и поставили перед сержантом, одетым в офицерскую шинель нараспашку, синие диагоналевые галифе, хромовые сапоги. Белокурый, краснотелый, голубоглазый красавец-куполка. По всей видимости, «ходок» по бабам. Портили его лицо лишь небольшие коросточки по углам губ.

Я приехал в Читу по указанию политуправления Забайкальского военного округа на конференцию писателей Забайкалья, которое должна была учредить областную писательскую организацию. По всей видимости, дежурным по комендатуре нужно было перед начальством продемонстрировать свою «работу», они хватили всех солдат у вокзала, и меня взяли, так сказать, для галочки. Задержанный ни за что, грубо, хамски, я протянул хлыщу-сержанту командировочное удостоверение, полагая, что тот сразу поймет, с кем имеет дело. Но, прочитав слова «Союз писателей», он почему-то нездорово возбудился и задал этот вопрос, что приведен выше...

Сидевший у окна над книгой молодой лейтенант поднял голову и немного охладил пыл сержанта:

– Уборную сегодня уже почистил один такой «артист». Пусть подметет двор и проваливает.

Сержант, похоже, любимец начальства, не согласился:

– Нет, пусть еще раз почистит, – помолчав, добавил: – А потом и подметет.

От обиды я чуть не взвыл. К этому дню я прослужил в армии солдатом уже пять с половиной лет, участвовал в боях, имел ранение, медаль «За отвагу», а этот юнец, по всей видимости, кладовщик со склада ПФС, так нагло, с беспричинной ненавистью командует мной. Я чувствовал, что его раздражают мои черные погоны танкиста. Я служил в 6-й гвардейской танковой армии в городке Борзя и не раз был свидетелем стычек солдат разных родов войск. Но, кроме этого, я понял: этих людей выводит из себя слово «поэт».

– А что я натворил? За что меня задержали?

Сержант с сарказмом ухмыльнулся:

– Сапоги не почищены.

– Где?! – я вытянул ногу в начищенном сапоге.

– На бороде! Он еще спорит. Отправим прямо на губу!..

Много лет спустя мой давний приятель Давид Кугультинов, у которого я был дома в Элисте, – мы сочиняли большой диалог о Пушкине для журнала «Лите-

ратурное обозрение» – рассказывал мне нечто подобное. Надо сказать, он тогда не мог приехать в Москву, как мы прежде договорились, – был очень утомлен, так как только что вернулся из поездки в Японию в составе делегации СП СССР. Между прочим, там был окружен особым вниманием как представитель народа, упомянутого Пушкиным: «Друг степей калмык». Когда его, бывшего офицера-артиллериста, прошедшего войну, за невинное сопоставление колхозов с подобными хозяйствами в Европе, высказанное в частном письме, отправили в лагерь в Воркуту, на лесоповал, какой-то небольшой лагерный начальник спросил, а какая у него профессия, Давид ответил:

– Поэт, член Союза писателей СССР.

О, как взвился начальник:

– Уборную чистить – этого калмыка! Уборную чистить!.. Поэт!!!

Почему некоторых людей, в особенности маленьких начальников, выводит из себя это слово, я долго не мог понять.

С тех самых лет солдатчины я никогда не употребляю этого слова в отношении себя, в лучшем случае представляюсь: литератор. Но бывает, нужно правильно назвать свою профессию. Как-то, собираясь в туристическую поездку за границу, заполняя анкету, на вопрос о профессии, чтобы точно определить ее (дело происходило в Молдавии), написал: «русский писатель». Не молдавский. К этому времени я выпустил десятка полтора книг и книжек. Надо было видеть, каким гневом вспыхнуло лицо сотрудницы нашего Центрального Комитета партии, занимающейся вопросами туризма:

– Русский писатель – это Толстой! Тургенев! Чехов!

– Но это моя профессия, у нас государством узаконен статус писателя. Я с утра и до ночи только этим и занят. Я этим кормлюсь. Как иначе прикажете именоваться? А что русский – что же тут позорного?

– Ха! Он не понимает!

Да... Вот если бы я был хотя бы маленьким начальником – другой разговор. Сейчас в это трудно поверить, но мне отказали в поездке в Африку...

Как-то Андрей Лупан мне рассказал, что к нему, когда он возглавлял Союз писателей Молдавии, зашел один секретарь райкома со словами:

– Слушай, дай мне человек пять прозаиков, я им скажу, что писать, у меня такой роман в голове. Скоро мне на пенсию, тогда пройду по их писанине и выпущу мировую книгу. Почтище «Тихого Дона».

Тоже – художник слова.

И по сей день я чувствую себя как бы в той читинской комендатуре. В мире ничего не изменилось... Нет, вру – изменилось к худшему: теперь писатель, поэт уже на правительственном уровне вообще выброшен из жизни как вредный элемент. Его гражданский статус не определен. Так, какой-то вызывающий раздражение чудака, бомж. Наконец-то чванливые ничтожества чувствуют себя хозяевами. На что им волхвы, пророки, какие-то там еще поэты?! Этим людям – низменным, ушлым, примитивно прагматичным, верящим только в силу денег... Естественно, что-то светлое не из их мира, что-то непонятное – пугающе враждебно им. Вот был бы я шансонье, поп-музыкант или комик-анекдотчик, можно было бы за деньги пригласить на именины или иное ресторанное действо – на забаву...

Признаться, я до сих пор вздрагиваю, увидев патрулей с красной повязкой на рукаве. А вообще-то, не труслив...

ОПАСНАЯ СТРОЧКА

У Пушкина есть незаконченное стихотворение, сделавшееся эпиграфом к телевизионной передаче «Очевидное-невероятное». В свое время эта передача была весьма популярна. Но была там крохотная кляксочка, пятнышко... Всякий раз, когда появились пушкинские строки, грамотный зритель испытывал некоторое недоумение. Стихотворение крохотное, всего пять строк, так и в нем оказалась урезанной последняя строка. Вот оно целиком:

*О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, Бог изобретатель.*

Это стихотворение считается началом какого-то незаконченного произведения, напечатано в числе других под общим заголовком «Отрывки». Но оно вполне самостоятельное, полное. И какое глубокое. Как всякий живой организм (подлинное произведение искусства – живое существо, единая организация), становится калекой при утере хоть какой-то частицы. До чего доходила цензура (а может быть, и самоцензура), если правила самого Пушкина! Кого-то пугало упоминание Бога в научной передаче. Зрителей же возмущало такое своеволие этих «интерпретаторов». К примеру, однажды мы с Давидом Кугультиновым заговорили об этом в печати. Журнал «Литературное обозрение» опубликовал нашу пространную беседу под заголовком «Товарищ вдохновенный...». (№ 6, 1979 г.), где мы затронули и «пропажу» последней строки этого стихотворения. Отметив, что передачу великолепно ведет профессор Капица, мы выразили досаду на такую «вольность» телевидения в отношении пушкинского текста. Конечно, было направлено по экземпляру журнала, как теперь говорится, во властные структуры. И ничего. Никакой реакции. Так продолжалось многие годы.

..Смотрю не так давно «Очевидное-невероятное» и с удовлетворением вижу – «опальная» строчка встала на свое место. Какова же сила поэзии, если для восстановления всего одной строчки стихотворения понадобилась смена общественного строя...

«РАЗБЕРИТЕ СТИХИ НА СЛОВА...»

...Как жалко – полные добра и любопытства друг к другу, мы не могли разговаривать: он не знал русского, я – испанского. Этот мой новый родственник – испанец, точнее, каталонец, по имени Аарон, – был улыбчив, общителен, приветлив, и по всему было видно – хороший парень. Выглядел он превосходно – высокий, смуглый, белозубый, тщательно по-европейски одетый в добротный костюм с белой рубашкой. Ему хотелось говорить. Да и мне многое хотелось услышать от него. И порассказать ему.

Больше года назад моя внучатая племянница Аня, которую в давние годы мне доводилось нянчить, – вот время бежит! – вышла за него замуж. И поселились они аж в Ирландии, в Дублине (они произносят Даблин), где ей предложили хорошую работу в международном банке, и он тоже нашел там себе место. У

меня накопилось немало снимков их свадьбы в городке под Барселоной, а также их жизни в Ирландии.

Вот приехала с мужем погостить в Кишинев к ее родителям, и навестили меня. Мы вместе посетили кладбище, убрали могилы ее бабушки и деда и моей покойной жены. И оттуда завернули в мой одинокий приют. Аннушку я отправил на кухню, показав, где что лежит, чтобы приготовила закуски, а с Аароном остались в моей рабочей комнате. Как я уже сказал, нам хотелось поговорить, но он не знал ни русского, ни молдавского, я же по-испански знал только «по pasarán!» – слова, заученные в пионерском детстве, когда все наши лучшие помыслы были связаны с Испанией, где впервые в открытую столкнулись наши с фашистами. «Они не пройдут!», – мы с друзьями, тогда десятилетние-двенадцатилетние мальчишки приветствовали друг друга эрой клятвой, поднимая над правым плечом зажатый кулак.

Между прочим, я впервые попробовал апельсины в нашем далеком-далеком замороженном поселке Оловянная у самого слияния Китайской и Монгольской границ, где, как известно, цитрусы не растут. Ими были завалены продуктовые магазины и киоски. Каждый апельсин и лимон был аккуратно завернут в узорную папиросную бумагу. Их посылала республиканская Испания в ответ на беспрецедентную помощь Советского Союза. Тогда у нас ходили слухи, что и наши оловянинские ребята добровольцами сражаются там...

С кухни уже донеслись аппетитные запахи. А я все никак не мог найти способа общения с Аароном. Начал что-то о футболе, делая «футболистские» жесты ногами и руками, приговаривая: «Барса» – название футбольного клуба Барселоны (Аарон оттуда). Он отозвался: «Милано», показывая жестами, как его барселонцы забивают голы итальянцам. Больше не нашлось общей темы.

И вдруг меня осенило – вот же двуязычные тома испанской поэзии, они могут сыграть роль разговорника! Схватил с полки толстенный том, порылся в нем, остановился на стихотворении Леона Фелипе, которое я давно знал и любил, и оно в какой-то степени выражало мои чувства. Оно начинается словом: «Брат». Показываю пальцем первую строку на странице с испанским текстом. Аарон прочитал, сверкнул улыбкой – понял мое обращение, одобрительно поднял большой палец. Но не оторвался от строк:

*Брат... С тобою твое добро:
Лошадь, очаг, ружье.
Мой только древний голос земли,
Все остальное – твое... и т. д.*

Я по-русски прочитал, подчеркнув строку: «Все остальное – твое...» Он улыбнулся благодарно – понял! Потом на минуту задумался, перевернул несколько страниц, с улыбкой протягивает мне книгу, уперев палец в строку, кончающуюся словом, напечатанным вразрядку: «Сестра!». Он нашел родственное понятие – в ответ на «Брат». Но я пробежал и все остальные строки, ведущие к этому конечному слову. Возможно, он и не прочитал начальных строк стихотворения, поймав только это: «Сестра», и, конечно же, не намеревался просвещать меня политически, но я и он синхронно вернулись к началу:

*Россия, благородная Россия!
Ты во сто крат святей и благородней
С тех пор, как жезл и скипетр свой сломав,
В свои ты руки серп взяла и молот!*

Я, конечно, хорошо знал творчество Антонио Мачадо, и это его стихотворение как-то даже перепечатал в своей газете «Литератор» (десяток лет назад выпускал на свои скудные средства при поддержке одного товарища-бизнесмена) – в назидание нашим молодым стихотворцам. Но никогда не думал, что оно прозвучит так интимно. В голове промелькнуло: значит, испанцы помнят своих замечательных антифашистов. Ведь Мачадо сражался до конца за республику и умер в колонне беженцев в горах по дороге во Францию. Это было в 1939 году.

Судя по выражению лица Аарона, он знал – что выбирал. Я уже хотел перевернуть страницу, но он указал на последние строки:

*От горы к горе и от реки к реке
Испании ты слышишь голос.
Раскат грозы военной покрывая,
Гремя от моря и до моря,
Он говорит тебе:
– С е с т р а!*

Ну да, я показал ему стихи, начинавшиеся словом «брат», он отозвался голосом Испании – «сестра».

...Любопытно, мы так увлеченно разговаривали с ним через этот том поэзии, что совсем не чувствовали языковой преграды. И, более того, общение было богаче, чем могло быть на словах, так как понятиями нам служили спрессованные в строфы целые созвездия мыслей и понятий.

Так длился наш разговор, и толстенный том «Испанская поэзия в русских переводах на испанском и русском языках» («Прогресс», Москва, 1978) осталась на моем столе в виде своеобразной «стенограммы» нашей беседы.

Я говорил: «Хуан Рамон Хименес», книга раскрывалась на этом имени. Я люблю его нежное стихотворение «Хромоножка»:

*Девочка щебечет: «Хоть немножко
Подождите – я ведь хромоножка!»...
Дети в белом, с гомоном и свистом,
Мчат, крича, хохочут: «До-го-ни!...»*

Это чудное стихотворение, из которого я процитировал четыре строчки, объединяет нас чувством нежного сострадания к незнакомой девочке, у которой «Затекло плечо от костыля. Как чужая, ножка волочится. Еле дышит. Пот на лбу. Садится на траву. Глядит на тополя. Плачет и смеется: «Хоть немножко подождите...» И я вытираю мокрые глаза... Чувствую за плечом прерывистое дыхание Аарона...

Он говорит: «Гонгора» Видимо, это его любимый поэт. Я открываю Стихи Луиса де Гонгоры, и мы вместе читаем его затейливые строки... Я называю самых дорогих мне испанцев: Рафаэля Альберти, друга расстрелянного Гарсиа Лорки, Мигеля Эрнандеса, после поражения Республики приговоренного к расстрелу и погибшего в фашистской тюрьме, словом путешествуем по пространству испанской истории, так горячо задевающей и сердца русских.

Моя пролетарская кухня отрывает нас от магнита стихов. Аннушка уже давно выставила мои незатейливые закуски и грубые напитки. А я опять возвращаюсь к Леону Фелипе – с его слова «брат» начинался наш разговор на этой поэтической Библии, читаю «с выражением»:

*Разберите стихи на слова.
Отбросьте бубенчики рифм,
Ритм и размер,
Даже мысли отбросьте.
Провеите слова на ветру.
Если все же останется что-то,
Это
И будет поэзия.*

Ну, что же, мы и разобрали только что стихи на слова. И насыщены, опьянены волнующими чарами, волшебой прочитанного. Теперь, когда поэзию загоптали в грязь, заменив ее жалким скоморошеством, когда люди перестали читать, а мусорные свалки завалены книгами, в том числе и вышедшими из-под пера гениев, я никогда и не думал, что поэзия может нести и такую службу – быть толмачом, связывать людей высоким и благородным. Поэзия, помимо всего, – стихия общения.

А вообще-то, ныне следует чаще провеивать слова на ветру...

НИКОЛАЙ САВОСТИН – заслуженный деятель искусств Молдавии, кавалер Ордена республики, орденов Отечественной войны II степени, «Знак почета», медали «За отвагу» и других. Лауреат Международной литературной премии имени великого князя Юрия Долгорукова. Постоянный автор «Русского поля».

ЛИДИЯ ЛАТЬЕВА

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

Анатолий Александрович Умрихин

Артист русского театра имени Чехова, заслуженный артист Молдавии...

И только произнесу это имя, как сразу же мысленными глазами вижу плечистого, плотного и так крепко – и внешне, и внутренне – сбитого человека, будто природа стесала его из одного куска, и весь его облик оказался цельным, надёжным, вечным. И, конечно, в театре, глянув на этот облик, ему поручали роли солидных, серьёзных, партийных, на которых и держится мир. И так оно получилось, что и театр, и мы – его друзья и товарищи – видели Анатолия Александровича как бы одними глазами. И даже когда выпадали редкие для театра мгновения и попадался талантливый режиссёр, из тех немислимых чудачков, которые всё на свете видят не так,

как мы, а совсем по-другому, будто у них особое зрение, на наше ничем не похожее. И что-то своё он открывал в актёрской природе Умрихина, и тот, играл, к примеру, чеховского Лопухина, крестьянского сына, который босым мальчишкой влюбился в барский вишнёвый сад, но даже мечтать не смел попасть за ограду этого сада, однако привычная жизнь неожиданно поломалась – как поломалась сегодня и наша привычная жизнь – и ничемные баре, профукав своё богатство, продали сад, а бывший крестьянский мальчишка, сколотив состояние, выкупил, и вот после акта покупки сада Лопухин-Умрихин появился на сцене... Ему и надо ска-

Умрихин Анатолий Александрович родился 11 сентября 1935 г. в г. Донецке. Окончил училище им. Шукина, получив диплом актёра и режиссёра драмтеатра. В 70-80 гг. работал на молдавском телевидении диктором, вёл передачи на радио; много лет проработал в русском драматическом театре им. А.П. Чехова актёром и режиссёром. Последние годы жизни преподавал актёрское мастерство и сценическую речь в муниципальном Театральном лицее, работал в театре «С улицы Роз». Умер 26 января 2000 г.

зять, что он новый хозяин сада, но и страшно сказать такое бывшим хозяевам, он сам поверить не может, что судьба развернулась так круто и так высоко его вознесла. И его – как во сне, как в бреду – кружило по сцене, и яростным блеском сияли глаза, и самые несовместные чувства так распирала его, что он казался шире себя самого, и до последнего ряда партера слышно было, как бьётся его потрясённое сердце. И зрительный зал затих, с каким-то ребячьим испугом постигая безумные развороты жизни, когда, казалось, сама эпоха трещит, тасуя судьбы людей. И долго-долго после спектакля мы помнили эту роль и удивлялись, какой неожиданный и на себя непохожий оказался Толя Умрихин.

И только потом-потом, как бы жизнь сама собой разъяснила, что именно в тех ролях, которые нам казались удивительным исключением, он был наиболее сам собой. Потому что он был – настоящий актёр. Он вообще – как мальчишка – был влюблён в закулисную пыль, театральную мишуру, грим, парики, превращения, розыгрыш, озорство. Но вся беда была в том, что актёр – зависимый человек, он роли не выбирает – его назначают, он раб режиссуры, а редкий из режиссёров под плечистой, внушительной внешностью мог угадать эту скрытую жадность к игре. И только поэтому Анатолий Умрихин – после редчайших подарков судьбы – опять и опять играл серьёзных, солидных, партийных, на которых держится мир. И видно, его – как и многих других, не сыгравших своих ролей, – мучил голод по своему театру. Но если другие, крича о своей погибающей гениальности, буянили и метались, кидались из театра в театр и спивались, то сдержанный, молчаливый Умрихин не буянил, не пил, театр не менял, а, утоляя тоску по творчеству, готовил поэтические программы или учился режиссёрскому ремеслу и сам ставил спектакли, или обучал актёрству студентов и лицеистов... Но, самое интересное, – и такое оно интересное, что просто даже не вяжется с актёрской натурой, как бы настоящей на бродячей гастрольной жизни, он – увлечённо и пламенно – строил собственный дом. Естественно, на зарплату актёра никакого дома не купишь, но трёхкомнатную квартиру своей семье он обустраивал годами, шаг за шагом, с завидным упорством зодчего осуществляя какое-то лично своё – поэтическое – представление о доме. И бывало в эту работу от втягивал всю семью – жену и двоих детей, – и они, получив задание, по всем киоскам и магазинчикам закупали ему строительный материал: то шторы из тончайшей вьетнамской соломки, а то открытки, виды великих произведений, по 30 копеек за штуку, а то небольшие квадратные и прямоугольные зеркала, а то особые, похожие на кожаные, ленты... Словом, весь материал был таким дешёвым и неликвидным, что продавцы удивлялись, на что такое добро могло пригодиться. Но фантазия и золотые руки Анатолия Александровича делали своё дело, и соломкой он обтянул прихожую, а из зеркал построил простенок между ванной и туалетом, из открыток панель – не панель, а целый художественный музей, по которому дети, а потом и дети детей изучали изобразительное искусство. Из плетеной корзины он сделал люстру, а шкафы на балконе, где просто хранятся банки с компотами, так оббил старым деревом, что балкон превратился во что-то вроде старинной таверны – где хорошо за стаканом вина посидеть с сердечным другом и обсудить все вопросы и настоящей, и будущей жизни. А ещё – пока они там мотались по разным гастролям – чтоб дом не скучал и жизнь в доме ни на секунду не прекращалась, – он посадил особый неприхотливый цветок алоэ, а в кухне повесил часы с кукушкой...

Словом, он был настоящий творец, и дом оказался таким непохожим на все другие, что когда однажды я вошла в этот дом, я не могла нагуляться и насмотреться. Мне казалось, дом излучает тепло, и внутри меня тоже все потеплело, и долго-долго потом тосковала по этому чудному дому, удивляясь, как мало и плохо – за долгие годы знакомства – я знала этого вроде известного, но совсем неизвестного мне Умрихина.

А она – его жена и любимая женщина Евгения Тодорашко¹, Народная артистка Молдовы, и, кстати сказать, Народная не просто по званию, а по духу и крови, она тоже самой природой создана из особого материала: хрупкая, гибкая, быстрая, и с такой мгновенной реакцией на любое чувство и мысль, с таким темпераментом и с такими распахнутыми на всё на свете глазами, что она – и на сцене и в жизни – ничего не делала вполнакала. Она не смеялась, а хохотала, не плакала, а рыдала, не шла, а неслась, не возмущалась, а с воплем кидалась о землю лицом. Сама природа так много в ней всякого разного намешала – и смеха, и горя, и тончайших движений души, и ума – так много всего, что даже на сцене ей не надо было ни париков, ни примочек, ни ширмочек, ни нашлёпок, она любую роль и любой характер брала из себя, и – хрупкая, небольшая ростом – она даже огромную, грубую Простакову играла без всякого грима и парика, а с собственной чёлкой... И так получилось, что рядом с медлительным, дотошным Умрихиным она природой была создана как бы наоборот, и настолько наоборот, что даже если они вдвоём шли в лицей – где оба преподавали актёрское мастерство – то он именно шёл, по асфальту, медленно и целенаправленно, как и положено человеку, чтоб и себя показать и на людей посмотреть, и хорошенько обдумать какую-то нужную думу. А она, совершенно ходить не умея, она – срезая углы – неслась между клумбами по вытопанной дорожке, и не то чтоб считала, что так легче или быстрее, а просто терпения не хватало на все эти повороты, углы, асфальты и долгие мысли.

Словом, они были такие разные – «как лёд и пламень, вода и камень», и друг другу совершенно наоборот, и полная несовместимость, – но судьба, улыбнувшись какому-то тайному замыслу, однажды, ещё студентами театральных училищ, свела их, и они поженились, и прожили вместе почти сорок лет, и сыграли кучу ролей и стали фигурами в театральной истории. И не как-то наспех и между прочим, – как у других, – а тоже с полной отдачей сил и души построили дом, вырастили двоих детей – Игоря с Танечкой, – и всё, что им выпало пережить, они пережили и перебороли вместе, и никогда за долгие годы рядом с ними я не слыхала высокое слово *любовь* или *верность*. В их жизни не было ничего показушного, но так срослись и сроднились их жизни и души, что по отдельности Толю и Женю даже представить было уже невозможно. И если, к примеру, в зале театра встретишь сияющего, наутюженного Умрихина, то ясное дело – на сцене увидишь Женю. А если столкнешься с Женей – просто видишь, летит по улице, как всегда, каблуком земли не коснётся, – то невольно глянешь вокруг, как бы ища: а где же Умрихин? – будто они не просто Женя и Толя, Он и Она, два от-

¹ **Евгения Федотовна Тодорашко** (1936–2010) – артистка театра и кино, Народная артистка Молдовы, кавалер Орденов Республики и Gloria Muncii; жена А.А. Умрихина.

дельных человека, а одно существо, такой один органический организм, что даже мысленно разорвать его – невозможно.

Но смерть разорвала.

Это случилось январским сереньким утром – такой обыденный день – что казалось, в такие простые – как проходные дни – вообще ничего не случается... И Толя тоже вроде обычным голосом, уходя в лицей, спросил из прихожей: «Женя, закроешь дверь?...» А она зачухалась в душе, и шумела вода, и она крикнула: «Сам закрой!», и даже воду не прикрутила, даже не слышала, как он ушёл и как хлопнула дверь... Не успела высушить волосы, как позвонили, и оказалось, что он ушёл навсегда, и даже не смог дойти до лица, сердце остановилось...

И потом её удивило и поразило, что упал он не на асфальте, а на той самодельной дорожке, по которой, срезая углы, любила бегать она, будто нарочно свернул на её дорожку, будто что-то такое знал про себя и про сердце, от чего ему надо было свернуть, знал, но молчал, не любил тревожить её своим больным сердцем...

Ну, и, конечно, каким ударом и горем оказалась её утрата, словами уже не расскажешь, и Женя сама не помнит: она плакала, кричала, или молчала... Она помнит одно: умер не он, она умерла, жизнь – и внутри, и вокруг – прекратилась, даже дом и тот, физически, умирал: и сами собой заскрипели двери, и поломались краны, и посыпались потолки, и быстро засох до этого пышно разросшийся цветок алоэ, а кукушка в часах стала выскакивать и заскакивать невпопад, а потом вообще захлопнула дверцу и замолчала, будто время остановилось и незачем было уже куковать.

И вот эта – мёртвая тишина – плющила и давила Женю и стала настолько невыносимой, что однажды – с неподвластным, неизъяснимым ужасом, будто её живую замуровали, – она подскочила к кукушке, дёрнула гирю, хлопнула дверцей, закрыла, открыла и крикнула: «Толя! Сделай же что-нибудь!...»

И разрыдалась! И в горе ушла на работу, и, как в бреду, проработала целый день, а вечером, как бы не зная, куда себя деть, просто сидела на кухне за пустым и вроде чужим столом и вдруг слышит: кукушка... открыла дверцу, прокуковала – ровно столько, сколько выпало по циферблату, и спряталась, как и положено куковать кукушке в живом, настоящем доме.

И Женя, глядя во все глаза на эту кукушку, вдруг поняла, что это же – Толя... Толя её услышал и, как всегда, по-хозяйски прошёлся по дому и приказал кукушке время не путать и Женю не волновать, а дому – жить! Как и положено дому! И дом – как всегда – послушался Толю, и, действительно, с этой минуты всё в нём ожило и перестало скрипеть и ломаться, и даже цветок алоэ пустил молодые побеги, и в сердце Жени тоже дрогнуло что-то. Она ощутила, что жизнь продолжается, и, конечно, Толя ушёл, но как бы и не ушёл, остался в воздухе дома и жизни, и есть дети, есть внуки, и надо жить. И она медленно, – как бы заново ощущая жизнь, – прошла по квартире и потрогала каждую вещь, и всё расставила по местам, и привела в порядок шкафы. Какие-то вещи отдала, а другие подшила, и даже купила большой альбом, чтоб наклеить в него фотографии, и вечерами, перебирая это множество фотографий, она передумала всю их общую с Толей жизнь. И многое как бы открылось ей заново, и сам Толя открылся немножко другим – глубоким, талантливым человеком, с улыбкой в глазах.

А однажды – как раз на закате лета, перед днём рождения Толи, она купила душистые груши и золотое вино и позвала меня прийти посмотреть их семейный альбом.

И мы долго сидели, смотрели карточки, говорили...

А время бежало – бежит быстрое время жизни – время бежало, и старательная кукушка прокуковала и семь, и восемь, и девять. Я, невольно считая ее кукование, неожиданно обратила внимание, что происходит какое-то чудо: время вечернее, а в доме – светло. Будто кто-то незримый светил нам волшебной невидимой лампой. И, удивленная этим, я огляделась вокруг, и сама собой на меня посмотрела вся красота и ухоженность дома: и соломка, и зеркала, и люстра из плетёной корзины. И вдруг мне открылось, что хозяин этот уют строил не просто руками, а строил душой – он был художник, у него хорошо получалось, и, строя, он улыбался, и отблеск его улыбок остался на стенах, и теперь, отражая его улыбки, дом улыбается нам, и поэтому так светло... Видно, именно о таких – как он – народ сложил выражение: *светлая память*...

И что-то во мне ужасно смутилось, и я подумала: все мы когда-то умрём, и я тоже – каким-нибудь сереньким простеньким днём, когда вроде ничего особого не случается, – выйду из дома, захлопнется дверь, и останется – только память...

И если всё это так, подумала я, то спаси меня Бог и помилуй и дай силу души дожить свою жизнь, чтоб память, – как здесь, в этом тёплом и светлом доме, – тоже осталась светлой...

(Из книги очерков «Облак белый», 2000 г.)

ЛИДИЯ ЛАТЬЕВА родилась в г. Вознесенске (Украина). В 1960 году закончила Ленинградский университет, отделение журналистики. Работала в газетах «Советская Молдавия» и «Вечерний Кишинёв», редактором репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры Молдавии. В 1963 году принята в Союз писателей СССР.

Автор ряда повестей («Ирка», «Чудинка», «Байкал», «Страна, из которой мы все пришли», «Орлы остаются в небе», «Сколько лепестков у ромашки?», «Братва», «Цветные сны»), эссе («Пушкинские горы», «Моя война»), пьес («Личная жизнь», «Пушкинские горы», «Водоворот» «Белое море, красный пароход», «Озарённые солнцем – жаждут»), либретто балетов («Варвар», «Мастер и Маргарита»), книг о театре («Лицо и маска», «Встреча с неожиданностью»), романа «Развод», книги портретов людей Молдовы «Облак белый». Составитель сборника поэзии «Двадцать восемь плюс» и книги о режиссёре И. Тодорове «Загадка Тодорова». Во время перестройки была автором и ведущей радиосериала «Семейный альбом» (1986–2002).

Любимая тема Лидии Латьевой – человек, его внутренний мир, поиски самого себя и высшего смысла жизни.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Взлётная полоса

Республиканские конкурсы молодёжных проектов становятся доброй традицией в Молдавии. Каждый конкурс предоставляет русскоязычной молодёжи прекрасную возможность для самореализации и открывает новые имена.

Инициаторами и организаторами обычно выступают Российский центр науки и культуры и Русский интеллектуальный центр, часто подключаются и другие общественные организации. «Помним и чтим», «Наши Пушкин», «Молдова – страна русского мира». Эхо каждого конкурса долго слышно по всей республике – лучшие фильмы и презентации смотрят в школах, лучшие эссе и стихи публикуются в прессе.

2012 год объявлен «Годом российской истории», и для Молдавии имеет особое значение: исполняется не только 200 лет победы над армией Наполеона, но также 200 лет со дня подписания Бухарестского мирного договора, в результате которого Молдавия была освобождена от трёхсотлетнего Османского ига и вошла в состав России.

Этим двум судьбоносным событиям и был посвящён новый конкурс молодёжных проектов «И вечной памятью Двенадцатого года...», финал которого состоялся 24 марта в Российском центре науки и культуры. Конкурсантами были представлены творческие эссе, исследовательские работы, фильмы, посвящённые историческим событиям, происходившим в России в 1812 году, или историческим личностям, связанным с этими событиями.

Одним из лучших было признано художественное эссе о Наполеоне Бонапарте Александра Шадрина, учащегося Кишинёвского лицея им. А.С. Пушкина.

В сентябре 2010 года на конкурсе «Молдова – страна русского мира» Сашина работа «Пушкин в моей семье» также была отмечена Дипломом I степени.

Сегодня мы предлагаем читателям одну из этих работ.

АЛЕКСАНДР ШАДРИН

«ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ БОРОДИНА....»

...«Наполеон, Нааполеееон !!! Ты слышишь?? Иди обедать!» Нахмурился брови, невысокий, хмурый мальчик отбросил в сторону палку, которой он чертил фортификационные линии на земле, и пошел в сторону дома.

На обед сегодня курятина. Снова курятина. Всегда только она, жареная, отварная, любая. Только короли и императоры могут позволить себе никогда не есть курятину. Корсиканцы никогда не были и не будут императорами, их всех устраивает курятина. Всех, кроме одного.

Тишину обеда нарушает стук столовых приборов и иные звуки битвы людей

с голодом. Фарфор и стекло, вилки и ножи звенят друг о друга. Пар от жареного куриного мяса поднимается над столом. Красное вино заливает скатерть, оставляя кровавые пятна. Огурцы заняли правую часть стола, красные помидоры сосредоточены в середине. Лук, картофель, хлеб, сыр и другая еда подавалась и размещалась на столе строго по указанию хозяйки дома, матери Летиции. Наполеон оценил общую дислокацию и нашел ее неудачной вообще и для себя лично. Как на войне.

...Как на войне, Наполеон снова и снова слышит этот бесконечный шум, какофонию непонятных и страшных звуков: свист картечи, взрывы снарядов, чужую, незнакомую речь, крики людей и лошадиное ржанье, лязг металла, барабанную дробь и марш оркестра, хруст костей и разрывы сильных тел и храбрых сердец. Наполеон Бонапарт чувствует кровавый вкус Победы и верит в свою звезду. Император Франции знает о неизбежности рока и необратимости судьбы, но не знает, кто и когда посмеет украсть его удачу.

... Император проснулся от ощущения тревоги и бессилия и широко закрытыми глазами напряженно всматривался в себя, безуспешно разыскивая найденный секунду назад ответ... Верный «пес», мамелюк Ибрагим, разрезал темноту своим быстрым и острым, как восточный нож, взглядом. Все спокойно. Хозяину приснился дурной сон. Опять. Ибрагим может убить любого врага хозяина, но Ибрагим не может изменить судьбу императора.

Милостью и карой Божьей император Наполеон Бонапарт – вершитель судеб стран и народов – неоднократно видел живущую в нем войну в многочисленных проведенных им сражениях. Он узнавал ее мозаичные детали и фрагменты, наполненные страшными звуками, запахами и красками в Гизе и при Маренго, наслаждался ею при Аустерлице, Йене и Фридланде, успешно противостоял ей при Эйлау и Ваграме. Он везде был победителем. Он – баловень судьбы. Его звезда ведет его за собой.

Будет ли она сегодня с ним? Разве может она отвернуться от него сегодня, 7 сентября 1812 года? В момент, когда он на вершине славы, на краю бессмертия своего военного гения. Нет, сегодня он заставит этих упертых северных варваров принять долгожданное генеральное сражение под Москвой. Кутузов, этот хитрый лис, битый императором, сегодня будет вынужден испытать на себе всю мощь, доблесть и славу Империи. Солнце императора возшло при Аустерлице и достигло своего зенита. Да, русские умеют умирать, но продолжают стоять. Так было всегда. Но пусть они попробуют выстоять сегодня. 135 000 лучших солдат императора готовы убивать и умирать ради победы и славы французского оружия и своего «маленького капрала». Сегодня с ними император и его звезда.

...Стремительно состарившийся, больной и уставший человек лег спать очень рано. Он устал, ему нужно выспаться. Но он не спит ни минуты. Он знает, что сражение решит судьбу кампании. Главнокомандующий русской армии фельдмаршал Кутузов знает, сегодняшнее сражение навязано богом войны двум армиям как испытание на доблесть и славу, как вызов смерти и ее пиршество. Он знает, зачем турецкая пуля, насквозь прошившая его голову, оставила ему жизнь. Фельдмаршалу не снятся сны. Старый солдат чувствует, что его час близок, но судьба уготовила ему дело, вершителем которого он должен стать. Сегодня 125 000 русских людей готовы умирать ради спасения Отечества. Сегодня бес-

силе сильнейшего навсегда изменит его судьбу, а моральная сила побежденного вырвет удачу из рук Героя.

7 сентября (26 августа) 1812 года более двухсот тысяч храбрейших людей Европы вступили в сражение, которому суждено было положить начало конца великой и страшной эпохи. Лучшие из лучших воинов сошлись в решающей для себя схватке. Французская армия, олицетворение Империи, на пике своего могущества и веры в себя, и объединенная русская армия, защитница попорченной воинской чести и государственности, униженная поражениями и превзошедшая все существующие законы доблести и стойкости, изменили ход истории, оставив французам Последнюю победу, русским – гордость, Российской Империи – Золотой век, Солдатам – честь и славу, Героям – бессмертие.

...Костры бивуаков французов горели тускло и невесело. Гонцы мчались в европейские столицы, чтобы сообщить о победе императорской армии. Победившая армия бессильно стояла на занятых позициях, не смея сделать шаг навстречу отступавшему в порядке врагу. Наполеон Бонапарт в сопровождении конвоя конных егерей императорской гвардии объезжал поле битвы, оставленное врагом.

Победитель был мрачен и угрюм. Он знал, что случилось сегодня. Он получил ответ на свои вопросы: «Когда?» и «Кто?» Сегодня судьба изменила ему. Для Наполеона не важно было с кем: с русскими, англичанами, австрийцами или пруссаками. Сегодня он понял, что его дальнейшая жизнь вершится по воле победившего его рока, а не по его воле, которую он так успешно противопоставлял всему миру. Его великие победы отныне принадлежат истории, а его война будет вестись на полях поражений. Он понял, что отныне он может противопоставить своим врагам и своим друзьям только свой, военный, но слишком человеческий, Гений. Удача отныне будет улыбаться его врагам. Бонапарт принял этот вызов судьбы и боролся с ней еще три года, завершая легенду о себе – о величайшем честолюбии эпохи.

Фельдмаршал Кутузов перекрестился на образа. Старческая слеза скатилась по дряблой щеке. Он знал, что сегодня произошло. Солдаты русской армии совершили удивительный подвиг: участь войны и судьба страны были предрешены.

Рок свершился. Кутузов не мешал ему и верил в дух русского солдата, способный изменить лицо истории. Наполеон ждал и искал этого вызова, сознательно и самоубийственно заигрывая с ним.

... «Наполеон, почему ты не ешь курицу?» – спросила брата Полина. Вопрос повис в воздухе и встретил поддержку всех членов семьи. Глупая муха в разреженной тишине своим назойливым жужжанием подчеркивала единение вопрошающих.

«Мне предстоит раздвинуть пределы славы», – мрачно и грустно подумал сын адвоката из Аяччо и пренебрежительно осмотрел поле вкушения пищи, украшенное братьями и сестрами костями тощих корсиканских кур, следами раздавленного помидора, крошками хлеба и густо пролитым красным вином.

ДАРЬЯ КУПРИЯНОВА**СТУПЕНИ**

Солнце заглядывает сквозь мутные окна. Старенькая машинка весело скачет по ухабам. Светлана обеспокоенно оборачивается к дочери.

– Лида, голодная?

– Немножко.

Лида завороженно следит за пылинками. Пылинки танцуют, кружатся в солнечном свете. Настоящий пыльный балет! А вместо света прожекторов – солнце. Одна пылинка танцует красивее других. Она летает по воздуху-сцене, делая замысловатые пируэты. Это пылинка-прима. Лида тянется ближе к примае, хочет рассмотреть её лицо. Звонко чихает.

– Лида, ты чихнула?

– Света, это от пыли.

– Уверен? Лидочка, ты не простудилась?

– Света, отстань от ребёнка.

Лида с улыбкой слушает родителей. Потом отворачивается к окну, где мелькают удивительные, а порой даже загадочные пейзажи.

– Мама, смотри! Коровы!!

Восхищённая Лида прилипает к окну и рассматривает безмятежно пасущийся скот. Тут же мысленно даёт им имена: «Ты будешь Чернушка! А ты – Зорька! А ты... А ты просто – Рыжая!» Коровы остаются далеко позади. Машина проезжает покорёженные ворота. В них ещё в молодости отец врезался на машине, когда учился водить. Тогда они были новенькие. Сейчас кое-где краска отвалилась, и проглядывала ржавчина. Перед колёсами в ужасе мечутся куры, уступая дорогу. Машина останавливается посреди двора.

Из дома, на ходу вытирая руки полотенцем, выбегает женщина в белой козырьке. Лида двумя руками тянет за рычажок, толкает дверь и выскакивает из машины. Тут же бежит к крыльцу, к пожилой женщине.

– Бабушка!!! – голос дробится от бега.

– Здравствуй, Лидочка!

Женщина прижимает девочку к себе. Из машины выходит отец семейства.

– Как жизнь, мать?

– Лёшенька!

Всё ещё прижимая к себе внуку, женщина спешит навстречу загорелому, высоченному сыну. Алексей крепко обнимает старушку.

– Ой, Лёшенька! Ты мне все косточки переломашь!

– Это вряд ли, Марья Алексеевна! Вы у нас крепкая!

– Светочка! И ты приехала!

– В счёт отпуска недельку взяла. – Света нежно обнимает свекровь, затем отстраняется. – Мои кушать хотят.

– Да, конечно, у меня всё уже давно готово! – засуетилась женщина и кинулась в дом.

Родители последовали за ней. Лидочка тоже поспешила за всеми. Когда девочка поднималась, она заметила выбоины в ступенях. Присела на корточки, потрогала пальчиком острые края.

– Лида, за стол!

– Иду, мам!

После обеда Лидочка пошла гулять по посёлку. Дачи пустовали – был понедельник, так что в посёлке остались лишь те, кто жил там постоянно. У одного из старых домиков Лида увидела двоих молодых мужчин. А так как девочкой она была общительной, тут же отправилась знакомиться.

– Привет! Я Лида. А что вы тут делаете?

Ребята обернулись на голос. Один из них, рыжий, похожий на лохматую собаку, улыбнулся Лиде и протянул ей руку.

– Привет! Я – Олег, это – Ваня. Мы тут дом ремонтируем.

Лида протянула в ответ свою ручку. У Олега ладонь была сильная, немножко грязная и очень тёплая.

Ваня только молча кивнул и продолжил шуриться на солнышко. Олег проследил Лидин взгляд.

– Да, Ваня у нас не шибко разговорчивый. Но ты не думай – он хороший парень и отличный друг!

Иван зарделся от похвалы. Лида звонко рассмеялась, затем её смех подхватил и Олег.

– А как вы дом ремонтируете? – отсмеявшись, спросила Лида.

– Полы меняем, обои клеим новые... Сейчас вот ступеньки будем подмазывать – вон как раскрошились да осыпались. Опасно это.

– А почему?

– Упасть можно. Гляди!

Олег нажал ладонью на край ступеньки рядом с собой. Посыпалась пыль, даже кусочек откололся.

– Ой, Олег! Научи меня тоже чинить ступеньки!!

– А зачем тебе?

– У бабушки тоже ступеньки осыпались, только давно-давно! А если она упадёт? Она же ударится!!

– Да, это плохо, когда бабушки падают. Они же не яблоки, чтобы падать, верно? – Олег щёлкнул Лиду по носу, – Вот только трудно очень ступеньки чинятся. Чтобы знать, как правильно их чинить, люди долго учатся.

– А мы только на недельку приехали... – погрустнела Лида, – Что же делать?

Олег притворно задумался. Потёр подбородок, как персонаж мультфильма. Потом посветлел лицом и щёлкнул пальцами:

– Придумал! У нас с Ваней сейчас как раз перерыв. Давай мы все втроём пойдём и подмажем бабушкины ступеньки!

– Давай!! – Лидочка даже захлопала в ладоши, так ей понравилась идея Олега.

– Веди нас! – Олег подхватил ведёрко с какой-то серой вязкой смесью и последовал за скачущей впереди девчонкой.

Света и Лёша услышали со двора весёлый смех и, оторвавшись от телевизора, вышли на улицу.

– Вы кто? – удивлённо спросила Света, завидев во дворе незнакомых людей.

– Это мои друзья! – гордо заявила Лида.

– Нас Лида помочь попросила, – шмыгнул носом рыжий Олег. И как-то странно посмотрел на родителей девочки. Так, что они отвели глаза.

Скоро ступеньки были закончены. Ребята отказались остаться на ужин, но с удовольствием взяли яблок – за домом рос прекрасный сад.

Когда они ушли, Лидочка подбежала к папе:

– Папа, представляешь, оказывается, если края ступенек покрошились, с них можно упасть и больно удариться! Поэтому я и решила их починить! Теперь бабушка точно не упадёт!

Мария быстро ушла в дом. Она не хотела, чтобы Лидочка заметила блеснувшие в старых глазах слёзы.

Мама и папа почему-то покраснели. Как будто им стыдно. Интересно, почему? Ведь они должны гордиться Лидочкой! Может, это они так гордятся?

Девочка так и не узнала, почему родители тогда странно себя повели. Вот только на следующее утро, проснувшись, она застала маму и папу за починкой старых ворот.

КУТУЗОВ

Душистый чай обжигал горло, оставляя странный терпкий привкус во рту. Я сделала ещё один глоток, оставила чашку в руках, чтобы согреть озябшие пальцы, и огляделась. В небольшой комнате царил уют. По стенам висели чёрно-белые портреты в массивных рамках. Обои в весёленький цветочек немного полиняли, но смотрелись всё равно здорово. За окном понемногу темнело, и желтые листья в неверном свете фонаря казались действительно золотыми. Напротив меня сидели хозяева квартиры – немолодая супружеская пара. Они были заняты настолько важным разговором, что все мировые проблемы не могли бы соперничать с ним по значению:

– Нет, ты не пил ещё таблетки.

– Я же помню, как ты дала мне их прямо после обеда!

– Точно?

– Уверен!

– Ну, ладно. Тогда не пей. Лучше не выпить совсем, чем выпить лишнюю!

Решив так, оба миролюбиво занялись чаем.

Неожиданно моё внимание привлёк странный шорох сзади. Я повернулась и чуть не выронила чашку. На пушистом ковре гордо восседал не менее пушистый заяц в чёрном собачьем ошейнике!

– А, заметила! – улыбнулся мужчина, – Я позже хотел показать, ну, да ладно уже. Кутузов, поди-ка сюда, хитрюга!

Заяц послушно приблизился к нему и прижал уши, подставляя голову хозяйской ладони. Мужчина погладил пушистое чудо и, осторожно ухватив за уши, поднял и усадил себе на колени.

– Откуда он у вас?

Пара хитро переглянулась, и женщина кивнула. Мужчина решил, что мнения жены недостаточно для принятия столь важного решения – рассказывать мне «великую тайну» или дать умереть от любопытства. Он решил ещё посоветоваться с самим виновником переполоха:

– Что, Кутузов? Можно мне пересказать твою знаменитую биографию, морда ты ушастая? А?

Заяц скосил на него чёрный блестящий глаз и, кажется, чихнул.

– Говорит, можно, – перевёл хозяин, – Ну, тогда слушай. Знаешь, перед тем как быть принятым в Охотничий клуб, нужно один-два года проходить стажировку... – издали начал он.

– Да ты не таяни, – не выдержала женщина – Чего ты ей про свой клуб-то говоришь? Ты про зайца говори!

– А я и говорю!

– Ну, так говори, что пошёл Петька Иваныч на зайца...

– Кто тут рассказывает, ты или я?

– Да ты, ты.

– То-то же! Ну, так вот, – довольно продолжил мужчина, вернув себе положенную власть, – отправился один из наших охотников на зайца. Ну, и стажера с собой взял, чтоб, значит, скучно ему не было. Выследили они ушастого легко. Охотник выстрелил, да вот незадача: только глаз зацепил. А зайцы, они очень к боли чувствительны! Стал зверёк крутиться, вертеться, чистый цирк! Охотник и говорит стажеру, мол, поймал – твой будет. Стажер, мальчишка совсем, изловчился да и поймал! Держит за лапы и за уши, в мешок запихивает. – Тут хозяин изобразил некий жест, который должен был разъяснить, как именно запихивали в мешок зайца – Охотник ему: «Пришибить бы его надо, живой же ещё!» А стажер отнекивается: «Жене принесу, скажу, что догнал и поймал голыми руками!» И принёс. Открывает мешок, а заяц как сиганёт на волю! – Мужчина взмахнул руками, показывая, как именно «сиганул» заяц. – Мечется, бедный, по комнате, выход найти не может. Видит – пятно светлое. И как прыгнет в окно! Карниз падает и – охотнику по лбу! – Мужчина смачно хлопнул себя ладонью по лбу. – Шторы на зайца, заяц – в сервант! Жена – за швабру и ну зайца охаживать! – Кутузов, перепугавшись жестов своего хозяина, сжался в маленький пушистый комок и затих. – Да только заяц уворачивается, швабра – по оставшейся посуде попадает. Охотник с молотком прибежал и как запустит им в зайца! Заяц – вправо, молоток – в стену, штукатурка – в стороны! – Мужчина даже раскраснелся, изображая штукатурку, которая разлетелась в стороны. Мы с его женой затаили дыхание в ожидании продолжения. Видно, мне повезло, и сегодня он был в ударе, раз даже жена слушала внимательно. Она-то явно слышала историю зайца не первый раз!

– Погонялись они так за ушастым с полчаса, решили в ванную его заманить, – продолжал тем временем мужчина. – А он, шельма, мимо пролетел – и на кухню. Грохот, лязг! И тишина. – Мужчина понизил голос почти до шепота и развёл руки широко в стороны, изображая тишину. – Заглянули ребята на кухню – ушастый под кастрюлей сидит, притих. Перепугался, видно, а может, кастрюлю за нору принял – кто его, разбойника, разберёт. Ну, стажер решил не рисковать, позвал людей. Вязали косога всем двором. Связали, а потом пожалели: такого героя – и в жаркое, как можно! Вот и взяли мы с женой его на воспитание. Кутузовым назвали, за героизм, которому не помешала одноглазость.

– А я его Кузенькой зову, – добавила жена, ласково поглаживая перепуганного столь эмоциональным рассказом зайца.

ДМИТРИЙ БУЙМИСТРУ**«МЫ НАЧИНАЕМ КВН...»**

«Для чего? Для чего?...» А и вправду – для чего? Этот вопрос возникает не только у зрителей, но порой и у самих КВНщиков. Родился-то КВН уже довольно давно – полвека тому назад! И до сих пор каждая игра начинается с аплодисментов, продолжается под искренний смех и неподдельную радость зрителей и заканчивается под все те же теплые и благодарные аплодисменты. Так было и в самый первый раз, в далеком 1961 году, когда родился «Клуб Веселых и Находчивых», так происходит и сейчас. Традиции КВНа неизменны, популярность ошеломляющая, а то, что это самый долгий проект в истории советско-российского телевидения, который не перестает быть свежим и актуальным и, что немало важно, – не надоедает, лишь подтверждает слова команды ХАИ (Харьков): «КВН – это наиболее удачное сочетание трех букв русского алфавита!».

Но если КВН в России и других странах СНГ является одной из неотъемлемых частей культурного развития молодежи, то в Молдове о нем знает совсем немного людей. Да и отношение к КВНу у них крайне неоднозначное. Одни говорят о нем с пренебрежением (причем, хочу заметить, некоторые делают это, ни разу не побывав на играх), другие знают о нем лишь понаслышке, третьи изумленно восклицают: «У нас КВН? Вы шутите?». «Нет, не шутим, ну, точнее, на КВНе шутим, а про его существование – нет», – отвечаем мы. Молдавский КВН – это не миф и не легенда о каком-то подвиге Геракла, а самая что ни на есть реальность – заслуга русскоязычной молдавской молодежи, которая поддерживает КВНовское движение в стране и хочет, чтобы о молдавском КВНе знали и увлекались им.

«Большому» КВНу уже стукнул солидный возраст – 50 лет, а нашему – постперестроечному «молдавского разлива» исполнилось только 16. Совсем подросток. Но у него, тем не менее, есть уже своя периодизация, названия для которой можно заимствовать из учебников по истории.

«Мезозой». КВН в Молдове появился «не от сырости». КВНовский «бум» прокатился по всему Советскому Союзу, не обойдя своей «юморной» стороной и нашу страну. В 60–70-х годах прошлого века у нас играли в КВН с энтузиазмом, были свои герои и свои звездные команды. К сожалению, судьба распорядилась так, что многие из них покинули Молдавию, и теперь ветераны Молдавского КВНа – «птенцы легендарного КиВиНа» – поживают по всему миру – от Америки до Австралии. И очень трудно молодому поколению КВНщиков прочитать эти славные страницы истории, перенять опыт. А потом КВН в Молдове потихонечку сник, и наступил «ледниковый период». Второе рождение отечественного КВНа произошло ближе к концу XX-го столетия.

«Античность». 1995–1999 гг. – начало развития современного КВНа в Молдове. Зарождение первых команд – первопроходцев, «первошутистов», таких как «КОМ», «Бессарабские мэтры», «Белый аист» и др. Эдуард Облам, Сергей Зверев, Леонид Мучник и многие другие стали первыми, кто продолжил дело своих КВНовских «прапрадедов», игравших еще во времена СССР. Произошло посте-

пенное «становление на ноги» юмора, «колонизация» КВНа и объединение всех молдавских веселых и находчивых в «Ассоциацию КВН Молдовы». КВНщики этого периода впервые столкнулись с финансовыми проблемами, полной отстраненностью государства от КВНовского движения, но они играли, несмотря на все перипетии и сложности, подавая пример будущим поколениям этой игры.

«Средневековье». 2000–2008 гг. озаменованы появлением большого количества команд, но, как известно, количество, к сожалению, не значит качество. Многие новые команды появлялись на горизонте КВНа и тут же исчезали. Но все же некоторые из них стали командами-долгожителями, например, команда «Magic People», о которой еще будет упомянуто в дальнейшем.

Общий уровень юмора, конечно же, был не самым высоким. Связано это, в первую очередь, с отсутствием грамотной редакции, которая, кстати говоря, является первостепенной в «большом» КВНе! Но и в «Темные века» не обходилось без ярких проблесков. Одним из них была команда «КВК 5 звезд», которая довольно успешно выступала не только в Молдове, но и за ее пределами в официальных лигах Международного Союза КВН. Энтузиазм, двигавший КВНщиками этой команды, угас, когда материальные затраты стали просто огромными, непосильными для ребят. Ведь мало кто знает, что для участия в одной из официальных лиг МС КВН, например Воронежской лиги «Старт», необходимо сделать взнос в размере около 25 тысяч рублей, прибавьте к этому еще расходы на проживание, питание и дорогу. Кто потянет такую «репку» или «капусту»? Финансов нашего молдавского деда+бабки+внучки + выручки от продажи Жучки, кошки и мышки вряд ли на это хватит.

«Новое время» – период во всемирной истории, для которого характерны различного рода революции, «весна народов». В молдавском КВНе его продолжительность составила 3 года – с 2008 по 2010. И своя так называемая «осень народов» тоже имела место. Возраст отечественного КВНа был переходный, а стало быть, и конфликтов не избежать. Самый крупный связан с Открытым кубком СНГ, организованным ТТО «АМиК» (Телевизионное Творческое Объединение «Александр Масляков и Компания») 20 ноября 2010г., где КВНщикам нашей страны впервые представилась возможность выступить на «Первом» канале. На каком уровне выступили, обсуждать не будем, выражу лишь общее впечатление публики об увиденном: «Приехали в Москву, вроде на КВН, но больше танцевали, чем шутили, а если и шутили, то сами же себя и свой народ обсмеяли во всеуслышание, дескать, мы молдаване – строители, чего еще от нас можно ожидать?». Мало кто знает, что «сборная» Молдовы состояла всего из 2-х команд: одной из Тирасполя (большинство) и одной из Кишинева (2 человека). Принцип отбора в сборную, который осуществляло руководство «Ассоциации КВН в Молдове», остается для многих ученых и КВНщиков такой же загадкой, как появление каменных истуканов на острове Пасхи. Неужели деньги?! Да не может быть, чтобы в нашей стране из-за денег такое случалось! В общем, история грязная и неприятная. Именно она породила раскол в молдавском КВНе и фактический распад Ассоциации, из которой ушли все команды.

«Всё что ни делается – к лучшему» – эта поговорка отлично вписывается в эпиграф нового листа молдавского КВНа – периода **«Новейшей истории»**. В начале 2011 года группа опытных КВНщиков, оставшихся за бортом «юмористи-

ческого флагамена», который должен был покорить Москву нашим молдавским юмором, а не танцами и хоп-ша-шайками, создала Открытую Кишиневскую Лигу (ОКЛ), куда с радостью вошли команды, с которыми некрасиво обошелся президент бывшей Ассоциации, позабывший о них. Они сделали так, что в небытие ушла набившая оскомину «Ассоциация КВН в Молдове». Новая лига открыла свои двери для всех ребят, которые хотят играть в КВН. У ОКЛ появились долгожданная серьезная редакция в лице Липкана Дениса и Гриценко Дмитрия и новый директор – Гриценко Егор, отвечающий за место проведения игр, качественное оборудование, рекламу. Помимо календарных игр и фестивалей, организаторы проводят неформальные игры и кубки клубного юмора, семинары в Молдове и за рубежом. Командный состав ОКЛ очень разнообразен, здесь присутствуют и команды-старички – опытные «Magic People», о которых уже упоминалось (отметим также, что они стали первыми чемпионами ОКЛ), народная команда «Политех» и молодые амбициозные коллективы, такие как «Хлопайте», «Не Звезда», «Настя и Медведи» и др. Последние, несмотря на свою КВНовскую молодость, стали победителями фестиваля, посвященного 50-летию КВНа, организованного все той же ОКЛ. Болельщики, которые с удовольствием приходят на шуточные баталии, удивлены качественной подготовкой команд, профессионализмом жюри, которое состоит из бывших «звездных» КВНщиков, знающих толк в игре, таких как вышеупомянутый Сергей Зверев, Руслан Гылка, Александр Колун – игрок и капитан уже известной вам команды «КВК 5 звезд», и других. В КВН стало приятно играть, да и смотреть его стало интереснее. А эти две величины прямо пропорциональны (а я спорил со своей учительницей по физике, что мне это слово никогда не пригодится): то есть чем больше и лучше играют, тем больше смотрят!

Прогресс, несомненно, заметен, но многие проблемы так и остались нерешенными, а от них зависит будущее отечественного КВНа. В первую очередь, – это отсутствие интереса и поддержки со стороны государственных структур. Остается только жаловаться на это Президенту, так вот проблема – нет Президента. В учебных заведениях уже давно забыли о КВНе. ВУЗы не заинтересованы ни в поддержке уже существующих команд, ни в создании новых. Единственным исключением из правила является Приднестровский Государственный Университет, где руководство проявляет интерес к местным командам и оказывает им помощь.

Во-вторых, финансирование. Оно так же отсутствует, как и Президент. Многие перспективные команды просто сходят с дистанции из-за материальных проблем. На одном энтузиазме далеко не уедешь, а «родительская шея» хоть и удобное, но не долговечное «средство передвижения». А ведь Молдавский КВН, кроме всех своих достоинств веселой, интеллектуальной игры, – это и популяризация нашего молодого независимого государства, это престиж и выгода для рекламодателей! Смогла же, например, Армения, небольшая страна постсоветского пространства с массой проблем, создать потрясающую команду.

Главное, надо понять и определить: нужен ли нашей молодежи КВН, то есть ее умственное, творческое развитие и веселое и вместе с тем интеллектуальное времяпрепровождение, или же надо все финансы, выделенные на повышение культурного уровня молодежи (если таковые вообще предусмотрены в Молдове),

вложить в производство чемоданов, чтобы все смогли уехать за границу? Кажется, что руководство страны оставляет за собой право во фразе КВНовского гимна «Чтоб не осталось в стороне никого!» поменять слово «сторона» на «страна».

В-третьих, удивляет тот факт, что наш КВН, и без того малочисленный по количеству команд и болельщиков, раздроблен на несколько лиг. Может, это сформированная годами наша «молдавская традиция» разделяться на слабенькие, чрезмерно гордые группки? Существуют Открытая Кишиневская Лига, Лига КВН Восточной Европы (г. Бельцы) и еще несколько лиг в Приднестровье и Кишиневе. Играют в них по 5-8 команд, не имеющих, соответственно, ни сильной конкуренции, ни даже элементарного спортивного интереса. Возникает логичный вопрос: «Ребята, а почему бы не объединиться в одну мощную лигу?». Причем, у каждой лиги есть свои лучшие стороны. Например, у ОКЛ самое лучшее «наполнение», а именно, очень хороший набор команд – и сильных, и перспективных. У Лиги Восточной Европы самое лучшее финансирование. Другие лиги также могут привнести свои плюсы в общее дело, ведь КВН – игра, которая объединяет. Единство поможет нам выжить в этом мире.

И все-таки, несмотря на все трудности, молодые, активные, талантливые ребята вновь доказывают, что наш КВН, как говорит мэтр – дядюшка Гусман, жил, жив и будет жить! Мы смотрим на многие вещи через призму юмора, шутим на острые политические темы и занимаемся со сцены врачеванием, ведь смех, как доказали ученые, прекрасное лечебное средство, продлевающее жизнь!

Что бы ни случилось, мы будем и дальше продолжать петь строки: «Пусть не решить нам всех проблем, не решить всех проблем. Но станет радостнее всем, веселей станет всем!»

***От редакции:** статья представляет взгляд сегодняшнего юного поколения на любимую игру. Мы приглашаем к разговору «ветеранов» – поделиться воспоминаниями и своей точкой зрения на современный КВН в Молдове.*

ОЛЕГ КРАСНОВ

ИСТОРИЯ РУМЫН КАК ЛИНИЯ ФРОНТА ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

(обзор молдавских учебников истории)

Список учебников истории, рекомендованных для изучения в молдавской школе, насчитывает 42 фолианта, изданных за последние десять лет. Кроме того, в 2009 году были отозваны два учебника – для 9 и 12 классов, поскольку они создавались при участии молдовениста Сергея Назарии и не соответствуют взглядам нынешних властей. Это далеко не все учебники: в первое десятилетие независимости также издавались учебники истории и оседали на полках школьных библиотек, где ими продолжают пользоваться по сей день.

Любезная госпожа Корина Лунгу из министерства просвещения уверяла меня, что все учебники существуют на двух языках, но, посетив добрый десяток библиотек, я стал в этом сомневаться и позвонил в издательство «Civitas», выпустившее ряд учебников, где мне подтвердили, что учебников на русском языке у них нет. Это обстоятельство представляется мне важным, я потом объясню почему, а сомневающиеся могут посмотреть картотеку Национальной библиотеки – bnrt.md, куда поступают все книги, изданные в республике.

Молдоване или румыны

Для непосвященного читателя я иногда буду излишне подробно проговаривать какие-то вещи, хорошо понятные местным читателям.

Самосознание жителей Молдавии, говорящих на молдавском, или, если угодно, румынском языке, не отличается определённой ясностью. Некоторое молдоване считают себя румынами, частью румынской нации, а другие считают себя хоть и близкородственным, но отдельным народом, молдаванами. При этом далеко не каждый, кто считает себя румыном, стремится к тому, чтобы Молдова стала частью Румынии. Сторонников существования молдавского этноса называют молдовенистами. Некоторые молдовенисты не хотят называть свой язык румынским, хотя лингвистически это, безусловно, один язык. Хорошо это или плохо, правильно или нет, научно или не очень, но по опросам большая часть населения считает себя молдаванами и не торопится присоединяться к Румынии.

Само по себе лингвистическое единство молдавского и румынского языка ни к чему не обязывает. Мы видим такие примеры, как бывшая Югославия, где сербы, хорваты, боснийцы и черногорцы говорят на одном языке, но называют язык по-разному и живут в разных государствах. Нельзя заставить хорвата признать, что он говорит на сербском языке, если ему нравится называть язык хорватским.

Нельзя объяснить черногорцу, что он по всем признакам серб, если ему хочется называть себя черногорцем. И никакие доводы учёных значения не имеют, важна самоидентификация этих людей.

Дополнительные сложности создаёт то, что этноним «румын» появился довольно поздно, а независимое государство с названием «Румыния» появилось на карте только в 1877 году. Иначе говоря, словари «молдавского» языка появились раньше, чем «румынского».

Я далёк от того, чтобы встать на сторону одних или других – по моему глубокому убеждению, этническое самосознание – личное дело каждого человека. Я только хочу показать, как это противостояние реализуется в школьном учебнике.

История румын

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют собой учебники для последнего, 12 класса, поскольку туда вложена итоговая идеологическая доктрина. Но и учебники для младших классов небезынтересны, поскольку там идеология изложена максимально просто. Вот, к примеру, учебник для 6 класса:

«Знание и понимание событий и процессов, которые происходили в средние века на территории Республики Молдова, невозможны без изучения того, как они происходили на всей историко-географической территории проживания румын – от берегов Тисы до Днестра, Дуная и Чёрного моря. Население этой огромной территории было одного и того же происхождения, говорило на одном и том же языке, у них были одинаковые обычаи, традиции и вера. Всё это историко-культурное наследие не может быть разделено, оно принадлежит всему народу, который сложился и развивался на этой земле» (стр.130). (Демир Драгнев, Георге Гонца, Павел Чокырлэ, Эмиль Драгнев, изд. Штиинца, 2001) (стр. 134. Там же).

«Археологические раскопки подтверждают, что начиная с 8 века на территории, расположенной между Днестром, Тисой и Чёрным морем и частично до Балканских гор, сформировалась единая материальная культура. Следы этой культуры были обнаружены и на территории к востоку от Прута и принадлежали единому народу – румынам. В VIII-IX веках процесс формирования единого румынского народа в основном был завершён» (стр.133. Там же). «Румынский язык сформировался одновременно с румынским народом, имея в своей основе разговорную латынь придунайских провинций Римской империи. Язык был практически сформирован и использовался по обоим берегам Дуная уже к VII веку, то есть до прихода и расположения славян на Балканах».

Понятно, что это упрощение, в любой книге по языкознанию можно прочесть о том, что славянское влияние на лексику, фонетику и строй румынского языка очень значительно. Тюркское, греческое, венгерское влияние хоть и меньше, но тоже существенно. Однако не будем тратить время на возражения, просто обратим внимание на концепцию – «один народ, один язык, одна земля». Язык и народ сформировались до появления на Балканах славян и других «пришельцев». Впоследствии, в учебниках старших классов, другие народы назовут «некоренными», или даже «чужеродного происхождения», по выражению Енчу.

При этом для любого исторического периода используется прилагательное «румынский» – «румынская средневековая цивилизация», «Михай Витязул ввёл в письменный оборот румынский язык». Знал бы об этом Михай Витязул... Это как если бы сказать, что Шекспир был американским драматургом.

Всё бы ничего – обычная доктрина румынизма, кто-то другой напишет молдовенистский учебник – ничего страшного в этом не было бы, если бы речь не шла о детях.

«Выскажите своё отношение. Наши деды, родители, родственники называли или называют себя и ныне молдаванами. Как ты думаешь, они принадлежат к румынскому роду? Объясни и аргументируй свой ответ» (стр. 135. Там же).

Представляете, что происходит с сознанием ребёнка, родные которого не считают себя румынами? Противостоять учителю или противостоять семье?

Татары Чингиз-хана

Помимо прочего, в учебниках есть довольно большое количество нелепостей и несуразиц, из которых самая таинственная и необъяснимая – это «татары Чингиз-хана»:

«Цыгане относятся к самой древней этнической группе Молдовы между Прутом и Днестром. Их родиной является Индия. Не желая подчиняться татарам Чингиз-хана, они достигли Бессарабии» (стр.48) (Пётр Бойко, Валентина Чинчлей, Мария Веверица. История для 8 класса, изд. Univers Pedagogic, 2006).

Позвольте, но Чингиз-хан никогда не бывал в Индии. Цыгане появились в Европе в XV веке после крушения Византии, но и Византию Чингиз-хан не трогал. Славяне появились в регионе значительно раньше, в VII веке, а ко времени появления цыган в Молдове уже были русины, татары, армяне, венгры, немцы, евреи, болгары.

Но я, кажется, знаю, откуда взялись эти злокозненные «татары»:

«В пору правления Чингис-хана татары были чёрной грозой христианства. Не ведали покоя из-за них и наши предки. Драгош, румынский господарь из Марамуреша, решил пресечь их грабежи ...» (Николае Дабижа, Аурелиан Силвестру. Дакиада: Книга для чтения по истории для 2 класса/ изд. Лумина, 1993, тираж 45 000).

Неловко об этом говорить, но Чингиз-хан и в Европе никогда не был, потому что умер в 1227 году во время похода на тангутов, за десять лет до похода монголов на Запад. И при всех его личных недостатках не мог беспокоить предков уважаемого господина Николае Дабижа. Если, конечно, у него нет родственников в Китае. Западный поход возглавлял внук Чингиза – Бату-хан, но и с ним Драгош-водэ, наместник венгерского короля в 1351–1353 годах, но не господарь, встречаться не мог просто потому, что жил намного позже. К тому же, «в пору правления Чингиз-хана» монголы придерживались шаманистских верований, были равнодушны к христианству и терпимы в религиозном отношении.

Научный труд прочтут всего несколько коллег, а эту чепуху десятки тысяч детей на протяжении многих лет вынуждены читать и произносить вслух.

История ментальностей

Бросается в глаза, что авторы учебников совсем не видят различий между собственной ментальностью и сознанием средневекового человека.

Простой пример. Осенью 1462 года, после знаменитого ночного боя под Тырговиште, после победы Влада Цепеша над турками, добытой большой кровью, ценою применения тактики выжженной земли, бояре вдруг смещают Влада и возводят на престол его брата – Раду чел Фрумос, который сразу же обращается к туркам с предложением продолжить выплату дани. Но почему? А потому, что задачей этих людей была не героическая гибель в борьбе с захватчиками, как это иногда представляется авторам учебников, а заурядное и прозаичное выживание.

Возвращаясь из похода в Покутье, Штефан чел Маре привел с собой русинов и посадил их в Молдове. Это было разумно – страна была обескровлена. Влад Цепеш привёл славян, возвращаясь из похода за Дунай. Для средневекового сознания категория национальности была несущественна, куда важнее была категория правильной веры. Время национальных государств пришло значительно позже, «дело объединения румын и создание централизованного государства» в XV веке было настолько немислимой затеей, что ни Влад, ни Штефан не поняли бы, о чём речь.

Можно, конечно, предлагать школьникам давать моральные оценки деятелям средневековья, как это предлагают учебники, но для этого нужно, чтобы хотя бы у наставников были представления о морали того времени.

Впрочем, то же самое касается и более позднего периода. Причина многих недоразумений, на мой взгляд, состоит в том, что некоторые авторы пребывают в националистической парадигме («нас волнует только то, что происходило с нами», «румыны не могут оккупировать румын»), тогда как описываемые ими «большевики» пребывали в классовой парадигме («наши братья – бессарабские рабочие и крестьяне стонут под гнётом румынских бояр»). Неспособность выйти за пределы усвоенной доктрины и приводит к нелепостям. Скажем, историк Октавиан Цыку всерьёз говорит о «классовом геноциде», что является собой очевидный оксюморон.

Учебники для 12 класса

Основным считается учебник Енчу (*Enciu Nicolae. Epoca contemporana, Istoria contemporana si a romanilor, classa a 12-a, Chişinău, ed. Civitas, 2008, 2011*). Он недавно переиздан и поэтому доступнее учебников прежних лет. Но в списке допустимых к использованию есть ещё два учебника авторов Анатола Петренку и Иоана Скурту (*Petrencu Anatol, Scurtu Ioan*).

Прежде чем говорить о содержимом учебника Енчу, я скажу о том, чего там нет (учебник представляет собой увесистый том формата А4 в 350 страниц, большая часть которого посвящена Второй мировой войне и предвоенной ситуации). Так вот, там нет **Мюнхенского соглашения 1938 года (Мюнхенского сговора). Вообще ни слова.** Я долго не мог этому поверить, но зато теперь знаю, что чувствовал учитель географии из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, когда не нашёл на карте Берингова пролива.

В книге также нет обстоятельств оккупации Бессарабии румынской ар-

мией в 1918 году. Я прошу прощения за слово «оккупация», поскольку для румын это «воссоединение с матерью-родиной». Но такие коллизии возникают постоянно – то, что для одной стороны хорошо, для другой плохо.

Практически ничего нет о массовом истреблении евреев в ходе Второй мировой войны в румынской оккупационной зоне, где было уничтожено по разным данным до 400 тысяч евреев. Крайне мало информации о событиях войны, совсем ничего нет об одной из крупнейших операций Второй мировой – Яско-Кишинёвской.

Пожалуй, самое примечательное в учебнике Енчу – сравнение количества жертв фашизма и коммунизма. В числе жертв коммунизма учтены люди, погибшие от голода и эпидемий, а в качестве источника информации фигурирует литератор Солженицын (стр. 36), причём без уточнения издания – в библиографическом указателе Солженицына нет.

Надо сказать, что авторы учебников вообще охотно используют вторичные пропагандистские материалы, к примеру, Енчу почему-то цитирует Ленина по книге Дмитрия Волгогонова (стр.37), а Петренку даёт биографию Че Гевары по «Чёрной книге коммунизма» (стр.40) (*Petrencu Anatol, Ioan Chiper. Istoria Universală. Epoca Contemporană. Chişinău, ed. Prut International, 2002, 2006, 2007*) и так далее.

Так вот, в результате нехитрых арифметических вычислений количество жертв коммунизма оказывается равным 60 695 000 тысяч (именно так, с точностью до тысяч), а количество жертв фашизма, полученное сложением количества жертв немецких концлагерей, равняется 6 миллионам евреев (стр.36. Там же). Похоже, никого, кроме евреев, в концлагерях не было, а о жертвах фашизма в других странах Енчу не слышал. Значительно позже, на стр.139, выясняется, что автору всё же известно о том, что СССР понёс большие человеческие потери, но очень приблизительно – 20–25 миллионов.

Господа историки, я понимаю, что у вас докторские степени, а я всего лишь журналист, но такие учебники – это даже не уровень Википедии.

История бесстрашна – было то, что было. Пристрастны люди. И чтобы научиться понимать, нужно смотреть в прошлое без осуждения или раболепия, не навязывая времени собственные истины и заблуждения.

Об уничтожении евреев румынскими войсками в книге Енчу есть только одна фраза:

«Но альянс с гитлеровской Германией заставил румынские власти участвовать в 1941 году в депортации евреев из Бессарабии и севера Буковины в Транснистрию. Значительная часть из них была истреблена, что в последствии было квалифицировано как холокост» (стр.95).

Что, вообще говоря, неверно, поскольку еврейские погромы в Румынии начались ещё в 1938 году, и расовые законы стали вводиться тогда же, начиная с декрета №169 правительства Октавиана Гоги. Об истреблении евреев в зоне румынской оккупации много и подробно сказано в учебнике Назарии: населенные пункты, лагеря смерти, количество убитых, даты, обстоятельства и способы умерщвления, но именно эта книга (*Сергей Назария, Александр Роман, Михаил Спинчанэ, Сергей Раца, Анатолий Дубовский, Людмила Барбус. История, новейшее время. Учебник для 12 класса, Кишинёв, ed. Cartea Moldovei, 2006*) была выведена из программы в 2009 году после прихода к власти правящего альянса.

Коммунизм и нацизм

Едва ли не главной идеологической задачей учебника Енчу является доказательство тождества между коммунизмом и нацизмом, а также исключение из рассмотрения других европейских режимов того времени.

«В многочисленных дебатах, посвящённых интерпретации фашизма, нацизма и коммунизма, некоторые авторы делают различие между фашизмом и нацизмом, желая использовать термин «тоталитаризм» только для коммунизма и нацизма» (стр.34).

Таким образом итальянский фашизм, испанский франкизм, румынский легионеризм, венгерский хортизм, португальский салазаризм, а также режимы Петена, Квислинга и прочие, основанные на крайне правом радикальном национализме, уже не являются тоталитарными. Это, в частности, позволяет автору считать, что румынское государство было демократичным до момента диктатуры Антонеску. Больше того, если закрыть глаза на некоторые неприятные эпизоды с евреями, то можно считать, что и нацменьшинства в Румынии пользовались значительной свободой.

«В период между мировыми войнами национальные меньшинства составляли 28,1% населения страны. Им было обеспечено равенство в правах с другими гражданами, выраженное в разнообразных политических возможностях, в культурной и конфессиональной свободе» (стр.24) (Скурту Иоанн и др. Учебник для 12 класса. Chişinău, ed. Prut international, 2001, 2006, 2007).

С точки зрения Петренку, *«режим Антонеску не был фашистским режимом, т.к. не имел в основе единую фашистскую партию (...) Режим Антонеску являлся современной диктатурой, толерантной по отношению к демократической оппозиции».*

Или вот что говорит учебник 9 класса: *«В своей основе политический режим Иона Антонеску носил авторитарный характер, но в то же время оставался достаточно лояльным в отношении оппозиции» (стр.68) (Паладе Г.Ф., Шаров И.М. История Румын. изд. Cartididact, 1999, переиздан в 2009 г. изд. Civitas).*

После отождествления коммунизма и нацизма было бы естественно в пропагандистском плане сделать следующий шаг – выдвинуть тезис о преступности коммунизма и требовать его запрета. Но здесь есть свои сложности: непонятно что такое «коммунизм» – Томмазо Компанелла и Томас Мор – это ведь тоже коммунизм, а советский строй даже его идеологи коммунизмом не считали. Я пытался разговаривать об этом с авторами учебников, в частности с Эмилом Драгневым, но, несмотря на мои просьбы, никто не мог сформулировать ничего связного, а только предлагали запретить конкретную советскую практику. Час от часу не легче – непонятно, что такое «советская практика» и какой смысл её запрещать в отсутствие Советского Союза? А запрещать одну только символику было бы как-то совсем уж беспомощно.

Вероятно, сознавая слабость тезиса, авторы учебников пытаются увидеть доказательства идентичности нацизма и коммунизма в каких-то внешних признаках, в связях между Германией и СССР, и в частности в пакте Молотова-Риббентропа, которому посвящены буквально десятки страниц учебников. По этой причине Мюнхенское соглашение пришлось оставить за рамками учебника, иначе нарушалась бы логика повествования. Соответственно, и вина за развязывание Вто-

рой мировой войны лежит на СССР, и потому само упоминание Мюнхенского соглашения становится неуместным.

Румынию, как ни странно, связи с нацистской Германией не порочат, поскольку они были не сущностными, а ситуативными. И вступление в войну на стороне Германии было вполне оправданным.

«В рамках первого этапа (22 июня – 26 июля 1941 года), румынские войска воевали на румынской земле, освобождая Бессарабию и северную Буковину и восстанавливая, таким образом, границы, существовавшие на 1 января 1940» (стр.95, учебник Енчу).

Летом 2011 года президент Румынии Траян Бэсеску сделал заявление о том, что на месте Антонеску тоже отдал бы приказ о нападении 22 июня 1941 года, что вызвало возражения со стороны США. Но нельзя не видеть, что заявление Бэсеску абсолютно логично и оправдано с позиции учебника Истории румын, и тысячи молдавских школьников сказали бы ровно то же самое.

Бессарабия – румынская земля

Парадоксально звучит, но авторы молдавских учебников истории отрицают саму возможность существования молдавской идентичности.

«В духовном плане русификаторская деятельность принимала такие формы как: фальсификация истории, пропагандирующая теорию о том, что «молдавский народ» есть нечто другое, нежели румынский народ ...» (стр.92, учебник Скурту).

Таким образом, молдавский школьник должен с молодых ногтей уяснить, что нет никаких молдаван – есть румыны, Молдова – румынская земля, и само пространство, в котором мы живём, – румынское.

Подобного рода высказывания есть во всех трёх учебниках для 12 класса, к примеру:

«Своими абсурдными территориальными претензиями советские власти создали фальшивую «проблему» Бессарабии ...» (стр.130, учебник Енчу).

В общем и целом, учебники истории румын устроены очень предсказуемо. Для румынских историков присоединение Бессарабии к Румынии в 1918 году – это реализация вековых чаяний румынского народа, завершение объединения румынских земель, и потому ими столь болезненно воспринимается потеря Бессарабии в 1940 году, потому до сих пор на улицах Кишинёва можно видеть демонстрации с требованиями отменить последствия пакта Молотова-Риббентропа. Назвать присоединение Бессарабии оккупацией – оскорбить этих людей в лучших чувствах.

Логика их оппонентов совсем иная. Румынские войска захватили в 1918 году Бессарабию силой, подавляя вооружённое сопротивление местного населения, следовательно, захват Бессарабии вполне можно назвать оккупацией. Сфатул Цэрий, который принял решение о присоединении к Румынии, не был никем избран, следовательно, является самозванным органом. Бессарабия отошла к Российской империи по Бухарестскому договору 1812 года, а после второй мировой по решению стран-победительниц, соответственно, пакт Молотова-Риббентропа к границе по Пруту не имеет никакого отношения и прекратил своё действие 22 июня 1941 года.

В свою очередь, румынисты заявляют, что бессарабцы, выступившие против румынской армии в 1918 году, – это бандиты, большевики и «люди чужеродного происхождения» и что Османская империя не имела права отдавать Российской империи Бессарабию. Боюсь только, турки этого не знали. Но, так или иначе, учебники истории румын устроены довольно просто: Бессарабия в составе Румынии процветала, а в составе Российской империи и Советского Союза прозябала. Разумеется, по мнению их оппонентов, дела обстояли ровно наоборот.

Возьмём, к примеру, учебник для 7 класса (*Демир и Емил Драгнев. Новая история румын, изд. Civitas, 1999*): «После аннексии Российской империей Бессарабия и Левобережное поднестрие становятся её внутренними колониями» (стр.92).

Я-то думал, что Бессарабская губерния была провинцией России, оказывается нет – колонией. По моим представлениям, это не совсем верное словоупотребление – колония это то, чем для Франции был Сенегал, но не то, чем для Франции был Эльзас – Эльзас был провинцией. Но авторам учебника виднее. И там же: «Вопросы и задания: Почему царский режим не сумел добиться, чтобы его социальная политика в Бессарабии стала привлекательной для балканских народов, находящихся под османским игом?» (стр.128).

Или вот:

«Докажите: В обстановке, создавшейся осенью 1917 года при создании Сфатул Цэрий, был избран оптимальный демократический принцип соблюдения социальной и национальной справедливости» (стр.126).

«Докажите: Объединение Бессарабии с Румынией ознаменовало завершение борьбы бессарабских румын» (стр.131), (Кикуш Николае, Дану Еужения, Демир Драгнев. История румын, часть II. Учебник для 8 класса, изд. Prut international, 2000 г. и переиздания)

Скурту, на мой взгляд, наиболее последовательный автор, поскольку неуклонно и в полном объёме излагает историю Румынии, а не сомнительного временного образования, каким является Республика Молдова. Но и Енчу во вступительной статье разъясняет, что следует изучать историю румын в целом, а не какой-то одной части «румынского пространства», какой является Молдова (стр.8).

Почему были запрещены учебники Назарии?

Да потому, что в учебнике Назарии есть ряд тем и положений, принципиально неприемлемых для румынских историков.

«Таким образом антисемитское законодательство, изданное в годы диктатуры Антонеску, несёт на себе печать самого дикого расизма, направленного против еврейского народа. Антиеврейская политика, проводимая в годы войны румынской правящей кликой, не была каким-либо конъюнктурным делом или следствием давления со стороны бесноватого фюрера. Она отражала внутреннее содержание режима и полностью соответствовала идейному миру самого Антонеску» (стр.98). Вот так, ни больше, ни меньше.

Назария позволяя себе говорить, что в Румынии была установлена «фашистская диктатура» (стр.96), рассказывать о Мюнхенском соглашении. Назария позволил себе объявить несостоятельными теории о подготовке СССР к нападению

на Германию, приводит слова немецкого генерала о стойкости советского солдата, в то время как Скурту пишет о морозе, а Петренку сообщает о важнейших сражениях Второй мировой войны в таком порядке – Эль Аламейн, Сталинград, Курск.

Наконец, Назария пишет о жертвах трагедии 1992 года в Бендерах и о том, что причиной приднестровского сепаратизма в определённой степени был экстремизм этнократического руководства Молдовы, в то время как Скурту утверждает, что русофоны и русофилы боялись потерять привычные привилегии (не очень понятно, о чём речь – молдавская номенклатура состояла преимущественно из молдаван и впоследствии стала политической и культурной элитой независимой Молдовы).

Всего этого оказалось достаточно, чтобы быть исключённым из школьной программы.

Новейшая мифология

Несмотря на то, что последний отрезок истории длиной в двадцать лет хорошо помнят родители школьников, фантазий здесь ничуть не меньше, чем в средневековой истории. К примеру, Енчу вполне серьёзно утверждает, что митинг на центральной площади Кишинёва 27 августа 1991 года собрал 600 000 человек (стр.79), притом что в Кишинёве взрослых не более 400 000, а площадь всего-то 200x50 кв. метров, и на ней при плотном заполнении вмещается не более 40 тысяч человек. Впрочем, в учебнике Скурту вообще 700 000 (стр.148).

Вот ещё характерная деталь:

«Кульминацией демократического движения в республике стал созыв первого Великого Национального Соборания 27 августа 1989 года»

И чуть ниже:

«Важным шагом на пути демократизации политической жизни республики стали парламентские выборы, состоявшиеся в 1990 году. В предвыборной борьбе приняли участие более 600 кандидатов, из которых в Парламент республики были избраны 229» (стр.108-109), (Паладе Г.Ф., Шаров И.М. История Румын. Учебник для 9 класса, изд. Cartididact, 1999, переиздан в 2009 г. изд. Civitas).

На первый взгляд, непонятно – почему кульминацией стал митинг, а не демократически избранный парламент? Догадайтесь почему, это домашнее задание.

Предчувствие гражданской войны

Учебники Енчу, Скурту, Петренку, Назарии переиздавались начиная с 2001-2002 года, – каким образом в головах школьников и учителей помещался Енчу и Назария одновременно? Ответ простой – учебник Енчу существует только на румынском языке, а учебник Назария только на русском. На мой взгляд, это граничит с преступлением. При любых обстоятельствах у подростков одной страны в головах должен быть одинаковый идеологический мусор, иначе это чревато если не гражданской войной, то по меньшей мере расколом общества.

После 2009 года ситуация стала ещё «веселее» – учебник Назарии запретили, и уже два года у русскоязычных школьников нет вообще никакого учебника исто-

рии для 12 класса. Между тем, для экзаменов на бакалавриат в 2012 году была выбрана именно история. Я спросил у госпожи Корины Лунгу, зачем торопиться, почему бы сначала не выпустить учебник? Ответ был незатейливым:

– *Потому что пора навести порядок!*

ЭПИЛОГ

24 октября 2011 года на заседании круглого стола «Россия-Молдова: диалог во имя будущего» Посол Российской Федерации Валерий Кузьмин предложил создать межправительственную экспертную комиссию *«по изучению проблем общей истории с целью выработки сбалансированной интерпретации совместного прошлого, которая легла бы в основу учебников для школ и вузов и отражала бы реальную картину исторических фактов во всей их совокупности и подчас противоречивости с учетом недопустимости фальсификации истории, особенно периода II Мировой войны, замалчивания и преуменьшения вклада молдавского народа в Великую победу над фашизмом».*

Не знаю, что сказать. Если дочитали до конца, то сами всё понимаете.

“РУССКОЕ СЛОВО”
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
21555

**ПО ФАЛЬСИФИКАТОРАМ
ИСТОРИИ - ОГОНЬ!**